

НОВОЕ ВРЕМЯ

февраль 1992

На западные
инвестиции
согласны.
Но только
в виде взятки

9

Индекс 70621

Наш вклад в СОИ

ISSN 0137 - 0723

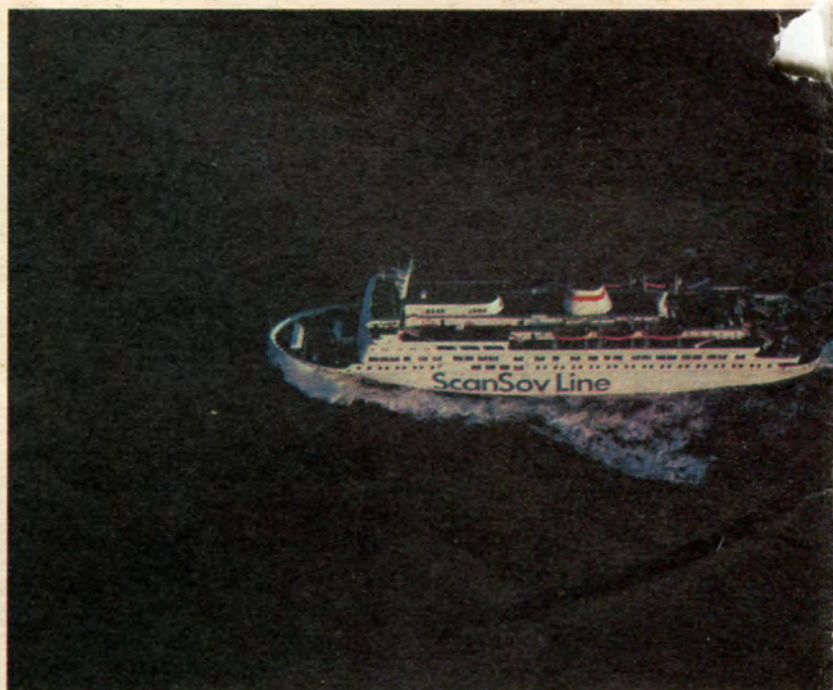
Комфортабельные паромы Балтийского морского пароходства сделают Вашу поездку в Европу приятной и удобной.

Вы имеете возможность совершить поездку вместе с автомобилем.

Паром «Ильич»

с 10 февраля начинает
регулярные рейсы на линии
Санкт-Петербург — Стокгольм.

Санкт-Петербург	о	понедельник	00.05
Стокгольм	п	вторник	09.00
Стокгольм	о	четверг	16.00
Санкт-Петербург	п	пятница	17.30

Паром «Анна Каренина»

доставит Вас без всяких проблем
из Санкт-Петербурга в порты
Нюнесхамн (Швеция), Киль (Германия).

Расписание (действует с 20 февраля):

Санкт-Петербург	о	среда	14.00
Нюнесхамн	п	четверг	17.00
Нюнесхамн	о	четверг	18.30
Киль	п	пятница	19.30
Киль	о	суббота	15.00
Нюнесхамн	п	воскресенье	17.30
Нюнесхамн	о	воскресенье	19.30
Санкт-Петербург	п	вторник	08.00

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

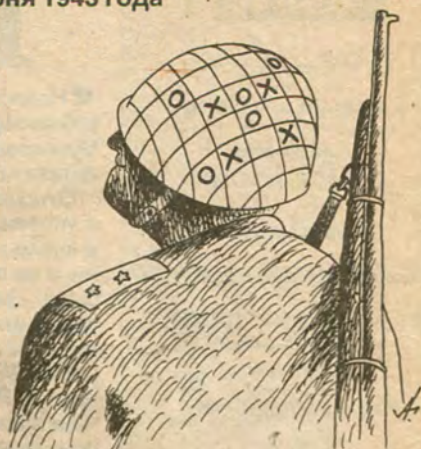
<i>М. Шакина</i> ОТ ТАЙГИ ДО БРИТАНСКИХ МОРЕЙ... ПО-ПРЕЖНЕМУ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ?	4
<i>В. Ганюшкин</i> УРА! НАС БИТЬ ПОРА!	5
ТАТАРСТАН <i>Г. Ковальская</i> НАДО ЛИ БРАТЬ КАЗАНЬ?	6
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ <i>П. Гутионтов</i> КАЖЕТСЯ, НАМ ПРЕДЛАГАЮТ НОВУЮ ЦЕНЗУРУ	8
МЫСЛИ ВСПУХ <i>Л. Васильев</i> ТРАГЕДИЯ РУССКИХ	17
РОССИЯ-ЯПОНИЯ <i>Л. Млечин</i> БИТВА ЗА ШЕЛЬФ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	20
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> ТРУСЫ ДЛЯ НАЧАЛЬСТВА И ПАНТАЛОНЫ ДЛЯ НАРОДА	22

МИР

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ <i>А. Аксененко</i> ВЕТРЫ ДЮТ НЕ ТАК, КАК ХОТЯТ КОРАБЛИ	24
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ <i>Г. Сидорова</i> БЕЙКЕРИАДА	29
МЫ И МИР <i>Д. Погоржельский</i> «НАДЕЖДЫ» МАЛЕНЬКИЙ ОРКЕСТРИК ПОДУПРАВЛЕНИЕМ ЕС	30
США <i>Е. Русаков</i> «ТЕРМИНАТОР» ПОМОГАЕТ БУШУ	32
«УОРЛД ПЕЙПЕР» — В «НОВОМ ВРЕМЕНИ» «ПРИШЛИТЕ МНЕ ДЕНЕГ ...»	35

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ЭМИГРАЦИЯ <i>Ю. Каграманов</i> ШТУРМ ЕВРОПЫ	40
СПОРТ <i>С. Микулик</i> ОЛИМПИАДА: ИГРЫ ПОД ЧЕСТНОЕ СЛОВО	43
ЛИТЕРАТУРА <i>И. Руденко</i> СЛИШКОМ КРАСНАЯ ДЛЯ БЕЛЫХ, И СЛИШКОМ БЕЛАЯ ДЛЯ КРАСНЫХ	46
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>Э. Бенеш</i> ДЕМОКРАТИЯ И ДИПЛОМАТИЯ	57
БИЗНЕС <i>Б. Брамс</i> НУЖЕН ЛИШЬ ХОРОШИЙ ПОРТНОЙ	62
РЕЛИГИЯ <i>Дж. Уолли</i> В ПОИСКАХ ВЕРЫ И СЕМЬИ	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Политические игры с участием армии

Стр. 4, 24

Терминатор-3: в США тоже идет борьба за Белый дом

Стр. 32

Бывшие советские граждане завоевывают Старый Свет

Стр. 40

Главный редактор

**Александр
ПУМПУНЬСКИЙ**

Редколлегия:

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Никита ЖОЛКВЕР,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧАН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Праге, Претории,
Мехико, Нью-Йорке, Риме,
Сеуле, Софии, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU**

**Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Печатается в типографии
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

**Тираж 135000.
Заказ №253.**

**Цена по подписке — 59 коп.,
в розницу — 2 руб.**

© «Новое время»

П О Ч Т А

■ Написать вам побудила публикация работы Дмитрия Муретова «Эрос, народ и политика» (№ 50/91).

Отношения между русским и украинским народами (подчеркиваю: между народами, а не правящими кругами) были всегда доброжелательными. Но межнациональные противоречия были и есть. Украина присоединилась к России, и это отмечено в договоре 1654 года, на принципах автономии. По этому договору сохранялись и правительство Украины, и запорожское войско, и все вольности казаков. Разумеется, царское правительство России не хотело и думать об украинской автономии. Постепенно российский царизм начал нарушать пункты договора, а со временем и вовсе забыл о нем. Чтобы полностью уничтожить в украинском народе чувство своей государственности, царизм начал выбивать из сознания украинцев национальное самосознание, им запрещали

использовать родной язык в школах, в государственных и церковных учреждениях.

В России стало бытовать мнение, что украинской нации не существует, украинцы — это те же самые русские, а язык наш — всего лишь местное наречие. Даже среди русской интеллигенции распространилось мнение, что Украина — окраина России, Малороссия. А украинский язык — тот же русский, только малость подпорченный. Вот и Дмитрий Муретов пишет: «Кто признает малороссов особой народностью, тем самым отрицает принадлежность их к народности русской».

Но мы две разные нации — украинцы и русские, а вовсе не одна — великорусская. Не надо делать из русской нации великорусскую. Это наносит ущерб не только украинцам, но и русским. Я не отрицаю, что в наших культурах есть много общего. Но в каждой из них есть и свое, неповторимое. Украин-

ская культура существует и сама по себе. Муретов пишет: «...где мать-Украина?.. там же, где и государь великий Новгород...» Все это проявления имперского мышления.

Многие русские воспринимают Украину как часть чего-то своего русского. Но, судари и сударыни, вы должны понять: мы, украинцы, — нация. Такая же, как и русская.

В. Борисенко
Сумская область

■ Опубликуйте, пожалуйста, наше обращение. Это будет вашим пожертвованием.

Наша сельская православная церковь разрушена. На ремонт понадобится почти миллион рублей. У нас, простых верующих, таких денег нет. Если сможете, помогите нам. Наш адрес: 623600, Екатеринбургская область, г. Талица. Талкомбанк, код 253437, счет № 000701502.

**Верующие прихода
Церкви Владимирской
Божией Матери**

Отдавать Курилы нельзя. И незачем

■ Любые территориальные изменения и связанные с ними материальные траты лягут тяжелым бременем на еще неокрепшую экономику страны. Надо учитывать и социально-психологический ущерб, наносимый тысячам людей, поневоле попадающим в категорию перемещенных лиц. Напомню, как болезненно и чутко реагирует широкая российская общественность на попытки ущемления прав выходцев из России, проживающих в странах Прибалтики и в Молдове. Можно представить себе и реакцию на вынужденное перемещение тысяч и тысяч российских граждан со спорных территорий. Это приведет к серьезному удару по внутреннему и внешнему политическому престижу центральных властей России, к дополнительной социально-политической напряженности и, возможно, к глубокому политическому расколу среди российского населения.

Каково же конкретное значение для России Южно-Курильских островов?

Геополитически эти острова, как и вся Курильская гряда с юга на север, обеспечивают свободный выход России из ее основных дальневосточных портов в океан. Географическое морское положение России чрезвычайно невыгодное: минимум незамерзающих, тем более открытых океанических портов и даже минимум просто удобных морских бухт, гаваней.

На сегодняшний день ни Япония, ни американские войска, размещенные на Японских островах, не представляют реальной военной угрозы России. Поэтому теряет смысл совет-

ское военное присутствие на Южно-Курильских островах. Это не означает, что их военное значение равно нулю. В любом случае сохраняется и потребность во флоте, и сам военноморской флот, сохраняются соответствующие пограничные силы. Потеря этих территорий потребует найти определенную замену ликвидированным военным базам, морским стоянкам, сооружениям, что потребует дополнительных ассигнований.

Потеря островов будет означать и потерю самой большой ценности — экономического пространства: территории суши и огромной морской акватории, чрезвычайно значимой и для сегодняшнего дня России, и для будущего.

Самое опасное содержится в самом факте передачи островов, в соответствующем правовом прецеденте. Напомню, что практически ни одна страна в послевоенный период никому добровольно не уступала своей территории. Всякого рода территориальные изменения имели место в «третьем мире» или в случае с колониями или зависимыми территориями.

Сам факт территориального спора и разногласий с Японией носит скорее политический, чем правовой характер.

В 1944 году на переговорах Сталина с американским послом в СССР А. Гарриманом был поставлен вопрос об условиях вступления Советского Союза в войну против Японии. Было достигнуто соглашение, скрепленное в Ялте 11 февраля 1945 года подписями трех руководителей: Великобритании, СССР и США. Куриль-

«Украинцы —
не русские;
Украина — не
часть России»

«Надо было на
субботники
чаще ходить!»

«Староверы —
за свободу
латышского
народа»

■ Ваш читатель С.Бояров утверждает, что интердвигение в Прибалтике «в целом выражало недовольство и раздражение переселившихся в Прибалтику людей процессами национального возрождения» («Почта», № 51/91). Свидетельствую: процессы национального возрождения поддерживались культурными людьми разных национальностей, переселившимися в Прибалтику в разные исторические эпохи. Например, в Латвии было создано Балто-славянское общество культурного

развития и сотрудничества. Создано оно было еще до появления всяких интерфронттов.

Бездоказателен поклеп на всех приехавших в Прибалтику: «Не понимали, а затем и не захотели понять, что живут в другой стране». Я знаю старообрядцев, чьи предки поселились в Латвии в допе-

тровские времена. Они понимали и их потомки понимают, где они живут. И они отличаются появившуюся в XX веке «коричневую чуму», желаящую быть выразителем «истинно национального латышского духа» и оскорбляющую староверов, от всего остального народа. Многовековые связи латышей и рус-

ских не дают простора для идей национального превосходства. Неонацистам это явно не по нутру. Вот они и придумали дискриминацию по признаку этнического происхождения. Но мы отличаем этих неорасистов от всех остальных латышей.

Владислав Давилев
Рига, Латвия

■ Прав был Хрущев, обещая коммунизм. Если бы все работали так, как на первых коммунистических субботниках, мы коммунизм бы обязательно построили! Обещатьто Хрущев обещал, а на деле сделал все, чтобы коммунизм построен не был, борясь за власть вопреки коммунистическим принципам. А вот Троцкий действительно стремился к коммунизму. Мировая революция — тоже не утопия, если бы мы построили коммунизм, она бы произошла.

Я знаю: своим письмом никого не воодушевил. Коммунисты за семь десятков лет натворили столько ужасов, что долго еще над человечеством будет витать страх перед коммунизмом. Но я верю, что рано или поздно настоящий коммунизм победит.

Вениамин Мочалов,
32 года,
коммунист
Марийская АССР

Подборку подготовила
Т.Чернова

Я ТАК ВИЖУ

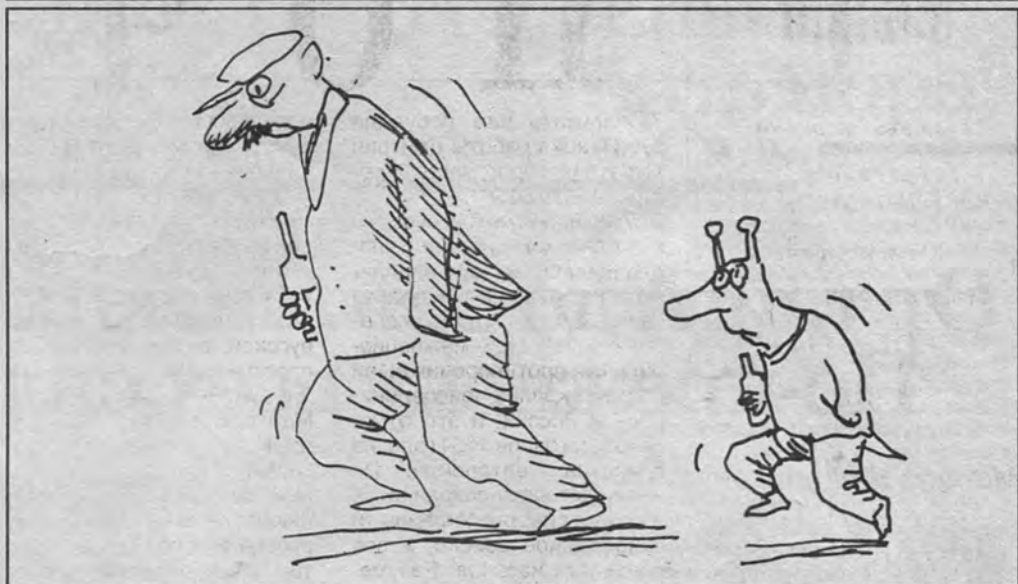

Рисунок Виктора Богорада

ские острова из владения Японией передавались Советскому Союзу.

В подготовленных тогда для Рузвельта рекомендациях говорилось о едином Курильском архипелаге, однако не рекомендовалось передавать СССР южную часть островов. Президент США не воспользовался рекомендациями своих дипломатов и согласился с советскими предложениями.

Де-факто США признали владение Советским Союзом всеми Курильскими островами в 1945—1946 годах, когда начали оккупацию основной территории Японии. Тогда американская оккупационная администрация по указанию Вашингтона определила собственно японскую территорию. Никаких претензий Советскому Союзу по поводу «незаконной» оккупации всех или какой-то части Курильских островов США, как страна, управляющая в то время Японией, не предъявили.

Вопрос о территориальных претензиях Японии к Советскому Союзу стал активно обсуждаться в американском правительстве по мере ухудшения отношений с СССР. Острова стали своего рода предметом торга, элементом политики давления. Во время подготовки мирного договора с Японией Дж.Ф.Даллес поставил условие, по которому в текст договора включалось положение об отказе Японии от Курильских островов и Южного Сахалина в пользу СССР, но только при подписании текста этого договора советским представительством.

Советский Союз не подписал в Сан-Франциско мирный договор (что, несомненно, было

недалековидным шагом), однако в тексте договора зафиксирован отказ Японии от Курильских островов, хотя и не указано, в чью пользу.

Позднее Дж.Ф.Даллес (во время советско-японских переговоров о нормализации двусторонних отношений) поставил ультиматум правительству Японии: США потребовали от Японии предъявить территориальные претензии Советскому Союзу, иначе не будут возвращены острова Рюкю, находившиеся тогда под американским контролем.

Что же следует предпринять в нынешней ситуации?

Следует, на мой взгляд, воздержаться от какого-то урегулирования территориальной проблемы с Японией, установить своего рода мораторий на правовое решение подобного рода вопросов. Никто не может поставить под сомнение весомость японских претензий на часть Курильских островов. Но изменение некой объективной исторической данности приведет к серьезным негативным последствиям: экономическим, политическим, военным, морально-психологическим.

Я бы отметил, что последствия могут быть негативными и для Японии. В общественном мнении России могут возникнуть антияпонские настроения — настроения «реванша», «ущемленного национального достоинства». И это может вызвать ухудшение двусторонних отношений.

Игорь Лавренко,
кандидат исторических наук
Кемерово

От тайги до британских морей... По-прежнему всех сильнее?

Марина Шакина

Год назад День Советской Армии был отмечен многотысячным митингом военных на Манежной площади. Тот митинг сочувствия в демократических кругах не вызвал — по свежим следам вильнюсских событий люди в форме вызвали лишь неприязнь и страх. На тот митинг солдат привозили организованным порядком на армейских автобусах и машинах. В душу военным никто не заглядывал, им просто отдали приказ...

А сегодня... В торжественном собрании по поводу Дня защитника Отечества участвовали Президент России, вице-президент России, Михаил Горбачев. Мэр Москвы «зубр» демократов Гавриил Попов сказал знаменательные слова о том, что, пока есть армия, до тех пор есть и Россия. Что случилось за этот год, так сильно изменивший отношение к людям с оружием?

Истерический срыв не исключается...

Советский Союз развалился, и армия «повисла». Во многих республиках ее называют «оккупационной» и явно считают российской. Демократическое руководство России, объявившее себя правопреемником Союза почти во всех областях государственной деятельности, вдруг почувствовало, что эта армия ему близка и заботиться о ней по большому счету больше некому. А если своя — это совсем другое дело. Своего в обиду давать не принято.

Демократы успели узнать, что демократические лозунги и демократические дела подчас малосовместимы, что иной раз в политике приходится наступать на горло собственной песне и вообще идти к цели извилистым путем. Прошедший год усилил в рядах демократов позиции государственников. А армия, как известно, один из столпов государства, так же как и историческая память, исторические национальные святыни и традиции. Так что «поворот лицом к армии» — ход, естественно, не эмоциональный, а вполне политический.

И речь не о том, что армия, как многие считают, становится самостоятельной политической силой — она разрознена, запутана множеством присяг, замордована социальными проблемами, неоднородна по политическим взглядам и лишена стержня — военной концепции. Единого понятия о том, что

**Демократическое
руководство
России
показало, что
армию оно
в обиду
не даст,
хотя
собственной
армии у нее
еще нет...**

происходит в стране и как это оценить, у нее тоже нет. Если речь о новом путче, то он может вылиться не в целенаправленные политические действия с четко осознанной целью, а в стихийный истерический срыв. Укрепляя российскую государственность, наши лидеры пришли к тому, что не стоит подрыгивать ее корни.

Двойные заложники

Десять побитых милиционеров в столице, десять тяжело раненных и один убитый солдат внутренних войск в Степанакерте-Ханкенди — вот итог военного праздника. Установка «ГРАД», ведущая обстрел столицы Карабаха из города Шуши, на этот раз была не по мирному населению, как обычно, а по солдатам. Несчастный полк в прямом смысле слова на себе ощутил итоги многолетней безголовой политики в карабахском конфликте.

Полк внутренних войск остался сегодня в Карабахе заложником обеих воюющих сторон. Баку утверждает, что полк помогает армянским боевикам, и требует его вывода. Маршал Шапошников заявляет, что полк со-

храняет нейтралитет, в боевых действиях не участвует и выходу его из Степанакерта препятствует местное население, которое боится остаться совершенно беззащитным. В Ереване уверены, что армия помогает Азербайджану, снабжая его оружием, в том числе и установкой «ГРАД», запрещенной международными конвенциями как орудие массового поражения.

Откуда у Азербайджана «ГРАД», которым он лупит по женщинам, детям и... той же самой армии, которая ему «ГРАД» отдала? Компетентные люди полагают, что армия снабжает (неофициально) или сдает в аренду вооружения и технику обеим сторонам (говорят, аренда одного БТР на ночь — пять тысяч рублей).

Вопрос о Карабахе — один из первых внешне- и военно-политических

Рисунок Виктора Богородинского

Так отмечали праздник на Манежной. Унитаристы-державники, как и полагается, закупаются в боях... с милицией

узелков, которые придется распутывать грядущему российскому министерству обороны, которое, несмотря на отсутствие у России армии, активно создается в Москве. Среди имен вероятных министров обороны мелькали имена генерала Кобца, маршала Шапошникова, из гражданских политиков — Галины Старовойтовой. Из некоторых высказываний руководителей России можно понять, что во главе военного ведомства будет поставлен скорее всего гражданский человек. Сама Галина Старовойтова сказала, что за ее назначение ратует группа высокопоставленных военных, что она не стремится к этой должности, однако отказываться от предложения президента, если таковое поступит, как то очень принято. В то же время Старовойтова считает, что ни общество, ни армия пока не готовы увидеть своим начальником «человека в юбке».

Другой возможный и, как утверждают, самый вероятный кандидат из «гражданских» — член-корреспондент Российской Академии наук, известный специалист по вооружениям Андрей Кокошин.

Игра на повышение

Борис Ельцин заявил, что из всех республик Россия последней создаст свою армию. Но то, что все-таки она ее создаст, сомнений уже не вызывает. Подготовка идет полным ходом. Президент Ельцин издал Указ о социальной защите военнослужащих. Вице-мэр Юрий Лужков сообщил о программе строительства жилья для военнослужащих в Москве. Со своей инициативой по строительству квартир для солдат выступила и организация «Живое кольцо», объединяющая защитников Белого дома. Как будто нажали на кнопку и весь свет стал играть в увлекательную игру «на повышение» армейских акций.

Военные могут теперь набивать себе цену на полную катушку, выбирая между посулами, скажем, Украины, России и Азербайджана. Если для комплектования украинской армии офице-

рами будет достаточно этнических украинцев, присягнувших на верность Киеву, то Азербайджану может и не хватить национальных кадров. Сегодня республики «дерутся» за «железо», объявляя своими вооружения и технику, расположенные на их территории. Не станут ли завтра «биться» за каждого офицера?

Из всех бывших союзных республик обеспечить себя военными кадрами смогут только Россия и Украина. На Украине расположены тридцать три из почти двухсот офицерских училищ — офицеров республика сможет готовить для всех родов войск. Разве только Академии Генштаба, где готовятся «студенты» по специальности «генерал», Украине не хватает. А где будут ковать кадры для остальных республик? По-прежнему в России — и из-за языковых и валютно-финансовых проблем, а также потому, что вооружение у республики будет преимущественно российского производства. В своем интервью 23 февраля по телевидению Геннадий Бурбулис в характерной для него манере загадочно заметил, что армия у России есть...

К 23 февраля готовились основательно — высокий милицкий чин накануне предупредил по телевизору, что стражи порядка не допустят несанкционированных митингов в центре столицы. Милиция на этот раз решила повести себя жестко — кажется, совершенно напрасно. Несколько тысяч крикливых, стойких сторонников развалившегося Союза и советской армии так и остались бы малозаметными на Манежной площади, если бы не тысячи стражей порядка и колонны милицмейской техники, если бы не грозное милицмейское оцепление. Демонстрация силы спровоцировала агрессивность — благо публика на Манежной собралась такая, что и раздраживать ее особенно не надо. Десять милиционеров отправились в больницу. А ветераны, пришедшие к Александровскому саду, чтобы постоять у Вечного огня, из-за митинга и милицмейских кордонов не смогли попасть к могиле Неизвестного солдата...

Ура! Нас битъ пора!

Виталий Ганюшкин

Сколько их вывалило в центр города-героя Москвы, даже наша славная милиция пока не подсчитала. Сама она выставила на это мероприятие около 10 тысяч «штыков»: ведь первоначальная заявка на манифестацию была куда как грозной — до 400 тысяч участников! Наскреблось, правда, около 15 тысяч, опять же по предварительным данным. Но зато каких! Готовых пролить даже и зное количество крови в схватке с супостатом-омоновцем, пытавшимся удерживать разъяренную толпу в рамках утвержденных законными властями маршрутов.

Очевидно, что многих манифестантов позвали на улицы искренние чувства чистой скорби по тем близким, кто волею судеб не вернулся с различных полей боевой славы советского оружия. Но, думается, такие участники московского похода к Вечному огню и сами чувствовали себя неприятно в море разливанном оголтелых политиканов-великодержавников. Они обернули все еще близкий сердцам миллионов бывших советских людей праздник армии в истеричный шабаш неизбежной тоски по развалившейся наконец партийно-советской империи, где вольготно жилось, пилося и передвигалось всевозможной полуграмотной, но нахрапистой шустере; по обеспеченному ломтой колбасы, олицетворявшем для митингующих уверенность советского человека в завтрашнем дне; по хорошему, крепенькому, родному, как сами партия и правительство, врагу.

Да, да, врагу. Для подавляющего большинства (для большевиков!) этой крикливой сходим (разве таковой может быть искренняя скорбь, как и искренний патриотизм!) это был марш энтузиастов не за памятью по ушедшим, а за врагом. Это был массовый заплыв за «языком», нервический поиск хоть какого-нибудь противника если не внутри державы, так снаружи. Лишь бы он был, родимый, лишь бы откуда-нибудь угрожал, лишь бы как-нибудь поддерживал нашу несокрушимую агрессивную обороноспособность. Без него, вождя, вся эта публика (ондатровые да пыжиковые шапки, генеральские папахи, люмпенские треухи) переживает глубокошелонированный социально-политический дискомфорт, она хворает без него, как от недостатка витаминов или минеральных веществ из таблицы Менделеева.

Найти, обнаружить врага, поднять на него народ — значит найти, обрести вновь самих себя. Наличие врага — это и могучая единая держава, где всех можно держать за морду. Враг — это значит и единая (только единая и никак иначе!) вооруженная сила. Враг — это и правящая партия на месте, у привычного кормила, а раз так, то это хлебные и властные места, это пайки и закрытые секции, это казенный авто под окнами, это дачи и заказники. Да что там, четко

очерченный враг — это сама жизнь, и какая!

Значит, это марш за самой утраченной жизнью, за персональным коммунизмом в своей отдельно взятой квартире, за властью над смердами — солдатами ли, рабочими, просто подчиненными.

Сейчас пока не столь и важно, в каком обличье удастся обнаружить этого самого врага. Всего надежнее было бы — это вновь обрести врага исконного, выпестованного — международный империализм. Да он что-то в последнее время мало и неинтенсивно как-то провоцирует на укрепление обороноспособности и боеготовности, наоборот, норовит все той же колбасой прикупить. На худой конец сойдут и свои доморощенные «демократы»: вона державу развалили, а теперича и к святым святым, вооруженным силам, подобрались! Да только демократов этих, как крыс в подсобке магазина, развелось: народ сам или полнарода ухитрились перепортить — тоже за демократию пошел ломить... Но ведь где-то же должен быть вражина-то этот! Руки ведь чешутся.

Враг — это, между прочим, Бог даст, и война какая. Ну, может, и не мирношная так уж сразу, а какая-нибудь афганская. А под нес — больше генералов и маршалов, значит, больше кормовых мест, больше, чем у всех остальных, вместе взятых, танков или боеголовки, а это опять же и народ занят на производстве, и командиры его в больших количествах на своих местах. Победим не победим — это бабушка надвое сказала. Но ведь сколько народу занято делом. А по завершении кампании при любом исходе можно память народную мобилизовать на века. Опять же душа обязана трудиться.

Не сдается ли нам, что перед нами самая изощренная из профанаций — профанация на чувствах людей, на их исторической памяти. Учиняя очередную слезодавку с четким прицелом сыграть на ней большую ставку на революцию, на возвратный момент, на реанимацию столь уютного для заинтересованных кругов еще недавнего «социалистического образа жизни», круги эти все еще всерьез рассчитывают на «всенародную поддержку». И кто знает, не пойдут ли завтра за ними уже не тысячи, а миллионы обманутых маящим духом верной коммунистической колбасы? Не пора ли этому противостоять? Противостоят и словом, и действием, и, главное, той же колбасой, но — демократической...

Пока же, сдается, эти самые демократические наши власти своими неуклюжими маневрами с организацией шествия — 10 тысяч активно задействованных омоновцев на 15 тысяч в основном великодержавников — не слишком ли большую оказали вдохновителям «оборонного марша» честь! А ведь эту честь главарям посткоммунистического торжества оказали-таки. Тем самым оказав им и ощутимую моральную поддержку (Алкснис: «Что, хлебнули демократии?»). Неужели нельзя было поумнее, подемократичнее: ведь кроме всего прочего не одна только «комсволочь» (эпитет незабвенного Ильича!) выкатилась на стольный град наш.

Всё вспоминаю какую-то книжечку, где в гомерических формах были представлены менталитеты разных народов и наций. Про нас с вами там было так: «А вот русаки-дураки, кричат: «Ура! Нас бить пора!»

Может, мы все-таки не такие?

Надо ли брать Казань?

Сторонники независимого Татарстана старательно срывают российские флаги. Приверженцы Москвы вывешивают их везде, где могут. Есть ли иной способ выяснения межнациональных отношений?

В учебниках истории, по которым до сих пор учатся наши дети (в том числе и татарские), российская история до XV века изложена как непрерывный процесс борьбы — сначала с «татарским нашествием», потом с «татарским игом». Взятие Казани Иваном Грозным прославляется и представляется как бы продолжением самообороны от «ига». Ясно, что если желать мирного и дружного бытия разных народов, то так нельзя учить ни татар, ни живущих рядом с ними русских. С другой стороны, попытки поменять в историографии знаки и называть русских оккупантами и варварами, разрушившими Казань, тоже вряд ли могут способствовать смягчению нравов.

Сразу суверенитет не проглотить...

Идея выхода Татарии из состава Российской Федерации обсуждается активно с того момента, как Ельцин стал Председателем Верховного Совета России, и противостояние Россия — Союз на полтора года определило политическую жизнь страны. Тогда татарское руководство, как и руководство других автономий, заявляло: хотим остаться в составе Союза, а не России. Автономии в тот момент служили своего рода рычагами, за которые союзный центр рассчитывал удержать Россию. Однако в 90-м году националистическое движение «Иттифак» во главе с Файнузой Байрамовой требовало полной государственной самостоятельности Татарстана и выступало с антикоммунистических позиций, тогда как «официальный национализм» в тот момент присягал коммунистическому идеалу.

Президент Шаймиев победил на выборах под лозунгом «суверенитета». В тот момент (летом, до путча) никто, кроме «иттифакцев», не вкладывал в это понятие идею полной государственной самостоятельности. А за повышение статуса республики охотно голосовали не только татары, но и многие русские.

Теперь, когда Союза нет, речь идет об иной ситуации.

Государственное самоопределение — важнейшая, основополагающая для татарских националистов (без различия организаций) цель. Отступить от нее для них невозможно. Идея республиканского референдума отвергается при этом не только национал-радикалами, но и сравнительно умеренной частью

движения (то есть теми, кто готов к поэтапному, постепенному достижению государственной независимости).

Не так однозначно отношение расставшихся по России татар к национальной государственности. Одни считают, что их права, и национально-культурные и личные, будут гарантированы благодаря существованию самостоятельного татарского государства, другие боятся оказаться заложниками, особенно в случае ущемления прав некоренных народов в Татарстане.

Один из интеллигентнейших моих собеседников в Казани писатель Рафаэль Мустафин сказал:

— Из-за того, что в республике живет только четверть всех татар, идея государственного самоопределения наименее удачная форма национального самовыражения. И до 1917 года татарская национальная идея развивалась прежде всего в форме национально-культурной автономии. Однако за семьдесят лет наше общество приучили к тому, что для полноценного развития нации нужно национальное государство. И, по-видимому, необходимо установление суверенитета в той или иной форме, иначе татарское национальное самосознание будет ущемлено.

Принятое республиканским руководством решение о референдуме в марте этого года, думается, не только не утишит страсти, но может еще больше расколоть общество, ожесточить политическую жизнь страны. В этом случае уместнее не принцип подчинения меньшинства большинству, а консенсус.

Достигим ли он? Думается, как ни странно, достигим. Вспомним столь многократно обруганный впоследствии ельцинский лозунг: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Как ни велики аппетиты, размеры желудка не безграничны. Даже в случае прихода к власти в Татарстане национал-экстремистов им все равно придется добиваться признания со стороны России.

Пока государство не признано, его как бы и не существует. Учитывая же геополитическое положение, демографический состав, историю татарской государственности, рассчитывать на признание Татарстана мировым сообществом в ближайшее время не приходится. Переговоры с Россией неизбежны. И лишь в ходе этих переговоров будет осуществляться реальное наполнение суверенитета, что бы при этом ни декларирова-

России придется считаться с национальными и религиозными чувствами татар

лось, какие бы наименования, гербы и флаги ни фигурировали.

К примеру, экономическое обоснование лозунга государственной независимости — ссылки на «налоговый гнет» России. Однако, откажись завтра Татарстан платить налоги, он немедленно встанет перед необходимостью договорного урегулирования своих финансовых отношений с Россией: слишком велика взаимозависимость. И баланс будет не обязательно в пользу Татарстана.

Незванный гость хуже «травкинца»?

...Несколько десятков хулиганов (или «национал-экстремистов») перегородили проход в университетскую библиотеку, где должен был, по договоренности с горсоветом, начаться Конгресс демократических сил России. Войти в здание никому не дали, несколько человек побили, ни в какие переговоры вступать не стали. Потом те же молодчики собрались вокруг гостиницы и в холле, правда, здесь уже без мордобоя.

Толпа на вид больше всего напоминала митинг какой-нибудь «Памяти». Тот же неопытный вид, безумные глаза, рты, почему-то по большей части беззубые, речь сбивчивая. «Вот, клянусь Аллахом, я на своей земле родился! Вот не сойти с этого места, я на своей земле стою! А вы все хотите превратить нас в губернию». Другой: «Гитлер все правильно делал, коммунисты Гитлера оклеветали».

«С чего вы взяли, что мы против государственности Татарстана? Мы, может, затем и приехали, чтобы искать цивилизованные пути суверенизации». «Вы слова можете говорить какие угодно, а сами хотите нас лишить государства, нашей земли». — «Кто «все»?» — «Ну, все русские... Ах, не русские? Ну, все евреи... Это вы русских можете обмануть, а мы вас за километр чуем...» Еще общая с «Памятью» черта: презумпция злого

умысла. Лохматая толпа полууголовного толка, абсолютно лишенная, несмотря на свой «ультранациональный» пафос, национальных признаков: даже спиртным в лицо пахнуло. В сложившийся традиционно образ татарина — трезвого, тихого и рассудительного — все это, ясное дело, не вписывается.

В конце концов дело не в конгрессе. Просто события вокруг него помогли обнажить противостояние, скрытое от глаз.

В Казани инициативу по организации и проведению конгресса взяла на себя местное отделение Демократической партии России (партии Травкина). И сама партия, и ее представители в Казани давно заявили о себе как самые решительные противники государственного самоопределения Татарстана.

Руководство национальных движений (их в Татарстане много, большинство из них достаточно малочисленны, за исключением Татарского общественного центра — ТОЦ, различия между ними минимальны) заявило, что никаких конгрессов на земле суверенного Татарстана не допустит. Председатель Верховного Совета Татарстана Мухаметшин предупредил организаторов конгресса и письменно, и устно, что лучше бы выбрать другую территорию, что возможны эксцессы. Однако местные «травкинцы» уговорили москвичей не отступать.

Предостережения Председателя Верховного Совета, бездействующие милиция интерпретируются ныне как доказательство сочувствия республиканской верхушки национал-экстремистским лозунгам. Но, может быть, в действиях руководства обнаруживается здравый смысл?

Вскоре после инцидента около библиотеки я видела, как милиция сделала неуклюжую попытку арестовать одного из его участников. Вроде бы он участвовал в мордобое (хотя точно никто ничего сказать не мог). Парня немедленно отби-

ли: в серьезную драку милиция вступать не хотела, тем более что и не известно было, насколько необходимо задерживать именно этого человека. А взаимное озлобление «националистов» и «травкинцев» от этого эпизода только возросло. Стоит ли лезть на рожон? И нет ли серьезного риска, что подобные мероприятия в этой обстановке привлекут на сторону национал-радикалов уже большинство татарского населения?

И здесь «манкурты»...

Национальная татарская интеллигенция, молодая и сравнительно немногочисленная, была почти вся уничтожена в первые десятилетия советской власти. Новая интеллигенция, которая народилась при советской власти, в значительной мере русифицирована. В народе сформировалось чувство национальной ущемленности, своего рода комплекс культурной неполноценности. Интеллигенция не в состоянии сформулировать национальную идею в цивилизованных терминах. Парадоксальным образом наибольшее неприятие национал-радикалов вызывают не местные русские, а обрусевшие татары. Кто-то придумал называть их «манкуртами», и это словечко очень прижилось.

Татарская национальная идея сегодня жизненно важна для республики, да и для всей России. Ведь настоящую опасность в национальных движениях (это мы знаем по России) представляет люмпенский слой, именно из этой среды исходит агрессивность. Кстати, Татарский общественный центр, выдвигая программу возрождения татарского языка, татарской национальной школы (на сегодняшний день в татарских школах учатся всего около 7 процентов детей республики!), не забывает и иные культуры. Предполагается развитие удмуртских и чувашских школ, теле- и радиовещание на языках национальных меньшинств, живущих в Татарстане. В этой части программа этой организации, несомненно, конструктивна. Почему бы не признать эту очевидную конструктивность и местным демократам, тем же «травкинцам»? Я спросила одну из самых решительных оппоненток татарских националистов (кстати, из обрусевших татар), не считает ли она, что демократические организации совершили ошибку, упустив из виду национальный вопрос? Она ответила: «Да что вы, мы о таком безобразии и вовсе не думали, нас же увлекла сама идея демократических преобразований!»

На мой взгляд, самая сегодня серьезная проблема в Татарстане заключается в том, что выразителями национальной идеи оказываются национал-экстремисты. Может быть, более всего русскоязычное население республики заинтересовано в скорейшем формировании национального, даже националистического, движения с лицом, не похожим на «Память».

КАЗАНЬ — МОСКВА

Кажется, нам предлагают новую цензуру

Можно с уверенностью констатировать, что старые методы обращения с печатью новые вроде бы люди освоили значительно даже быстрее, чем освоились в занятых ими кабинетах. Уважаемый Анатолий Собчак созывает мэрию главных редакторов городских газет (в телесюитинтервью он очаровательно оговорится: «МОИХ газет») и устраивает им разнос в незабытых выражениях (кто за вами стоит?.. я знаю, кто дергает вас за веревочку... скоординированная кампания...). И даже не слушает вполне резонных возражений: коли уж все газеты всех направлений так единодушно ополчились на данное решение мэрии, может, и правда это решение слишком уязвимо для критики?

А послушать выступления депутатов в Верховном Совете! С таким азартом обсуждаются парламентские комментарии в газетах, такие оценки им даются, такие удивительные предложения (естественно, для быстрейшего окорота злоумышленников) звучат!.. Руслан Хасбулатов вообще предложил запретить показывать по телевидению зал заседаний — кто из народных избранников и чем занимается во время выступлений коллег с трибуны. Это объявлено (ну конечно же) попыткой их дискредитировать.

Или напомню только что обнародованный выразительнейший документ — записку гендиректора АФБ (бывшего КГБ) Виктора Иваненко вице-премьеру Егору Гайдару от 9 декабря 1991 года. «По вашему поручению, — пишет генерал, — Агентством федеральной безопасности РСФСР проведено исследование вопроса о распространении Российским информационным агентством «Новости» информации о прекращении российскими банками всех выплат наличными деньгами, кроме заработной платы».

Исследовав вопрос об утечке информации и посетовав на наглый отказ журналистов раскрыть чекистам ее источник (в связи с этим уже не просто экспромтом выглядит едва не просочившаяся в Закон о печати поправка Генерального прокурора Валентина Степанкова, которая обязала бы журналистов это делать), Иваненко пообещал вице-премьеру «проводить с журналистами профилактическую работу». И угроза эта не стала менее реальной от того, что за минувшее время шефом службы безопасности стал другой генерал — Виктор Баранников, тоже, впрочем, известный решительностью в выражениях.

После объявленного слияния ТАСС и РИА (акция, как-то слабо согласующаяся с неустанными клятвами в намерениях все на свете демократизировать) естественно, зазвучали вопросы: каковы приоритеты правительства? Что для него важнее — экономическая реформа или контроль над критикой в свой адрес? Само действие или угодная ему оценка этого действия?

Вопросы риторические, и боюсь, что ответы на них я знаю.

Идет целенаправленное наступление на печать, ее (и это совершенно очевидно) пытаются официализировать, сделать ручной и послушной. Но ведь, как утверждают, понять, есть ли у тебя права, можно лишь тогда, когда их у тебя

пытаются отнять. Парадокс же взаимоотношений прессы с властью в том и заключается, что раз и навсегда завоевать свободу слова невозможно: ее приходится защищать без перерывов на обед и ежегодный оплачиваемый отпуск. При этом печать по определению оппозиционна по отношению к любой власти, которая в свою очередь (какие бы замечательные люди ни заняли высокие кабинеты) печать любить тоже не будет, а будет стараться подмять ее под себя, посадить на короткий повод, заставить выполнять команды — вставать, когда ей, власти, надо, на задние лапки или прыгать через горящий круг.

Сейчас на грань умирания поставлены самые популярные газеты и журналы, причем в первую голову те из них, кто внес едва ли не главный вклад в создание демократического информационного пространства на территории бывшего СССР. Нам говорят, что это результат перехода к рынку, за который журналисты ведь сами и выступили, не так ли? Это ерунда, никакого отношения к рынку откровенный диктат ведомств-монополий не имеет.

Бесконтрольное повышение цен на бумагу и типографские расходы, непрекращающиеся ультиматумы министерства связи — все это не рынок.

Правительство и президент часто говорили, что «не дадут задуть независимую прессу». Наконец мы дождались реального шага. 21 февраля президент России подписал давно ожидавшийся Указ о защите прессы. У этого документа были нелегкая судьба и могущественные враги. Тем не менее здравый, как мне представляется, смысл возобладал: предусмотрены существенные налоговые льготы редакциям, госзаказ на бумагу и фиксированные цены на нее...

И все же — пусть меня сочтут неблагодарным — замечу, что и указ этот всех проблем не решит, а только даст возможность газетам хоть немного перевести дух.

Рассориться с печатью в сегодняшних условиях — для правительства роскошь непростительная. Едва ли не самоубийственная.

И все же наши лидеры предпочитают прессой руководить и контролировать ее, они испытывают вполне очевидный соблазн создания новых структур, предназначенных для осуществления такого контроля.

А поводом для этих замечаний явился пункт Декларации о соблюдении принципов сотрудничества в рамках СНГ, подписанной в Минске. Наши президенты решились добиваться «объективного и взвешенного освещения в средствах массовой информации общественно-политической жизни в государствах Содружества, а также недопущения сведений, могущих повлечь межнациональную рознь».

Здравствуйтесь, давно не виделись! Это кто, скажите на милость, будет определять, что чем является в публикациях газет и передачах телевидения? Какими рычагами пользоваться в выполнении этого пункта? Какие меры применять к нарушителям?

Не побоюсь никого обидеть, но все это мы уже проходили.

Павел
Гутионов

**Рассориться
с печатью для
правительства
роскошь
непростительная**

Трагедия русских

Леонид Васильев

Крах любой империи закономерен, это логически обусловленный этап динамики исторического цикла, как бы открывающий дверь для нового цикла.

Наиболее тяжелый случай — крах империи тоталитарной, когда люди жили — и привыкли жить — для того, чтобы недруги, реальные и воображаемые, не могли поставить под сомнение право тоталитарной империи на существование и даже господство в мире.

Марксизмом и не пахло

Тоталитаризм как феномен двадцатого века сложился на основе национал-социализма в различных его модификациях, будь то итальянская, немецкая, советская или даже, скажем, арабская (я имею в виду прежде всего режим иракского Хусейна, хотя и не только его одного). Самую жесткую, полную, доведенную до конца форму он обрел в марксистско-социалистических режимах России, Китая, Северной Кореи или Кубы.

Хотя марксистская разновидность социализма не делала нарочитого акцента на националистическую основу тоталитарной власти, ибо это доктринально не сочеталось с марксизмом, на деле любая из перечисленных выше марксистских стран опиралась в гораздо большей степени именно на нее, нежели чем на неясные очертания социализма как такового. Иными словами, национал-социалистическая основа тоталитарного режима в его марксистско-социалистической модификации была прежде всего националистической.

Я бы выразился даже сильнее: о социализме во всех без исключения тоталитарных режимах двадцатого века вспоминали лишь постольку, поскольку это вынуждалось требованиями официальной доктрины, тогда как национализм, преимущественно в этноцентристской его форме, открыто либо скрытно, но весьма последовательно реализовывался на практике. Реализовывался в самых разных формах, но прежде всего в форме культа великого вождя, харизматического лидера, в котором воплощались величие и мощь нации и государства. Каждому северокорейцу в наши дни хорошо известно, сколь велик вождь его страны и какое счастье жить в стране, ведомой таким мудрым лидером. То же самое можно сказать о Кубе, об Ираке. И пусть хоть один из жителей этих стран усомнится в том, что это именно так, — каждый знает, что за этим последует.

Я не случайно упомянул именно об этих странах — они сильны лидером-символом, олицетворяющим тоталитаризм власти и воплощающим величие национальной

Совместимы ли национальная идея и демократия в России?

идеи. Показательно, что люди в массе своей и в дни испытаний верят харизматическому лидеру, готовы идти за ним, что называется, до последнего. И здесь нет парадокса, все закономерно: люди ослеплены великой идеей, а идея эта замешена на национальном величии.

Вождь-патриот

Сталинская Россия (как, впрочем, и Китай времен Мао) тоже в немалой степени вызревала на почве национальной идеи. Формально приоритетом пользовалась марксистская доктрина Светлого Будущего, но послевоенное поколение страны уже мало в эту идею верило. Да и сам великий вождь не скрывал, что его цель — имперское величие страны, а вовсе не иллюзорное ком-

Триумф великой империи — победа в войне...

мунистическое царство. Ценою моря крови вождь добился своего, Россия в ее обновленном виде достигла своего максимального имперского величия. Национал-патриоты могли торжествовать. И они торжествовали, прикрывая свой восторг русского патриота фиговым листком марксистов-интернационалистов.

Русский национал-патриотизм не был навязчивым, тем более нетерпимым. Кроме формально скрытого антисемитизма и официально, хотя и не вполне гласно постулированной вины нескольких народов, выселенных с их родных мест, русский шовинизм в реальной социально-культурной и административно-политической практике почти не проявлялся. Во всяком случае, этого, как правило, не ощущали представители не провинившихся нерусских народов в СССР. А в национальных окраинах, в нерусских республиках делался даже нарочитый акцент на коренное население — льготы при продвижении по службе, поступлении в вузы.

К этому стоит добавить, что и по уровню жизни русское население не выделялось среди других в лучшую сторону, скорее даже напротив. И все же, несмотря на все это, все создавали, что СССР — это прежде всего Россия, что советские — это главным образом русские, а ракетно-ядерная мощь и всемогущий ВПК, ради благополучия которого надрыла свои силы вся страна, — это именно русская угроза. Собственно, так ее и именовали в мире.

Забыв о «пятом пункте»

Словом, национально-государственный монстр, созданный Сталиным на костях десятков миллионов принесенных ради этого в жертву людей, — это как бы кульминация исторического процесса возвышения русской империи, в традициях которой благо государства всегда ценилось неизмеримо выше не

Родины прочно ассоциировалось с процветанием могущественной и до зубов вооруженной тоталитарной империи.

Этнические различия среди русскоязычного в основе своей населения тоталитарной империи реально отходили на второй и третий план, если не исчезали вовсе. Русский армянин, русский татарин, русский еврей, русский украинец, не говоря уже о собственно русском, — все они были патриотами великой России, олицетворенной тоталитарной сталинской империей.

Еще раз подчеркну: дело вовсе не в искусственно навязывавшейся доктрине марксистского (пролетарского) интернационализма и не в лозунгах насчет новой исторической общности («советский народ»). То и другое было достойным пропаганды, полем для упражнений идеологов. Что же касается простых людей, реального социопсихологичес-

лишь, что здесь самая прямая связь с нашей историей.

Русские для историка — это прежде всего россияне, жители России. В узкоэтническом смысле это, конечно же, русские, собственно русские. Но помимо этого узкого смысла, заметно оттеснив его, появился и широкий, который, собственно, и покрывается термином «русские», хотя терминологически правильной было бы говорить «россияне». Однако термин «россияне» в бытовой речи не прижился. Мы — русские. Русские — это те, кто живет в России, считает родным языком русский, воспитан в русле русской национальной культуры, традиций, духовных ценностей.

Напрашивается прямая параллель с понятием «американец». Религия и национальность выносятся как бы за скобки, а национал-патриотические идеи сплавляют всех американцев, независимо от религии, происхождения, цвета кожи и иных этнозначимых признаков.

Казалось бы, вот он — ключ к решению проблемы! Уподобим русских (россиян, русскоязычных, как теперь часто говорят) американцам — и делу конец! Но не тут-то было. Американец — понятие однозначное. Каждый, живущий в Америке и тем более там родившийся, — американец. Это касается всех, включая негров, китайцев, латиноамериканцев и представителей любых других расовых и этнических групп, живущих в США. Все они американцы, каждый из них в случае нужды готов пролить кровь за свою любимую страну, справедливо воспринимаемую как символ свободы, демократии и прав человека. Национально-патриотическая идея и принципы либеральной демократии здесь неразрывны и взаимно обусловлены.

Русские же и как социально-этнический феномен, и как обозначающий его термин — нечто иное. Это и этнически русские (собственно русские — хотя о чистоте крови после татарского нашествия и иных многочисленных контактов с другими народами всерьез говорить трудно), и частично русские (имеются в виду люди смешанной крови, причем доля их гораздо внушительней, нежели то может показаться на первый взгляд и быть проверено по статистическим данным, смешанное происхождение, как правило, не учитывающим, но, напротив, требующим выбора национальности для отчета), и вовсе не русские, но обрусевшие (впрочем, и среди этих последних практически преобладают представители смешанной крови).

Хотя среди американцев представители смешанной крови также явно преобладают, там это не имеет никакого значения. У нас, увы, имеет. Знаменитый «пятый пункт» не только постоянно напоминает об

...и ее поражение — неспособность обеспечить народу нормальную жизнь

только блага, но и самой жизни ее населения (уж не говорю об отдельных людях, о правах человека).

Наше население веками воспитывалось именно в русле такой системы ценностей, а наш патриотизм всегда стоял и поныне в основном стоит на соответствующих примерах самоотверженного служения государству. Подчеркиваю: не столько Родине, Отчизне, сколько именно тому тоталитарному государству, которое, легко вписавшись в традицию, зримо окрашенную именами и деяниями Ивана Грозного и Петра Великого, полностью отождествило себя с Родиной. Иными словами, для воспитанного на национально-патриотической идее людей Родина и тоталитарное государство были идентичными, неразделимыми понятиями, а величие

кого климата, то в этом плане все сводилось именно к тому, что говорящие по-русски российские жители в массе своей воспринимали себя в качестве именно русских. Даже несмотря на то, что время от времени должны были указывать в официальных документах свою национальность.

Русские как феномен

Специалисты не раз обращали внимание на то, что этнохарактеристика «русский» весьма специфична. Мы говорим: немец, турок, татарин, еврей, чеченец, армянин, китаец. А о себе — русский (не, скажем, русак, славянин). Не стремясь увести читателя в дебри лингвистических рассуждений, замечу

Боевики одной из организаций «Памяти»: ложно понятая национальная идея

этом, но и настоятельно требует выбора национальности, то есть национального самоопределения.

Стать американцами!

Американец может национально самоопределиваться, а может и не делать этого — это его личное дело. В нашей стране национальное самоопределение было обязательным. Люди должны были либо признавать себя русскими, отрубая тем самым иные национальные корни, либо, напротив, считать себя нерусскими, оставаясь в то же время по духу русскими. Это по меньшей мере частично касалось и национальных окраин. Но там, в зоне компактного инационального расселения, все же преобладали нерусские, которые так и самоопределялись.

В результате тоталитарная Россия состояла из трех основных национальных групп — из тех, кто писался русскими, тех, кто писался нерусскими, но жил в собственно

России и был по всем основным признакам русским, и тех (в основном в зонах компактного инационального проживания на окраинах, хотя и не только), кто писался, считал себя и де-факто был нерусским. Две первые группы численно составляли большинство населения страны и были широко представлены повсюду, включая национальные окраины.

В результате создавалась иллюзия, что СССР — прежде всего Россия, советские — это главным образом русские, о чем уже упоминалось. Ну и, разумеется, все камуфлировалось и цементировалось пропагандными рассуждениями на тему о дружбе народов, пролетарском интернационализме, новой исторической общности «советский народ».

Почему русским плохо?

Ослабление имперской структуры после Сталина проявилось в сфере этнического самосознания в нескольких аспектах.

Во-первых, инациональное население окраинных республик получило реальные возможности для национальной консолидации, что ощутили на себе в первую очередь проживавшие в соответствующих республиках русские и русскоязычные.

Во-вторых, подняли голову и потребовали справедливости репрессированные народы, что также не могло не обострить национальные отношения в стране.

В-третьих, в условиях расцвета теневой экономики представители некоторых республик и национальностей именно в этом качестве, как сплоченные национальные кланы, а то и мафиозные структуры, стали доминировать либо на рынках, либо в некоторых отраслях хозяйства. Обладая немалыми доходами и возможностями, они начали заметно противостоять обнищавшим русским в собственно России; что тоже не могло пройти незамеченным и породило устойчивые стереотипы этнофобии.

И хотя все эти и близкие к ним этнические процессы происходили на общем фоне экономического и экологического кризиса, затрагивавшего нерусские республики (особенно в Средней Азии) не меньше, чем собственно Россию, трагедия русских, сводившаяся прежде всего к уничтожению русской деревни и угрозе вырождения русских как народа, рельефно выступила на передний план. Объективно это нашло свое выражение в так называемой «деревенской прозе», в многочисленных повестях и романах едва ли не лучших писателей России о гибнущей земле и вырождающемся народе.

Трагедия русских, как она предстала перед читателями, что, в общем, соответствовало реальности и так или иначе ощущалось всеми мыслящими и болеющими за судьбы России людьми, обострила противостояние русских и нерусских в стране. Обострение национального противостояния привело к выводу, что не всем в нашей стране так плохо, как главному и основному ее народу, самим русским. И хотя многие разоблачения злоупотреблений времен Сталина, особенно труды Александра Солженицына, прямо указывали на главного виновника трагедии — на режим тоталитаризма, сконструированные национал-патриотизмом социопсихологические стереотипы вели дело к дальнейшему обострению национального противостояния. Русским плохо потому, что в стране слишком много нерусских, которым хорошо, которые живут за счет русских, которые помыкают русскими, — примерно так можно сформулировать основной из этих стереотипов.

Восьмидесятые годы прошли в

стране под знаком предкризисного состояния, кризиса и попыток спасти обанкротившийся режим, как-то изменив, перестроив его. Логично и естественно, что в этих, по сути, экстремальных условиях все наметившиеся ранее тенденции — речь прежде всего о негативных тенденциях — обострились до крайности. Стало еще хуже русским, хуже стало и нерусским, но главное, что резко ухудшились взаимоотношения между теми и другими. И на этом фоне на передний план стала постепенно, но неуклонно выдвигаться национальная идея. Русским плохо. Кто в этом виноват? Версии о жидо-масонском заговоре были естественным порождением ситуации. И, как бы ни были они примитивны, их утверждают в том числе и некоторые выдающиеся деятели русской культуры.

Трагедия страны, равно отразившаяся на всех республиках, вызвала аналогичные импульсы во многих из них. Резко обострившееся чувство национального неравноправия вызвало реакцию национального сепаратизма, стремление к освобождению от имперских пут. Это стремление нашло свое выражение в форме освобождения от русских, от России, что тоже не могло пройти бесследно для отношений между русскими и нерусскими.

Положение русских в нерусских республиках стало составной частью общего феномена трагедии русских. И, естественно, это подлило масла в огонь национальной розни.

Я оставляю в стороне национальные конфликты между различными нерусскими народами, в частности наиболее значимый из них — армяно-азербайджанский, хотя все они являются порождением тех же процессов. Даже более того, именно столкновения между разными нерусскими народами сегодня формально наиболее остры, кое-где переходят в открытую войну, в то время как русские с нерусскими пока, слава Богу, нигде еще не воюют. Но, несмотря на это, противостояние русских и нерусских сегодня явно выходит на передний план, обретая в собственно России все те же привычные и восходящие к имперской тоталитарной традиции формы национал-патриотизма.

Национал-патриотизм — это как бы исходящая из глубин, в немалой части неосознанная, но тем еще более страшная реакция униженного народа, русских, на великую постигшую его трагедию. Те, кто собираются сейчас, после краха империи, под знаменем русской национальной идеи, скорбят прежде всего о гибели государства. Страдания народа они традиционно отождествляют с крахом режима, гибелью Великой России, вчерашнего тоталитарного монстра.

(Окончание следует)

Битва за шельф продолжается

Антияпонское лобби в Москве и на Сахалине требует отменить решение правительства России

Решение правительства России, подписанное в конце января вице-премьером Егором Гайдаром, о предоставлении права разрабатывать нефть и газ на шельфе острова Сахалин консорциуму, состоящему из компаний «Мак-дермотт», «Маратон», «Мицуи буссан» (см. «НВ» № 7/92), вызвало бурю возмущения, лишь частично выплеснувшуюся на страницы печати. Кто выступает против решения правительства и почему?

Распоряжением первого заместителя председателя Верховного Совета России Сергея Филатова через неделю после решения правительства была образована депутатская комиссия с задачей определить, кто прав и кто виноват.

Формальным поводом для создания комиссии послужило обращение Сахалинского областного Совета и администрации острова. Но дело совсем не в том, что в Белом доме так чувствительны к мнению губернатора Валентина Федорова. Недовольство решением правительства высказали влиятельные в российском истеблишменте люди.

Известно, что остающийся пока на посту председателя парламентского комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям Владимир Лукин обратился с письмом к Руслану Хасбулатову, призвав его отменить решение комиссии.

Занимавшийся до начала своей политической карьеры проблемами тихоокеанского региона в академическом Институте мировой экономики и международных отношений, доктор исторических наук Владимир Лукин выступил против монополизации японским капиталом разработки природных ресурсов на российском Дальнем Востоке. Он считает решение правительства принципиально неверным. С его точки зрения, целесообразнее способствовать созданию сильной конкуренции в регионе между японскими и южнокорейскими компаниями. А также дать возможность и другим азиатским государствам попробовать себя в России.

В российских коридорах власти обеспокоены слишком широким распространением японского капи-

тала к востоку от Уральского хребта. Экономисты ссылаются на опыт прошлых соглашений с Японией, с их точки зрения, крайне невыгодных для России.

Соглашение о добыче угля в Нерюнгри, концессии на вырубку леса, квоты на вылов рыбы — наследие еще брежневского времени — составлены так, что за предоставленные давно кредиты приходится расплачиваться и по сей день.

В середине 70-х годов Москва замкнула внешнеэкономические связи Дальнего Востока на одну Японию, потому что не могла тогда найти других партнеров. С Китаем шла глухая идеологическая война, на Южную Корею вообще не обращали внимания, страны Восточной Азии только начинали свой стремительный экономический взлет.

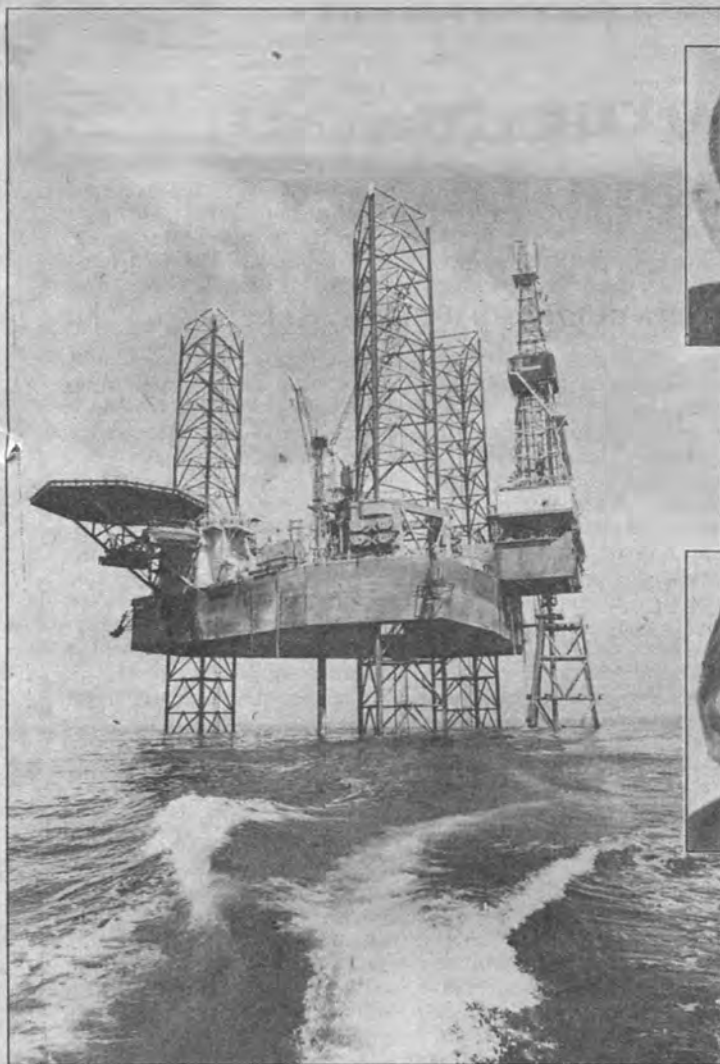
Теперь ряд российских экономистов пришли к выводу, что экспансия японского капитала ведет к опасной монополизации, что нужно шире привлекать южнокорейские и китайские капиталы, приглашать молодых азиатских «тигров» — бизнесменов из Сингапура, Таиланда, Гонконга, с Тайваня.

Япония на самом деле несколько не зависит от российского газа или нефти, как считалось двадцать лет назад. Нефтяные компании Японии только что создали совместное предприятие в районе Персидского залива и до 2000 года у них контракт на поставку газа с Аляски. Отказ от американского газа, уже предупредило посольство США в Токио, «был бы равнозначен объявлению экономической войны».

Почему же в таком случае именно японские компании так настойчиво добивались победы в сахалинском конкурсе?

Из шести участников пять были связаны с японским капиталом. И в победившей тройке значится «Мицуи буссан», третья по величине в Японии торговая компания. Ее руководители в Токио даже не очень скрывают, что задачей номер один было оттеснить европейских, австралийских и других конкурентов от российских нефти и газа.

Япония, добываясь получения контракта на сахалинские газ и нефть, желает не только обеспечить себе запаса на третье тысячелетие, но и, как подозревают в Мо-

Сахалинский губернатор Валентин Федоров, кажется, способен одержать победу над российским правительством, заставив его быть внимательнее к воле местной власти

Председатель парламентского комитета Владимир Лукин призывает Белый дом и Кремль стимулировать конкуренцию между иностранными фирмами за право вкладывать деньги в российский Дальний Восток

ске, перепродавать их с выгодой Китаю или Южной Корее. Но почему бы России не делать это самой?

Некоторые российские политики обеспокоены и политическими последствиями решения правительства, которое отклонило доводы сахалинской власти. Недовольство сахалинцев тем, что их мнением пренебрегают, может вылиться в нечто большее. Дальневосточный регион считается пока малополитизированным, здесь люди в меньшей степени заняты политической борьбой, больше увлечены бизнесом. Однако нежелание правительства в Москве считаться с их волей может усугубить сепаратистские устремления. Идея создания Дальневосточной республики — опять-таки не столько по политическим, сколько по экономическим резонам, там весьма популярна.

Появление Дальневосточной республики не только изменило бы карту России, но и повлияло бы на решение территориального спора с Японией. Хотя эту тему наотрез отказываются обсуждать официальные лица в Москве и в Токио, рос-

сийские политики опасаются, что новые дальневосточные лидеры окажутся не такими уж принципиальными. Принцип «территории в обмен на деньги» (и очень большие деньги!) может показаться весьма заманчивым. Впрочем, все это из области политических спекуляций.

Но антияпонские настроения и так уже достаточно широко распространились среди политического истеблишмента России. Прежде всего это проявление недовольства японскими территориальными требованиями. В то время как все развитые страны проявляют полную готовность поддержать Россию и Ельцина, японское правительство занимает прежнюю позицию холодной отстраненности, раздраженно говоря в Белом доме и в Кремле.

Бывший заместитель председателя Совета Министров России, а ныне государственный советник Михаил Малей с удовольствием признается в интервью, что является решительным противником сотрудничества с японским бизнесом: «Я скажу о том, почему я был против контактов с ними. Не только

против возвращения им островов, но и вообще против каких-либо контактов. Они заняли выжидательную позицию по отношению к президенту Ельцину и российскому правительству — и пусть ждут. Посмотрим, чего они дождутся».

Таким образом, битва за сахалинский шельф ведется в двух проекциях. С одной стороны, должен быть установлен разумный баланс интересов между Москвой и Сахалином. С другой — между Москвой, Японией и другими соседними государствами, сотрудничество с которыми России необходимо.

В этой политической игре вопрос, кто и когда начнет добычу нефти и газа, остается в стороне. Организаторы конкурса и правительство разумно исходили из того, что начать добычу нужно как можно скорее и без полномасштабного участия иностранных компаний не обойтись. Но развернувшаяся сейчас дискуссия, кажется, меняет представления общества о ситуации с нефтью.

Ее производство резко упало, экспорт в этом году может быть почти полностью прекращен. Но есть смысл наращивать добычу? Экспорт даже того количества нефти, которая сейчас добывается, по мировым ценам (18 долларов за баррель) создал бы стране необходимый валютный запас. Но сегодня большая часть нефти продается бывшим республикам по чрезвычайно низкой цене — один доллар за баррель. И каждая выкачанная из земли дополнительная тонна нефти в силу взятых на себя Россией обязательств все равно пойдет республикам по этой низкой цене. Стоит ли истощать недра?

Изменились и взгляды на роль иностранных компаний. С одной стороны, их не так-то легко привлечь, они боятся делать крупные капиталовложения, поскольку инвестиции в России не защищены законами. Сегодня вложил деньги, завтра их отобрали. С другой — эти компании понимают, что нигде, кроме как на Ближнем Востоке, нет таких гигантских запасов нефти, как в России.

Сотрудничество с западными нефтяными концернами представляется, однако, многим весьма дорогим удовольствием: им придется отдавать почти половину добытой нефти.

Двойственна и позиция российских нефтяников. Для разведки и добычи им сейчас позарез необходима западная технология. Но они же и боятся пускать в Россию умелых и могущественных конкурентов. Некоторые специалисты и вовсе утверждают, что и нужда в западной технологии не столь велика: отечественные буровые установки не так уж плохи.

Леонид Млечин

Трусы для начальства и панталоны для народа

Татьяна
Иванова

Письма людей,
падающих с
высоты 600
метров без
парашюта

Со многими письмами я не могу расстаться. Храню их. И время от времени перечитываю.

Вот, например, письмо от Р.Ф.Лепешкиной из птицесовхоза «Воронежский» Новоусманского района Воронежской области. «Почитайте письмо из села, — пишет она, — может быть, вы поймете, почему вы там, в городе, за молоком очередь теперь в четыре часа утра занимаете, а скоро, может быть, даже и в четыре вам заниматься не придется, потому что вовсе его не будет, молока».

Автор этого письма живет в пятнадцати километрах от Воронежа — абсолютно отрезанный от мира. Вместе с тысячами шестьюстами односельчанами. «Из 1600 человек 802 пенсионера и 354 ребенка». В поселке нет больницы. Связи с Воронежем тоже нет.

В прошлом году ко дню работника сельского хозяйства 560 работающим в совхозе выделили 8 (восемь) отечественных мужских трусов. Мужики долго решали, кто ж удостоится чести купить их. Перебирали заслуги друг друга перед страной и отечеством. Заслуг много. А трусов мало... Решили, чтоб никому не было обидно, отдать высокое право купить трусы

начальству. Начальников в хозяйстве как раз восемь душ. Трудное это было решение, но оно примирило всех: начальникам придется в город ездить, на совещаниях сидеть.

Но грандиозный план по одеванию начальства в трусы провалился. Торговцы трусы выделили. Но не дал. То есть на бумаге-то трусы были. А в реальной жизни, чтоб взять и надеть, никаких трусов не оказалось. То есть птицесовхозу выделили какие-то как бы статистические, теоретические, фондовые, а не черные сатиновые до колен, как мечтали в хозяйстве...

Беду эту, однако, коллектив переживал недолго. Потому что за нею, как положено по законам высшей справедливости, последовала удача. Женщинам совхоза не то что выделили, но и разрешили продать, и — вы не поверите! — продали целых, неловко писать... в торговых меморандумах значилось: «56 женских панталонов». Панталоны! Это так красиво!.. Они были розовые, длинные, на резинках! И в декларации, сопровождающей этот диковинный товар, начальство не писало, кому предназначается каждое из изделий. Не то чтобы там «продать ударникам», или «ветеранкам», или «многодетным матерям»,

«инвалидкам», «пенсионерам»... То есть коллектив вправе был распорядиться сам. И если, по его мнению, панталоны нужнее молодкам — панталоны можно было распределить меж молодками. Молодушками. Лебедушками нашими белыми. Им — нужнее.

А можно было установить очередность на ношение панталон. Эдакие переходящие панталоны, как раньше вымпелы были! Например, кто едет сегодня в город зуб лечить — тот и надевает...

Смех это все нехороший, убийственный и убивающий. Потому что птицесовхоз. То есть яйца, птица, огороды, поля, леса — такое нищенство, такое убожество. Ни ботинка, ни метра ткани в магазине.

Себестоимость литра молока в этом совхозе до освождения цен была полтора рубля. А город брал молоко по полтиннику за литр. Что же сегодня? И откуда у нас в Москве возьмется молоко, когда одна дорога от дойной коровы до московского прилавка стоит впятеро дороже, чем молоко.

Средних достоинств женские туфли стоят две с половиной тысячи рублей. А знаете, сколько стоит прополоть гектар сахарной свеклы вручную тяпкой? Сотню. 70 тысяч раз нужно присесть, если под каждой свеклиной растет по одному сорняку. Но на воронежских черноземах трава так и лезет... Что же выходит? Чтобы купить сапоги, нужно вручную тяпкой обработать 25 гектаров сахарной свеклы? И мы еще удивляемся, что у нас сахару нет?

Раиса Федоровна Лепешкина — экономист. «Кто мне ответит, — спрашивает она, — каков же курс неконвертируемого деревянного советского рубля между городом и селом в России? При условии, что один миллион сельских рублей дешевле шестидесяти тысяч городских рублей. Или к мировому сообществу обратиться за помощью в разгадке этой математической шарады?»

Своему письму Раиса Федоровна предпослала рубрику: «Анекдоты российской экономики».

Интересно, что получит-

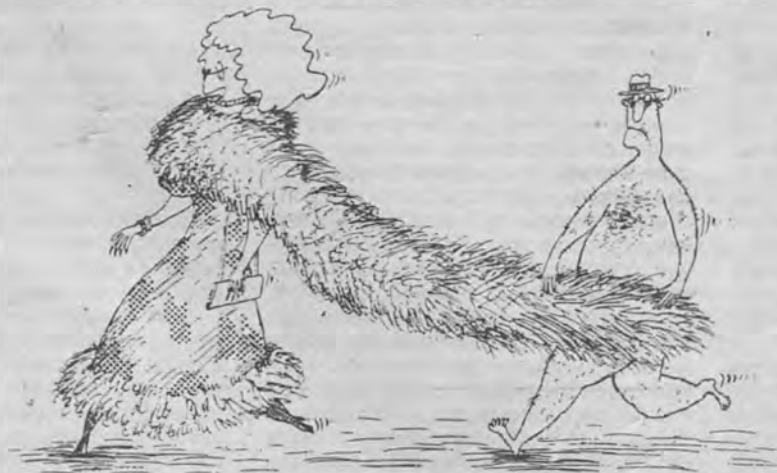

Рисунок Вячеслава Шилова

ся, когда бедный птицевосхоз, которому не под силу не только держать собственный автобус, но и добыть для собственных работников трусы, ботинки, туфли и не под силу содержать медпункт, — что получится, когда придет на эту землю настоящий хозяин, собственник... Интересно и то, кто будет этот счастливчик... Говорят, воронежские черноземы немцы в войну грузовиками, самолетами, да чуть не в рюкзаках везли к себе домой. Цены им, воронежским черноземам, нету. Интересно, когда же люди, работающие на золотой земле, перестанут ходить без порток... Получу ли я об этом письмо от Райсы Федоровны?

Нашим борцам за социальную справедливость, особо настаивающим на дешевом молочке, масле, яйцах, сахаре, на высоких зарплатах, не худо бы поразмыслить над письмом Р.Лепешкиной. А то ведь они ахают над ценой курицы, абсолютно не представляя себе, чего стоит сегодня в России эту курицу вырастить.

Письмо Валентины Николаевны Коржовой из Алма-Аты нужно перечитывать, когда портится настроение. «Только без паники! — такими замечательными словами начинается это письмо. — У меня в 1958 году в Талды-

Кургане на втором в жизни прыжке (с вытяжным фалом) произошел отказ главного купола при высоте выброса 600 метров. Если бы я запаниковала?! Но у меня было абсолютное спокойствие, мгновенная оценка обстановки и четкость действий. И я сумела открыть запаску».

Страх и панику Валентина Николаевна считает чувствами греховными. «Грешат, ох грешат и перед людьми и перед Всевышним политикой и журналисты, когда взахлеб пророчат тупик, голод, холод, распад, кризис, неисчислимые беды, гражданскую войну, перевороты, диктатуру. Слушать тошно. Тыфу».

Кто же в таком ужасе, в таком тупике, спрашивает Валентина Николаевна. Уже не сами же политики и журналисты? Она все-таки надеется, что у них, слава Богу, есть пища на столе и крыша над головой. Что же до нее самой, автора этого письма, то... «Я вдова с двадцатилетним вдовьим стажем, мать четверых детей и бабушка четверых внуков. Вы когда-нибудь слышали мои крики и вопли о безвыходном положении? Да, мне всю жизнь было трудно. Но я всегда искала и всегда находила выходы честные и достойные. И таких, как я, в России миллионы».

Длинную и почувство-

ванную нотацию всем, кто портит настроение людям, читает В.Коржова. Московские журналисты, как следует из письма, просто гипнотизируют народ тоской, унынием, страхом. «Правят каждый вечер по жизни панихиду», — говорится в письме.

Получение его совпало с одним интересным явлением. В двух популярных и уважаемых газетах одновременно, на одной и той же неделе появились «антимосковские» письма. Люди из нескольких провинциальных городов написали в «Комсомолку» о том, что тоска москвичей по былому изобию в магазинах по крайней мере аморальна: Россия тридцать лет живет по талонам, а прежде жила тоже всегда впроголодь. Люди писали о москвичах: «избалованные», «изнеженные», «барчуки» — и все это была реакция, как можно понять из писем, на информационные телепередачи, на статьи различных журналистов, на оценки происходящего и перспектив, даваемые московскими политиками.

В «Независимой» следовательно из подмосковного городка поделился своими наблюдениями о том, как ведут себя москвичи вне родного города. Как они судятся, например, с родными сестрами и братьями из-за дач, как делят имущество, как готовы

вцепиться друг другу в глотку из-за каждого ягодного куста.

Еще в одной газете опубликовано письмо солдата-москвича, сбежавшего из части. Солдаты ненавидят москвичей, их колотят, их травят, их дразнят: зажавшиеся...

Все это не случайно, все это объяснимо, со всем этим надо бы побороться, и все это, в общем, не так сложно победить.

Действительно, воплей, тоски, паники, черных пророчеств из Москвы исходит сегодня с избытком. Особенно отличается тут первая телепрограмма, где тоска и угрюмость пришли на место былой коммунистической жизнерадостности — и отводятся тоске и угрюмости столько же места, времени, эмоций и талантов.

Журналисты так сладострастно подбирают одну дурную новость к другой, так печальны их лица, так скорбно опущены уголки губ, так тревожны голоса, что они будто забыли: людям всегда трудно было любить тех, кто приносит плохие известия. Причем степень нелюбви иногда достигала и высших уровней: гонцам, принесшим дурную весть, самодуры, бывало, голову отрубали. Несамодуры, конечно, терпят. Но, судя по письмам в другие газеты и в наш журнал, терпят из последних сил.

Компания «Сибмаркет», специализирующаяся на операциях с ценными бумагами, предлагает акции и брокерские места:

Sibmarket[®]

Эмитент		Номинал	Курс продажи
Новосибирская международная электротехническая товарно-фондовая биржа	акция+2 бр.м.	50 000	230 000
	акция+1 бр.м.		150 000
	брокерское место		100 000
Сибирская фондовая биржа	акция	100 000	550 000
Межрегиональный биржевой торговый дом (Москва)	акция	500 000	895 000
Народная нефтяная инвестиционно-промышленная Евро-Азиатская корпорация (НИПЕК)	агентская контора	500 000	695 000
	акция	1 000	1 000

(3832) 69-40-60,
66-44-03,
61-36-60,
26-32-25
(круглосуточно);

Факсы: (3832)
26-32-25, 21-98-73.

а также акции всех ведущих бирж, банков, инвестиционных компаний.

Обращайтесь к профессионалам! Наши цены — вне конкуренции!

AVIS

Ветры дуют не так, как хотят корабли

Андрей Аксененко,
подполковник, кандидат исторических наук

Какой флот,
кому и зачем
нужен на
Черном море

Внимательно наблюдая за полемикой между Россией и Украиной по поводу Черноморского флота, нетрудно прийти к выводу, что суть ее сводится к традиционной формуле: «Кому владеть Черным морем!» Грозные окрики из Москвы: «Флот неделим! Он был, есть и будет российским!» и не менее резкие ответы из Киева: «Флот должен быть поделен! Украина имеет на него такие же права, как и Россия!» порождены прежними представлениями об истории черноморского бассейна и связаны у одной стороны с боязнью потерять на него монополию, а у другой — со стремлением ее приобрести. Воды Черного моря превращены в объект такого же дележа, как и все остальное наследство, доставшееся республикам от прежнего Союза.

В этом споре нет ни-

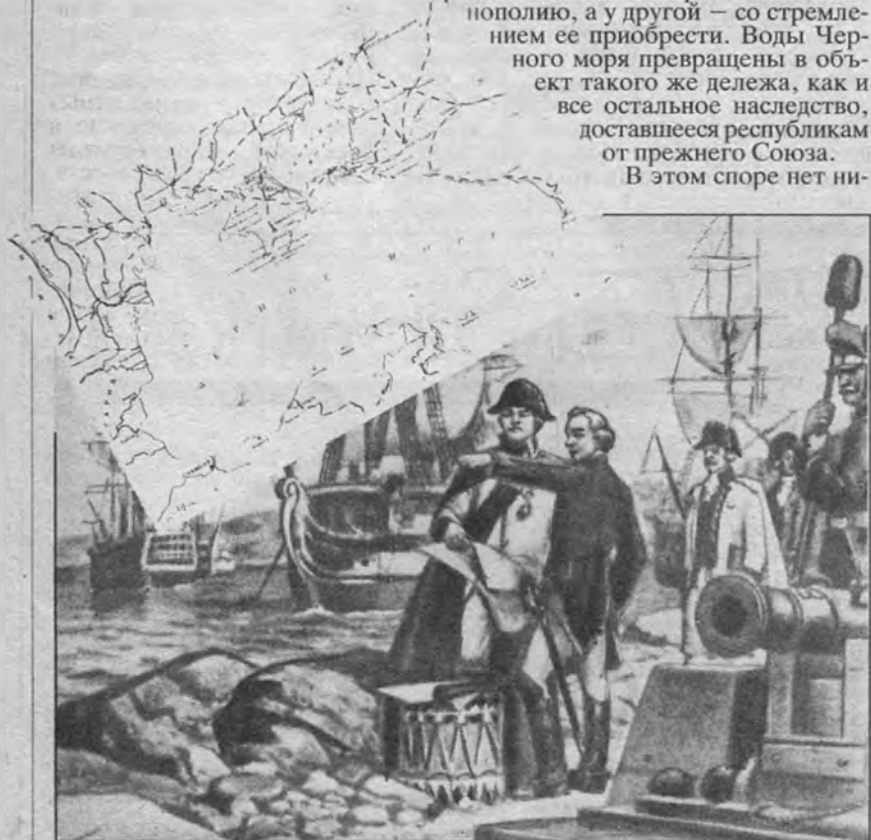
чего экстраординарного. История полна подобных конфликтов, которые, как правило, заканчивались переходом прав на владение из рук одного причерноморского государства в руки другого. Россия приобрела свои права на Черное море по историческим меркам относительно недавно, всего два столетия назад. До нее такими правами в течение трех столетий обладала Турция, которая, в свою очередь, потеснила Византию. Византия же свое лидерство отстояла в нелегкой борьбе с Киевской Русью...

Что же получается? Выходит, Киев не настолько уж амбициозен, настойчиво требуя прав на Черноморский флот? Выходит, дело Москвы безнадежно? Ей остается смириться со своим новым положением и подчиниться воле претендента на роль нового хозяина Черного моря, лишь иногда с ностальгией вспоминая о прежнем военно-морском величии в этой морской акватории?

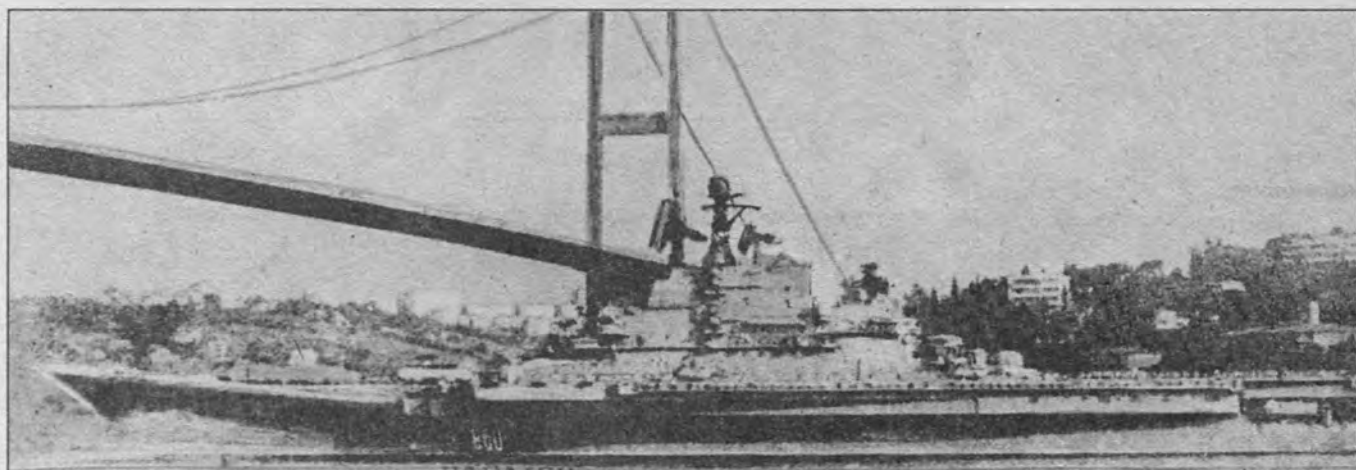
Отнюдь! Особенность нынешней точки отсчета в том, что она открывает совершенно новый этап в жизни черноморского бассейна, на котором ни одному из причерноморских государств не удастся уже играть доминирующую роль, как бы им этого ни хотелось. Кардинальные изменения геополитической ситуации в Восточной Европе, на Балканах, в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Закавказье привели к образованию в причерноморском регионе нескольких центров силы, способных взаимно уравновесить друг друга и сдерживать любые амбиции. Поэтому в будущем жизнь Черного моря будет определяться не лидерством какого-либо одного государства, а взаимным сдерживанием и системой коллективной безопасности, основанной в большей степени на политических, нежели на военных аспектах.

В этом смысле беспочвенны все страхи, что Украина может превратиться в ведущую морскую державу черноморского бассейна и как-то угрожать там интересам России и других государств. Получив в свое распоряжение Крым и Черноморский флот, Киев вскоре вынужден был бы распорядиться с иллюзиями лидерства на Черном море, если они у него есть, и решать совершенно иную задачу, связанную с сокращением расходов на собственные корабли и базы. По всей видимости, ему придется их резко сократить, оставив лишь необходимое для береговой обороны. В результате спор о Черноморском флоте для Украины приобретет финансово-экономический характер и уже никак не будет связан с ее военно-морскими амбициями.

Точно такой же характер он приобретает

География давно беспокоила флотоводцев...

Авианосный крейсер «Киев» проходит через Босфор (1976 год)

Фото из журнала «Янки» (Турция)

и для России. Все заявления российских депутатов и представителей ВМФ, что и в новых условиях российский Черноморский флот может выполнять некие стратегические задачи на Черном и Средиземном морях, являются лишь политической фразой, отражающей амбициозные интересы военно-морских кругов. России, так же как и Украине, придется переориентировать свой флот на Черном море на охрану побережья, хочет она этого или нет, так как в сложившейся ситуации этот флот полностью утратил свое стратегическое значение и объективно не может выполнять ни одной стратегической задачи, которую ему пытаются навязать. Это было бы бессмысленно с военной точки зрения и крайне опасно с политической.

Немного географии

Для того чтобы в средиземноморско-черноморском регионе решать стратегические задачи, причерноморское государство должно обладать двумя географическими позициями: полуостровом Крым и черноморскими проливами (Босфор, Мраморное море и Дарданеллы). Первая позиция позволяет флоту по кратчайшим расстояниям достигать берегов любого из других причерноморских государств и эффективно перехватывать любые военно-морские силы, которые попытаются прорваться к ним. Вторая, являющаяся связующим звеном между Черным и Средиземным морями, может использоваться и как «замок», запирающий для неприятеля вход в Черное море, и как «трамплин» для прыжка в Средиземное море.

Отсутствие контроля над любой из этих позиций обесценивает всякие попытки осуществлять эффективную стратегическую военно-морскую политику в регионе, независимо от того, носит она наступательный или оборонительный характер. Это подтверждает опыт царской России. Вся политика русского царизма в средиземноморско-черноморском регионе после захвата Крыма и создания в Севастополе базы Черно-

морского флота, по сути, свелась к борьбе за овладение Босфором и Дарданеллами. В то же время более давний опыт Византийской и Османской империй доказывает, что одновременное владение Крымом и проливами позволяет успешно решать в регионе все стратегические задачи — как наступательные, так и оборонительные. Не случайно поэтому и Византии, и Стамбулу удалось в свое время превратить Черное и Средиземное моря фактически в свои внутренние воды, надежно оберегая их от нападения извне.

Однако следует подчеркнуть, что и Крым, и проливы чрезвычайно уязвимы с суши, поэтому требуют создания вокруг себя обширной сухопутной буферной зоны. Без такой зоны нечего и говорить о прочном присутствии на море, так как захват Крыма и проливов с суши сразу же ставит под вопрос судьбу военно-морского флота. Кстати, и Византия, и османская Турция потеряли свои позиции в средиземноморско-черноморском регионе, как только утратили соответствующую глубину стратегической сухопутной обороны. Поэтому тот, кто был намерен сохранить свое доминирование в море, должен был заботиться о безопасности с суши, а тот, кто стремился перехватить это доминирование, обязан был приступать к созданию крупной и боеспособной сухопутной армии.

Немного стратегии

Надо сказать, что Россия, стремясь реализовать свои планы в отношении Черного и Средиземного морей, после нескольких неудач, связанных с игнорированием специфики региона, начала планомерно осваивать сухопутное пространство сначала на подступах к Крыму, а затем и к черноморским проливам. При этом выяснилось, что для локализации Крыма необходимо было овладеть всем Северным Причерноморьем от Днестра до Кубани, а для блокады Босфора и Дарданелл — Балканами и Малой Азией, одновременно нейтрализуя угрозы, которые могли воз-

никнуть с сопредельных территорий. Поэтому, прежде чем двинуться к Крыму, России следовало создать полосу безопасности от Варшавы до Бухареста и от Казани до Грозного, а к проливам — от Берлина, Вены и Рима до Каира, Багдада и Тегерана.

Для решения первой задачи России понадобилось почти столетие, если вести счет от азовских походов Петра I (1695–1696) до второй турецкой войны Екатерины II (1787–1791), после которой Крым окончательно был признан российской собственностью. Над второй задачей царизм бился в два раза дольше, однако осуществить ее так и не смог. Да и не мудрено. Ведь, чтобы утвердиться на Балканах, России пришлось бы подчинить своей воле чуть ли не половину Европы, а в Малой Азии — Кавказ и почти все главные страны Среднего и Ближнего Востока.

В итоге царизму борьба за проливы стоила пяти кровопролитных войн, включая первую мировую и Октябрьскую революцию. Большевикам, продолжившим после восстановления прежней имперской структуры «священное дело» своих предшественников — двух не менее трагических войн, «горячей» и «холодной», плюс к тому войны в Афганистане. Царская Россия, измотав все свои силы, застряла на Нижнем Дунае и в Польше, в Турецкой Армении и Иранском Азербайджане, хотя ее войскам дважды удавалось войти до Адрианополя (Эдирне) и Эрзерума. Советский Союз, так же как и царская Россия, развалился от крайнего военного перенапряжения, но он сделал гораздо больше, нежели его предшественница, правда, снова не все!

На Балканах Москве так и не удалось создать единый военно-политический блок, хотя в Варшавский Договор были втянуты Болгария и Румыния. Советские военные круги, следуя традиции российских, видели в них «коридор», способный вывести к Босфору танковые группировки, сосредоточенные в Одесском, Прикарпатском и Киевском военных округах. Северо-западный и юго-западный фланги этого «коридора»

Кто кого перетянет

Фото из газеты «Фанштел тагес» (Великобритания)

удачно удалось прикрыть войсками, размещенными в Восточной Германии, Польше, Чехо-Словакии, Венгрии. Правда, Австрия, Югославия и Греция так и остались вне жесткого советского влияния. Приходилось уповать в случае необходимости лишь на традиционно исторические симпатии сербов и греков к россиянам и на устойчивый нейтралитет австрийцев.

Успехи в Малой Азии были малозаметными. Передовой рубеж остался там, куда в 1918 году после перемирия вынуждены были отойти русские войска. Сталин пытался в 1943–1947 годах передвинуть советскую границу ближе к Эрзеруму за счет аннексии у Турции так называемых «армянских вилайетов», но безуспешно. По-видимому, двенадцать бронетанковых дивизий, сосредоточенных в советском Закавказье, о чем так много писалось на Западе, должны были компенсировать слабость географической позиции. Прорыв танковых колонн через горные ущелья Армянского нагорья на Анатолийское плато и последующий бросок к Босфору с юга, судя по всему, должны были прикрыть «просоциалистические» Сирия и Ирак. Правда, слабым звеном продолжал оставаться Иран, хотя после 1979 года его можно было уже сдерживать с тыла через Афганистан.

Уязвимость подобных планов была очевидна. Помимо того что они не принимали во внимание реальную возможность перерастания «похода к проливам» в глобальную термоядерную войну, они были нереальными и в случае применения лишь обычного оружия, оставляя в стороне реакцию стран НАТО и таких среди-

земноморских государств, как Египет и Израиль. Да и сама ОВД не выглядела надежной. Между СССР и его партнерами существовало немало противоречий, которые в критических условиях могли сыграть деструктивную роль. Исторический опыт показывал, кстати, что стоило России попытаться взять черноморские проливы под свой контроль, как немало ее прежних союзников занимали нейтральную позицию или переходили на сторону противников.

Немного навигации

Тысячелетняя борьба средневекового мира за Константинополь и проливы, блестяще завершенная турками-османами в 1453 году, убедительно доказала, что взять Босфор с Дарданеллами можно только одновременным ударом по четырем сходящимся направлениям: двум сухопутным (балканскому и малоазиатскому) и двум морским (черноморскому и эгейскому). Пренебрежение этим опытом или невозможность его реализовать сводили любые военные усилия к нулю. Наглядным подтверждением стал и печальный итог всех походов русичей и россиян к проливам. А ведь их было в общей сложности пятнадцать!

Главная проблема, с которой царская Россия сталкивалась при организации блокады Босфора и Дарданелл со стороны Черного и Эгейского морей, заключалась в том, как разместить свои военно-морские силы в Средиземном море. Черноморский флот был заперт в Черном море и не мог выделить для этой цели свои корабли. А что касается Балтийского, то каждый раз, когда Рос-

сия пыталась овладеть проливами (1853–1856, 1877–1878, 1914–1918), западные державы запирали балтийские эскадры в Кронштадте и представляли Морской генеральный штаб России снимать с повестки дня экспедицию к Дарданеллам.

На Черном море проблемы выхода к Босфору не было. Но постоянно не хватало сил и средств для десантной операции. В условиях, когда проливы были закрыты для прохода военных кораблей, Черноморский флот не мог быстро пополняться за счет перевода судов, построенных за границей и на Балтике. Черноморские верфи были маломощны. Особая нехватка ощущалась в десантно-транспортных средствах, а затем и в авианосцах.

Удалось ли решить все эти задачи в советское время? Так же как и на суше — частично. Несмотря на то, что переброска флота с Балтики так и осталась для Советской России проблемой номер один, верфи в Николаеве позволили оснастить Черноморский флот современными кораблями различных классов, авианосцами и, главное, десантно-штурмовыми кораблями, каждый из которых, по сообщениям советской прессы, обошелся в 60 миллионов рублей. Тем не менее в условиях крайне уязвимого и неустойчивого присутствия в Средиземном море Черноморский флот был обречен на стратегическое бездействие, так как весь предыдущий исторический опыт показывал, что стоило ему выйти к Босфору без средиземноморского прикрытия, как он уже на подступах к проливу столкнулся бы с объединенными военно-морскими силами НАТО. Тем не менее в 1964 году Мо-

ске удалось разместить в Средиземном море на постоянной основе часть кораблей Черноморского флота, которая получила название 5-й Средиземноморской эскадры. Советские корабли вышли в Средиземное море вопреки желанию Турции и ее партнеров по НАТО и пробыли там без малого тридцать лет. Это может быть объяснено тем, что Советский Союз смог в это время усилить военное давление на Турцию как благодаря изменению в свою пользу стратегической ситуации на Балканах и в Малой Азии, так и за счет мощи своего ракетно-ядерного щита.

В Москве тогда заявили, что основное предназначение 5-й эскадры — сдерживание кораблей 6-го флота США от нанесения ядерного удара по территории Советского Союза. Однако выполнить такую задачу ей было практически невозможно. Отсутствие в составе эскадры авианосных кораблей и развитой системы базирования (после разрыва с Албанией и Египтом осталась только одна стоянка в Сирии), полная зависимость от снабжения из Севастополя не лишали эскадру возможности соперничать с американским флотом и обрекали на бессмысленную трату сил в случае запланированного «прорыва в Черное море».

Немного о пользе истории

Словом, «неделок» в советской стратегической конструкции было много. Однако, видимо, ее разработчики считали, что к началу нового мирового вооруженного конфликта их удастся устранить. Стратеги торопились, выжимая последние соки из советской экономики и народа. Судя по всему, боялись, что не успеют подготовиться, как это было накануне первой и второй мировых войн. Однако, слава Богу, вмешалась история и кризис разрешился естественным путем. Развал СССР остановил строительство авианосцев в Николаеве и прекратил безумный бег к пропасти. В НАТО с облегчением вздохнули и сквозь пальцы посмотрели на проход последнего советского авианосца через Босфор и Дарданеллы. Вздохнули и мы, так как вместе с «Кузнецовым» ушли из Черного моря последние надежды на осуществление амбициозной мечты. Изменения в мире и причерноморском регионе, как представляется, навсегда закрыли для России проклятый проливный вопрос.

В нынешней ситуации Россия потеряла главное — возможность продолжать наращивать военные усилия по основным стратегическим направлениям, ведущим к проливам. Одни для нее закрылись навсегда (балканское и эгейское), другие (кавказско-малоазиатское и черноморское) стали настолько уязвимыми, что не могут считаться сколько-нибудь надежными. По сути дела, передовые рубежи России на Балканах и в Малой Азии, на Черном и Средиземном морях оказались отброшенными на триста

лет назад, во времена, когда она только начинала свое движение к Крыму и Босфору. О какой стратегической роли флота можно говорить в такой ситуации?!

Вместо выводов

С провозглашением независимости Украины и распадом Варшавского Договора исчез долго и мучительно создававшийся «балканский коридор». Теперь его «порог» проходит не по болгаро-турецкой границе, а по российско-украинской. Более того, вся группировка сил и средств, подготовленная для движения по этому «коридору», оказалась «приватизированной» Киевом. К тому же обрушилась и вся система прикрытия. Советские войска выведены из Чехословакии и Венгрии. К концу этого года они покинут и Польшу, а к концу 1993 года — Германию. На юго-западе прекратила свое существование СФРЮ.

Парализована и советская сухопутная группировка на Кавказе. Распад Закавказья на независимые республики расчленил ее, превратив в конгломерат отдельных воинских соединений, потерявших свою боеготовность из-за вовлеченности в межнациональные конфликты. Советские войска, находящиеся в Закавказье, фактически утратили стратегическую связь с Москвой. В этих условиях, по всей видимости, скоро встанет вопрос об их выводе.

С потерей Прибалтики вопрос об участии Балтийского флота в средиземноморской политике России вообще снят с повестки дня. Попытки использовать в этих целях корабли Северного или Тихоокеанского флотов столкнутся с не меньшими трудностями в силу необходимости преодолевать все те же проливные зоны и морские узкости. Разместить вновь корабли Черноморского флота в Средиземном море, откуда они были выведены два месяца назад, вряд ли удастся. Если это будет сделано, Запад тотчас поставит вопрос о пересмотре Конвенции о режиме проливов и снятии с него ограничений на ввод своих военных кораблей в Черном море. Аппелляция в этом случае к силовым средствам, в том числе ядерным, бессмысленна, так как стратегические ядерные силы бывшего СССР в нынешних условиях уже не могут рассматриваться как эффективное средство воздействия на США и их партнеров по НАТО.

Без Крыма Россия лишается и возможности организации успешной десантной операции на Босфор. С потерей же Северного Причерноморья она даже при сохранении базы в Севастополе никакой стратегической выгоды и владея Черноморским флотом получить не может, ибо в случае любой военной конфронтации город «русской морской славы» будет ожидать судьба Порт-Артура. Чтобы обеспечить российскому Черноморскому флоту возможность выполнения каких-либо оперативных и

стратегических задач, России пришлось бы держать на границе с Украиной сухопутную армию, по боевым возможностям в два-три раза превосходящую украинскую. Иначе флот, выйдя в море для решения задач, которые не соответствуют интересам Киева, может оказаться перед угрозой потери базы и изоляции с тыла.

В этом смысле любые действия Черноморского флота, если он даже вместе с Крымом останется за Россией, будут сдерживаться Украиной, а также Турцией, сумевшей сохранить за собой Босфор и Дарданеллы. Любое движение российских военных кораблей в сторону проливов и Средиземного моря будет сразу же вести к союзу между этими двумя причерноморскими государствами, за которым будет стоять НАТО. Да и Болгария, Румыния, Грузия не останутся в стороне. Формулируя новые национальные оборонительные доктрины, они будут стремиться осуществить и свой вклад в поддержание баланса сил и равновесия на Черном море.

Поэтому России сейчас нужно не наращивать флот на Черном море, а решительно сокращать его. Програв борьбу за проливы и лишившись Крыма, она окончательно потеряла бы возможность использовать здесь свои военно-морские силы в стратегических интересах.

Постскриптум

Остается ответить еще на один вопрос: «Не начнут ли Украина и Турция в условиях образовавшегося вакуума на Черном море борьбу между собой за право лидерства в регионе»? Исключено. Украине не поднять «проливный вопрос», так как она лишена прямых выходов в Балтику, Средиземное море и на Кавказ. Чтобы утвердиться на Босфоре, Киев должен был бы проделать работу в десятки раз объемнее той, которую пыталась сделать Россия. Это ему не по плечу. Кроме того, любые попытки Украины решать какие-либо стратегические задачи на Черном море легко будут нейтрализовываться Россией и Турцией, объективно превращающихся в такой ситуации из традиционных противников в союзников. В этом смысле Москва сделала очень точный и верный шаг, поддержав турецкую инициативу создания Черноморской зоны экономического сотрудничества.

Турция же, в свою очередь, тоже никогда не сможет утвердиться в Крыму и Северном Причерноморье. Здесь на ее пути по-прежнему будет стоять Украина вместе с Россией. Да она и не стремится к этому. Для Анкары главная забота заключается в том, чтобы никто не вынашивал планов отобрать у нее Стамбул и проливы. И как только она убедится, что угрозы с севера не существует, она постарается сделать все, чтобы ни один враждебный Украине и России, как, впрочем, и другим причерноморским государствам, корабль не прошел в Черное море.

Официальный поставщик ООН
и дипломатического корпуса
Ее Величества Королевы Великобритании
Британский Торговый дом

Торговый дом «Родити», основанный в 1935 году банкиром Вильямом Кенмором, сейчас является одной из ведущих торговых компаний Европы.

Покупателям в 150 странах мира «Родити» предлагает 75 000 наименований товаров:
**продовольствие, одежду, обувь, посуду,
бытовую и видеотехнику,
компьютерную технику, средства связи,
строительные материалы, инструменты
и многое другое.**

**ВАС НЕ МОГУТ НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ
НАШИ ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ УСЛОВИЯ,
РАЗРАБОТАННЫЕ ДЛЯ РОССИЙСКИХ
ПОКУПАТЕЛЕЙ, ИМЕЮЩИХ СТАТУС
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА:**

**ЦЕНЫ НА 30% НИЖЕ СРЕДНЕЕВРОПЕЙСКИХ;
ФОРМА ОПЛАТЫ ВЫБИРАЕТСЯ ВАМИ!
ТОРГОВЛЯ — ОПТОМ И В РОЗНИЦУ.**

**«РОДИТИ-МОСКВА» ИМЕЕТ ЧЕСТЬ ПРИГЛАСИТЬ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВАШЕЙ ФИРМЫ ДЛЯ РЕГИСТРАЦИИ
И ПОЛУЧЕНИЯ РАСЧЕТНОЙ КАРТОЧКИ УЧАСТНИКА
ТОРГОВОГО ДОМА.**

Контактные телефоны

в Москве:

**963-36-27,
факс: 963-51-37;**

в Санкт-Петербурге:

**164-32-11,
факс: 164-80-36;**

в Лондоне:

**071-4394390,
факс: 071-4340896**

**Эксклюзивный
рекламный представитель
RODITI AD AGENCY
тел.: (095) 964-07-38,
факс: (095) 963-51-37**

AVIS

Бейкериада

Госсекретарь США на мгновение заппулся. Казалось, он забыл название страны, в которой находится. «Узбекистан», — произнес наконец Джеймс Бейкер, и его голос обрел привычные твердые нотки. Заминка случилась на седьмой день, после посещения Молдовы, Армении, Азербайджана, Таджикистана, Туркмении, а также Екатеринбурга и Челябинска-70: конфликтных, исламоугодных и ядерно-беспокоящих мест бывшего Союза.

Подобного путешествия не совершал ни один высокопоставленный зарубежный деятель. Неутомимый Джим, корректируя американский внешнеполитический курс, как обычно, во всем попытался докопаться до сути лично. Один из главных объектов американской внешней политики развалился. Соответственно то, что некогда составляло американо-советские отношения, разлетелось на составляющие — американо-российскую, — узбекскую и так далее.

Мои друзья и коллеги из бригады, сопровождающей Бейкера, выразили свои ощущения одной фразой: как можно было так долго совмещать несовместимое в одном государстве — Таджикистан, и, скажем, Литву или Украину? Раньше все происходившее на одной шестой части суши укладывалось для окружающего мира в немного расплывчатое и огромно-угрожающее понятие — Советский Союз. Но вот что любопытно: большинство американцев при этом называли все относящееся к СССР одним словом — «русский». После развала Союза применительно к бывшим республикам, объединенным массой похожих и диких проблем, стали чаще использовать прилагательное «советский».

Госсекретарь, судя по всему, решил раз и навсегда уяснить для себя не только похожесть, но и различия, конкретизировать американские приоритеты в отношении той или иной бывшей республики. Причем американцы в который раз продемонстрировали прагматизм. Они взвесили, что выгоднее: прежде чем устанавливать дипотношения, до окончания века ждать, пока среднеазиатские государства заживут по принципам демократии и уважения прав человека, или установить отношения сейчас, чтобы влиять на ситуацию изнутри, попытаться помешать этим странам пасть в объятия фундаменталистов.

Выбрали второе. Президенты один за другим добросовестно клялись в верности демократии и получали индульгенцию: госсекретарь решил рекомендовать Дж.Бушу установить дипотношения практически со всеми из посещенных им столиц. Хотя мне показалось, что по части перспектив среднеазиатской демократии Джеймс Бейкер настроен оптимистичнее, чем дает основания ситуация в этих государствах.

Из всех республик бывшего Союза для американцев под вопросом лишь отношения с Грузией. Не испытывавшие симпатий к удаленному от власти Гамсахурдия и не признававшие его дипломатически, США не приемлют, каким путем произошло «удаление» грузинского президента. Однако Бейкер все-таки встретился с главой временного правительства Грузии Тенгизом Сигуа — но сделал это в Москве, в последний момент.

Что касается российского этапа нынешней бейкериады, то во главу угла были поставлены проблемы разоружения.

О новом политическом уровне отношений свидетельствует американское предложение создать совместный центр раннего оповещения о запуске баллистических ракет (не предполагающий, правда, совместной обороны от них) и то, что США предоставят России специальные вагоны и так называемые «одеяла безопасности» для транспортировки ядерного оружия.

Мое внимание привлекли два эпизода.

Один связан с посещением Челябинска-70.

...Пост охраны. За ограждением огромное здание с чисто советским названием: ВНИИТФ. Во всех окнах — головы, тысячи голов ученых-ядерщиков, делающих приветственные знаки. Это напомнило первое явление Эдуарда Шеварднадзе два года назад в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе — сотрудники логова главного противника высыпали в холл, образовав живой аплодирующий коридор. Бейкер, похожий на приглашенного профессора, прошел в аудиторию и занял место перед «студентами» — докторами и кандидатами, готовый произнести небольшую лекцию об опасности расположения ядерной технологии. Однако началось с выступления руководителя института. Вместо изрядно надоевшего американцам вопроса — а что вы нам дадите? — он заявил: мы можем предложить вам такие-то программы для совместных исследований. Думаю, именно посещение Челябинска-70 придало в глазах американцев новое измерение их собственной идее создания Международного центра поддержки ученых бывшего Союза.

Другой эпизод связан с Екатеринбургом. Прошел слух, будто в результате вечернего посещения русской бани госсекретарь утром не поехал на некий химический завод. До меня дошла иная версия изменения его программы. В последний момент кто-то из местных представителей министерства обороны воспрепятствовал посещению американцами военного объекта. Бейкер не стал беспокоить Шапошникова...

Однако у меня сложилось впечатление, что российско-американским отношениям сегодня мешает не только груз недоверия и вооружений. Москва и Вашингтон по-прежнему соревнуются. Россия настолько обогнала партнера по предлагаемым цифрам сокращения стратегических вооружений (соответственно до 2500 и до 4500 боеголовок), что американцы опасаются потерять из виду не только нас, но и возможное соглашение. Саму по себе радикальность можно только приветствовать. Только вот не покидает ощущение, что она больше пропагандистская, нежели просчитанная, не учитывает огромные затраты, которые, как это ни парадоксально, связаны с обвальным разоружением.

Или взять проблему перенацеливания ракет. Американцы не пришли в восторг от революционных предложений Москвы. Они ссылаются на технические сложности и невозможность контроля. Я спросила госсекретаря Бейкера и министра Козырева, означает ли настоящность Москвы, что Россия технически готова, а США не готовы перенацелить ракеты? Отвечая, министры сошлись на том, что технически не готов никто, это политическая цель.

Так, может быть, сегодня, когда мы стали друзьями и партнерами, и к разоружению подходить по-новому: не гоняясь за пропагандистскими лаврами, а по-деловому — спокойно и рационально, исходя из своих возможностей?

Галина
Сидорова

**В Среднюю
Азию везут
демократию,
в Россию
— «одеяла»
для ракет**

«Надежды» маленький оркестрик под управлением ЕС

Запад пытается спасти СНГ от полного экономического и социального коллапса и тем самым обезопасить себя

Промозглым утром с аэродрома Франкфурта-на-Майне стартовали первые военно-транспортные самолеты с продовольственной помощью для СНГ. Толпившиеся на летном поле многочисленные теле- и фотожурналисты, главным образом американские, отсняли необходимые сюжеты — Джеймс Бейкер и Ганс-Дитрих Геншер благословляют помощь вчерашним противникам — и поспешили в автобусы укрыться от дождя.

Так началась операция «Надежда», организованная Европейским сообществом, Соединенными Штатами и Японией.

Кто больше?

За несколько дней до того, как состоялась эта церемония, Бонн и Вашингтон поспорили: как добиться, чтобы в телекамеры попали не только американские «Геркулы», стоящие поблизости от трибуны, но и «Боинги» немецких ВВС, расположенные чуть поодаль. Пустяковая деталь, но за ней кроется своего рода соперни-

чество между двумя странами относительно размеров помощи для СНГ. Бонн хотел бы, чтобы США помогали активнее. И уже совсем не по душе немцам то, что американцы постарались выдать операцию «Надежда» в первую очередь за свою. Хотя по воздушному мосту теперь летят продукты и товары, закупленные в основном на деньги европейских налогоплательщиков. Кстати, американцы отправили главным образом продукты, сохранившиеся от запасов, приготовленных для «Бури в пустыне».

На долю европейцев приходится в эти дни 400 воздушных рейсов, на долю американцев — 50. В денежном выражении это выглядит, во всяком случае по данным Комиссии ЕС, так: Германия на сегодняшний день лидирует среди доноров с огромным отрывом, отдав СНГ более 70 миллиардов марок. Треть из этого — кредиты и гарантии под кредиты. Следом идет Италия — 9,3 миллиарда марок, затем США — 7,2 миллиарда, Франция — 3,4 миллиарда, и уж совсем скромно выглядит Англия — 220 миллионов.

Цифру 70 миллиардов некоторые экономисты считают завышенной. Но, как бы то ни было, Бонн не скупится, хотя и испытывает огромные сложности с новыми федеральными землями, которые также требуют немалых вложений. Когда бундестаг обсуждал вопрос помощи России, парламентарии от правящей коалиции и оппозиции проявили поразительное единодушие. «Нельзя допустить обнищания широких масс населения» — подобные призывы звучали совершенно искренне. Радикально настроенные члены левой оппозиции предложили даже простить России все долги в качестве жеста доброй воли за страдания, причиненные Германией народам СССР во второй мировой войне.

ЕС пока что не готово разделить подобные чувства. Министры иностранных дел и финансов порешили выделить кредиты под гарантии только России, взявшей на себя основное бремя долгов, оставшихся от СССР. На финансовое благорасположение могут рассчитывать те республики СНГ, которые согласятся на паху расплачиваться за грехи Страны Советов. Сообщество выделило на нужды Содружества 5,2 миллиарда марок в виде кредитов или же прямых поставок товаров и различного оборудования.

Эта сумма, видимо, уменьшится на четверть миллиарда, так как Россия отклонила предложение Брюсселя заключить трехстороннюю сделку, по которой тот кредитовал бы закупки Москвой продовольствия в странах бывшего «социалистического содружества».

Не альтруизмом единым

Было бы наивно полагать, что массированная помощь Запада продиктована лишь альтруистскими соображениями.

Основная часть помощи по воздушному мосту в эти дни направляется в Москву и Санкт-Петербург. Эти города выбраны Европейским сообществом не случайно: именно они играют ключевую роль в сохранении стабильности — весьма относительной — в России. Запад при этом преследует цель максимально упрочить позиции Бориса Ельцина, полагая, что малопривлекательная альтернатива

СНГ способно проглотить всю германскую экономику — предупреждает газета «Парламент» (ФРГ)

ему сегодня либо юродствующий сын юриста, либо авторитарный национал-патриот.

В одном из документов ЕС, предназначенном для внутреннего пользования, говорится, что технические программы поддержки (помимо гуманитарной помощи) республик СНГ нацелены прежде всего на создание демократической системы, проведение широких реформ.

Вариантов и предложений на самых разных уровнях и с разным уровнем компетентности хватает. Один из них разработан учеными университета Майнца под руководством профессора Вернера Вайденфельда, который принадлежит к числу близких советников Гельмута Коля.

Ученые считают, что на Западе с трудом пробивает себе дорогу понимание: преодоление раскола континента означает и то, что все проблемы Восточной Европы становятся заботами и западной части Старого Света тоже. Исчезнувший конфликт Восток-Запад оставил после себя множество мелких, но подчас более сложных и острых. Западу еще только предстоит осознать, что Восточная Европа стоит не перед реформами или перестройкой прежних структур, а перед сменой систем. Однако она идет с большим скрипом и трудом, чем ожидалось. Поэтому необходимо расширить объем западной помощи и сотрудничества, от разовых мероприятий переходить к продуманной и планомерной стратегии.

Успешная стратегия станет возможной лишь при условии жесткого «пригляда» за распределением помощи и претворением проектов в жизнь. Для этого понадобится контрольный механизм, устраивающий обе стороны. Возможно, например,

создание организации, аналогичной той, что возникла после второй мировой войны, — Организации европейского экономического сотрудничества. На сей раз в ней были бы представлены центрально- и восточноевропейские страны. С одной стороны, таким образом узаконивался бы контроль за помощью, а с другой — уменьшились бы бытующие на Западе опасения, что какая-либо столица (подразумевается Берлин) может в одиночку диктовать свои условия.

Чем заполнится вакуум

Конечно, авторы анализа отдадут себе отчет в том, что в России в избытке консервативных сил, которые категорически не приемлют западную систему ценностей.

По мнению немецких ученых, следует расширить число советников, активизировать помощь в создании демократических институтов, особенно в области права и управления. Не мешает подумать об открытии в экс-социалистических странах Домов Европы, где можно было бы устраивать нечто вроде курсов или же учебных программ по экономике, образованию, культуре.

Естественно, достаточное внимание ученые из Майнца уделяют конкретным предложениям по экономике, оздоровлению финансов. Одна из ключевых мыслей — страны, начавшие ломку системы, нужно потеснее привязать к ЕС, которое оказывало бы на них стабилизирующее влияние. Для чего, например, следует облегчить условия взаимной торговли. Но прежде всего необходимы финансовое оздоровление, стабилизация национальных валют. Предлагается с

этой целью смягчить бремя долгов СНГ, что поможет интегрировать его в мировую хозяйственную систему, а это, в свою очередь, немалослимо без членства в Международном валютном фонде, во Всемирном банке. Возможно заключение двусторонних соглашений с каждой из республик. Однако нечего сразу же рассчитывать на финансовые инъекции — они последовали бы лишь после того, как станут очевидными те или иные конкретные шаги к реформам.

В этом, правда, немецкие ученые расходятся с чиновниками из Комиссии ЕС. Те считают, что пока рано ставить продолжение помощи в зависимость от экономических и политических преобразований в СНГ.

Наверное, так правильней. Но не дает покоя сомнение — не усугубит ли массированная помощь Западу апатию, желание полагаться на доброго дядю, что достаточно распространено в нашем обществе. Прежде все претензии адресовались государству, оно-то и отвечало за то, чтобы обучить, дать работу, вылечить, дать квартиру и так далее. Государство выступало неким гарантом бытия, оно было властью — плохой или хорошей, сейчас не существенно. Продуктовыми посылками и пожертвованиями можно лишь на время, да и то не полностью, заткнуть зияющие бреши. Помощь Западу окажется действенной по-настоящему только в том случае, если будут созданы необходимые предпосылки для нормального развития.

Дмитрий
Погоржельский,
собр. корр. «Нового времени»

БОНН

ПЕРМСКАЯ ТОВАРНАЯ БИРЖА

продолжает
ежедневные
торги.

Работают
секции:
товарная,
фондовая,
недвижимости.

Открыты
представительства
в Майкопе
(Северный Кавказ),
Березниках,
Ижевске,
Екатеринбурге,
Челябинске.

Телефон, факс:
(3422) 32-53-53.

AVIS

«Терминатор» помогает Бушу

Евгений Русаков

На первичных выборах в Нью-Гэмпшире Джордж Буш победил, однако это была пиррова победа. Президента поддержали чуть больше половины избирателей (53 процента), а консервативный республиканец Патрик Бьюкенен, набрав 37 процентов голосов, вызвал в Белом доме нечто близкое к панике: победа на президентских выборах зависит от способности кандидата завоевать широкую поддержку в Гранитном штате. Выдвижение Буша кандидатом от республиканцев по-прежнему не вызывает особых сомнений, но президенту предстоит тяжелая, изнурительная борьба с напористым Бьюкененом, с детства прославившимся забиякой.

С калейдоскопической быстротой развивались события и у демократов. Позиции губернатора Арканзаса Билла Клинтона, которому отдавали пальму первенства, после обвинений в амурных грехах и уклонении от призыва в армию во время вьетнамской войны стали таять на глазах как лед в озерах Нью-Гэмпшира в нынешнем необычно по-весеннему теплом феврале. Столь же стремительно начал набирать темп бывший сенатор Пол Тсонгас из соседнего Массачусетса, которого месяц назад мало кто воспринимал всерьез. 18 февраля он победил, но Клинтон сумел серьезно сократить разрыв и остается вместе с Тсонгасом одним из ведущих претендентов на президентский пост от демократической партии.

Три других соискателя мест в Белом доме — Керри, Харкин и Браун — финишировали с близкими результатами, что тоже расценено как неожиданность.

Край пикейных жилетов

Безлюдное авеню Ив, превращающееся с первыми вечерними огнями в неоновую пустыню (в небольших городах американцы практически поголовно перемещаются на четырех колесах), было утыкано и увешано плакатами «Билла Клинтона — в президенты» и чуть дальше «Бьюкенена — в президенты».

Первичные выборы в Нью-Гэмпшире — это своего рода «школа» фигурного катания кандидатов в президенты

Удастся ли Бушу с помощью Шварценеггера расправиться со своими соперниками?

В центре Манчестера на двухэтажной улице Вязов, где расположены недалеко друг от друга штаб-квартиры претендентов, идут словесные баталии школьников. Ребята — сторонники Керри кричат приверженцам Тсонгаса: «Регионал! Регионал!» (мол, за пределами Новой Англии ему делать нечего), а те, кто не утратил веру в Буша, скандируют: «Пэт Бьюкенен — нет!». Соперники отвечают соответственно.

Каждый ньюгэмпширец — от годовалого младенца до глубокого старика — врожденный политик. Младенец имеет шанс побывать на руках у будущего президента, а представитель старшего поколения — пожать тому руку, а при желании сфотографироваться. Во время своих хождений в народ любой президент рискует в девяти из десяти случаев наткнуться на следующих за ним по пятам журналистов либо на своих штатных энтузиастов из «группы поддержки». Живой избиратель — не столь уж частая птица. Поэтому претендент лихорадочно ищет ребеночка или какую-нибудь старушечку: тут уж не промахнешься, это — «народ». Каждый житель штата может дать фору иному штатному газетному обозревателю.

Первая моя беседа состоялась прямо у Пинкертонской академии, где проходил предвыборный митинг Буша. Двое ребят стояли с транспарантом «Буш — либерал», что в лексиконе республиканцев означает нечто вроде ругательства.

— В каком смысле либерал?

— По сравнению с Бьюкененом, — ответил на мой вопрос один из них, полноватый розовощекий парень лет двадцати пяти. — Четыре года назад я помогал предвыборной кампании Буша в нашем штате, немало попотел. Но он предал меня — обещал не повышать налоги, но нарушил свое обещание. А законопроект о квотах при найме на работу, а пособия по безработице? Буш начал войну, чтобы вышвырнуть Саддама. Ну и что? Тот продолжает сидеть в Багдаде. Я больше не верю Бушу. Верю Бьюкенену.

С пятидесятилетним учителем Майком Соколовски, поляком по происхождению, невысоким худощавым усачом, я говорил в небольшом спортивном зале, где за себя агитировал сенатор из Айовы Том Харкин.

— Харкин? Слишком

много обещает. Клинтон — красавец, а здесь у нас многие все еще ждут пришествия второго Джона Кеннеди. Но Клинтон скользковат, никто не уверен, что еще что-нибудь нелегитимное не всплывет из его прошлого. Керри отрешенно-холодный. Как от героя вьетнамской войны, потерявшего ногу, мы ожидали от него проявления твердого характера, душевности, сердечности. Но этого-то ему, похоже, и не хватает. Я уверен, что никто из претендентов не сможет что-либо серьезно изменить. Но я сторонник Тсонгаса, потому что это честный, цельный человек, который побеждал в самых трудных ситуациях. У республиканцев Бьюкенен тоже настоящий борец.

«Супружеская верность? Что это такое?»

Ньюгэмпширцы с легкостью профессионалов оперируют термином «избираемость», который означает способность претендента победить соперника из другой партии на президентских выборах. Пожалуй, это

адрес губернатора? Меня не волнует его супружеская неверность. Я вообще не знаю, что это такое. Проблема уклонения от призыва в армию тоже раздута. Я сам служил в армии, еще до вьетнамской войны, прекрасно помню, как и взрослые, и молодежь были сбиты с толку этой войной, мы даже не находили слов, чтобы выразить свои чувства. А Клинтон в двадцать три года сумел прекрасно это сделать, объяснив, почему он против войны и почему он все же решил в конце концов не уклоняться от призыва, если ему суждено это по лотерее.

Главный соперник Буша — Патрик Бьюкенен с детства слыл забиякой

самое ценное или как минимум необходимое качество, которое партийные чины и просвещенные избиратели хотят найти в соискателе президентского поста. Другой важный для американского политического лексикона термин, введенный на заре телевидения теоретиком информационного общества Маршаллом Маклюэном, это — «идея», message.

Высокий блондин-бородач, усталое бледное лицо которого как-то не вписывалось в общее праздничное настроение на митинге Клинтона, не задумываясь, ответил, почему будет голосовать за губернатора Арканзаса:

— Клинтон очень информирован, чрезвычайно умен и прекрасно излагает свои мысли. Тсонгас тоже очень хороший человек и его идея совпадает, по существу, с позицией Клинтона. Но Тсонгас в отличие от Клинтона не в состоянии донести до аудитории свою идею. Обвинения в

Уникальное место в американской политике Нью-Гэмпшир занял по воле случая, а точнее климата. Когда в начале века в Америке начали вводить первичные выборы, местные политики разумно решили проводить их зимой, пока весенняя распутица не развезла дороги: штат в те времена был глухоманью, да и сейчас остается таким, хотя с шоссе-сейными дорогами теперь дела более или менее в порядке.

В 1952 году в ходе первичных выборов впервые был проведен «конкурс красоты» самих претендентов на президентский пост. Результат превзошел самые смелые ожидания.

Президент Гарри Трумэн, с олимпийским спокойствием взиравший из Овального кабинета на какие-то выборы в каком-то Нью-Гэмпшире, проиграл сенатору Эсти Кефверу, не поленившемуся ходить по местным забегаловкам и пожимать встречным прохожим руку, и вскоре вынужден был снять свою кандида-

туру. Республиканцы же провели победную предвыборную кампанию Дуайта Эйзенхауэра, которая стала для него трамплином в Белый дом.

Речь в пивной

С тех пор Нью-Гэмпшир в американской предвыборной президентской политике играет роль «школы» в фигурном катании или командных соревнований в гимнастике: не пройдя их достойно, не попадешь в финал. Для одних этот небольшой штат становится трамплином в Белый дом, для других — в политическое небытие.

Судьба будущего президента решается немногим более чем двумястами пятьюдесятью тысячами демократов и республиканцев, участвующих в раздельных выборах.

Ньюгэмпширцы гордятся своим политическим чутьем на будущих президентов и ценят свою привилегию. Они не только всерьез относятся к своему выбору, но и активно участвуют на добровольных началах в работе предвыборных комитетов: организуют митинги, собирают пожертвования, расклеивают плакаты, рассылают письма, агитируют, обзванивают и так далее.

Ньюгэмпширцев даже не раздражает то, что с каждым выборами между претендентами и избирателями растет стена, создаваемая журналистами. Каждого политика сопровождает минимум десятка два журналистов, протиснувшись через частокол телекамер подчас невозможно даже нашему брату-репортеру. Когда вы прочтаете, что я задал вопрос Бьюкенену о его отношении к проблеме оказания помощи СНГ, то не понимайте это буквально. В действительности я находился метрах в трех от него и через плечо коллеги из Израиля, успешного спросить об американских гарантиях займов его стране, три раза проорал что было мочи: «А как насчет России?» С Клинтоном удалось пообщаться лицом к лицу на вечеринке, но в это время с одной стороны гремел рок-оркестр, с другой — его за рукав тянул к выходу помощник, а с третьей — видеокамеры буквально касались наших лиц.

И тем не менее Нью-Гэмпшир остается единственным штатом, где простой американец может увидеть живого претендента и даже потолковать с ним.

После Нью-Гэмпшира начинается новая игра. Провозглашая свою триумфальную речь со стула в пивном баре в двух шагах от нашей журналистской группы, разгоряченный и возбужденный Бьюкенен не забыл напомнить своим сторонникам, что теперь предвыборная борьба будет носить совсем другой характер и ему придется полагаться на телевидение и массовые мероприятия.

Как обычно, одного из кандидатов обвинили в аморальном поведении. На сей раз это был демократ Клинтон, чье имя связали с именем бывшей певицы из кабаре

«Вышли мы все из наро-о-да...»

Как только Пэт Бьюкенен выдвинул свою кандидатуру в президенты, он тут же пересел из «мерседеса» в мини-автобус и переехал вместе с женой, пышной блондинкой, из роскошного особняка под Вашингтоном в скромную гостиницу в Манчестере.

В рекламных телероликах этот преуспевающий газетный колумнист и телевизионный обозреватель проникновенно говорит о том, что за последние недели он объездил весь штат и насмотрелся на народные страдания. «Нью-Гэмпшир, не дай себя обмануть второй раз», — бросает он обвинение в адрес «равнодушного» к бедам штата Буша.

Ньюгэмпширцам действительно приходится туго. Это один из самых забытых богом штатов Америки. Во времена промышленной революции в прошлом веке Новая Англия была индустриальным сердцем Америки, а трудолюбивые, упрямые и находчивые настоящие янки, каковыми являются именно новоанглийцы, осваивали здешние просторы. Но потом финансы ушли в Нью-Йорк, промышленность переместилась на Средний Запад, а фермеров вытеснили зерно и мясо из прерий.

Наконец, во времена «Великой депрессии» тридцатых годов закрылась крупнейшая в мире текстильная фабрика в Манчестере. Ее протянувшиеся на километры вдоль реки Мерримак пустые красно-кирпичные корпуса с высокими узкими окнами так и остались памятником перманентному кризису Нью-Гэмпшира. Кое-где еще остаются фермы и рыбацкие хозяйства, но большей частью гордые янки заняты в сфере туристического бизнеса,

сервиса. «А теперь штат поразил еще и снежный кризис», — подытожил сопровождавший нас руководитель нью-йоркского центра иностранной прессы ЮСИА Николас Кинг, уроженец здешних мест, переживающий за своих земляков, лишившихся ко всему прочему доходов с горнолыжных курортов.

Короче, богатых снобов в этих краях не любят и никогда не любили. Желая попасть в Белый дом приходится начинать с демонстрации своей близости к народу в лице проницательных и недоверчивых ньюгэмпширцев.

Клинтон напоминает о том, что он потерял отца в детстве и ему пришлось самому пробиваться в жизни.

Сенатор из Небраски Боб Керри подчеркивает, что вырос в семье из семерых детей, и обещает жестко бороться за рабочие места.

«Я не сплю по ночам»

Даже Бушу, который не очень уютно чувствует себя вне привычного круга друзей и обеспеченного с детства комфорта, приходится спускаться с пьедестала. Один раз он появился среди народа в куртке с распахнутым воротом рубашки и помятых брюках, в другой — забавлял маленькую девочку рукавичкой с мордочкой медвежонка. Участников митинга в Пинкертонской академии под Манчестером пропустили через металлический детектор, но это выглядело детской забавой по сравнению с мерами предосторожности в гостинице «Уолдорф-Астория», где нас перед апартаментами президента

встречали сотрудники охраны в пуленепробиваемых жилетах и с автоматами. Да и Буш на митинге выглядел гораздо человечнее, теплее, чем обычно. Положение обязывало.

На митинге выступил глава президентского совета по физкультуре. Когда на платформе появилась мощная фигура и знакомое загорелое прямоугольное лицо с низким лбом и могучей челюстью, зал забился в истерику. Я засек по часам: минуту истерика длилась до его речи, три минуты во время самой речи и еще минуту, когда Арнольд Шварценеггер вышел вместе с Барбарой Буш. Когда «терминатор» своим металлическим баритоном призвал сказать на выборах

Бьюкенену «Аста ла виста, бэби!» — «Прощай, бэби!», тут уж творилось что-то невообразимое. Впрочем, Бьюкенен расценил выступление «терминатора» как признак паники в стане главы Белого дома.

Всех по части демонстрации близости к народу превзошел сенатор Том Харкин: «Стране нужен президент, который понимает народ и чувствует ему. Я понимаю народ так, как Буш никогда не поймет. Мой отец был шахтером, не закончившим восьми классов, моя мать была бедной иммигранткой... Они вырастили шестерых детей в трехкомнатном доме, ...моего больного брата выбросили с работы в 23 года...»

Тут сенатор картинно простирает руки и повышает голос: «Я не сплю по ночам, потому что хочу, чтобы хорошо чувствовали себя простые люди. А для них хорошая жизнь — это не яхта и часы «Ролекс». Для них хорошая жизнь — это свой дом, это работа, это возможность дать детям образование». Зал взрывается криками: «Харкин! Харкин! Харкин!»

Ради доходчивости своей «идеи» Бьюкенен назвал заявления президента «ложью». Тот ответил тем же. Харкин обозвал экономические рецепты Белого дома «бычьим дерьмом» и сказал, что участвовать в предвыборной президентской кампании — значит «подставлять свою задницу».

Честное слово, американская демократия — не для выпускниц института благородных девиц.

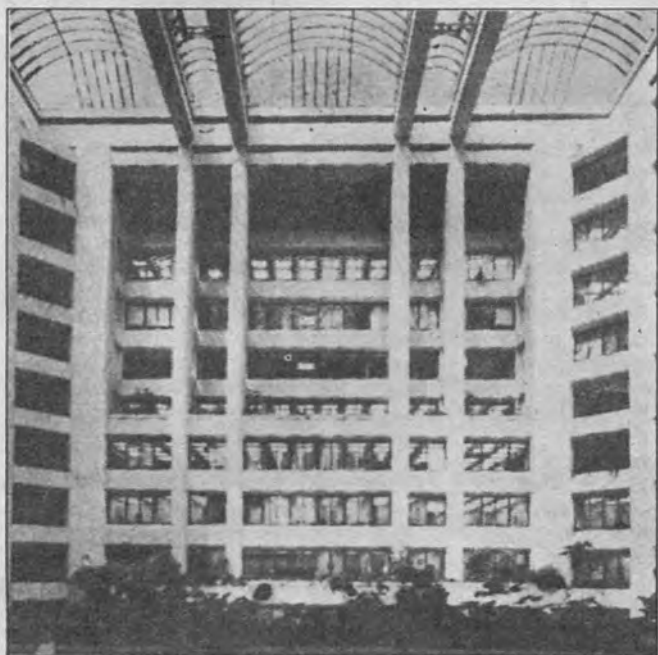
МАНЧЕСТЕР, ШТАТ НЬЮ-ГЭМПШИР

Фото из журналов «Тайм» и «Ньюсуик» (США)

The World Paper

«Пришлите мне денег...»

Международный валютный фонд — столица мира

Однажды один из генералов объяснял Наполеону, почему он не мог вести огонь по противнику: «Во-первых, у нас нет пушек...»

Сегодня генералу первым делом понадобился бы кошелёк. В современном мире не сила оружия, а экономика решает судьбы народов и правительств. Деньги властвуют над миром. Ключевые позиции в руках тех, кто обладает капиталом или имеет к нему доступ.

Именно в этих условиях Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ), две крупнейшие международные финансовые организации, приобрели огромную роль.

Они исследуют состояние финансов в раз-

личных странах. В 1991 году Всемирный банк, который в основном выдает долгосрочные займы, предоставил почти 80 странам кредиты на сумму около 22 миллиардов долларов. Международный валютный фонд контролирует экономическое развитие 156 стран, являющихся его членами, и оказывает финансовую поддержку государствам, испытывающим затруднения с выплатой внешнего долга. В прошлом году МВФ выплатил около 26 миллиардов долларов более чем 50 странам-клиентам.

Однако эти организации обвиняются в том, что они вмешиваются во внутренние дела суверенных государств, ставят превыше всего ориентированные на рынок идеи, выдвинутые «чикагской школой» выдающегося экономиста Милтона Фридмана, выступают в роли сборщиков задолженностей коммерческим банкам и применяют шоковую терапию в ущерб беднейшим слоям населения.

В этом выпуске «Уорлд пейпер» исследует достижения и недостатки в работе этих организаций.

Меньше пушек, больше масла

По мере того как развивающиеся страны выходят из финансового кризиса 80-х годов, акценты в деятельности МВФ и Всемирного банка сместились в сторону борьбы с бедностью, частично за счет снижения военных расходов.

Президент банка Льюис Престон, сорок лет проработавший в империи Дж.П.Моргана, объявил о проведении новой политики на ежегодном заседании МВФ и банка в Бангкоке в октябре прошлого года. Он заявил, что банк будет выдавать кредиты «в зависимости от действий страны, направленных на то, чтобы покончить с бедностью».

Вслед за этим МВФ объявил о том, что будет использовать свои финансовые и политические возможности, чтобы убедить страны, которые нуждаются в займах, вложить деньги, выделенные на военные расходы, в развитие здравоохранения и образования.

«Президент регионального отделения нашего банка недавно совершенно недвусмысленно заявил Пакистану, что ему следует снизить военные расходы и направить эти средства в развитие гражданских отраслей экономики», — сказал официальный представитель банка Джон Митчелл. — Создавая «новый мировой порядок», мы больше не можем позволить себе игнорировать военную политику».

Митчелл сообщил, что повышенное внимание к положению бедных слоев населения объясняется двумя причинами. Частично — это реакция на выдвинутые в 1980-х годах обвинения в том, что банк и МВФ больше интересуются экономической эффективностью, а не социальной справедливостью. Вторая причина — стремление заверить страны «третьего мира», что и о них не забудут при теперешнем массивном оказании помощи Восточной Европе и

бывшему Советскому Союзу.

Новая политика стала возможной, потому что на всех континентах понимают необходимость резкого сокращения бюджетного дефицита и освобождения рыночных отношений. Прежде позиция МВФ по этому вопросу вызывала споры, теперь же имеет место «единодушие» относительно экономической политики. В конце 80-х годов волна реформ прокатилась по странам Латинской Америки, превратив их из «черной дыры», куда уходят все новые и новые займы, в любимцев МВФ и Всемирного банка. Частные банки теперь охотнее предоставляют кредиты Мексике, Аргентине, Венесуэле и Чили, которые вернули себе репутацию надежных клиентов.

Бурно развивающиеся «тигры Азии» — Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Таиланд, Индонезия — с гордостью приводятся как пример приверженности политике финансовых реформ и структурного регулирования. В Африке Марокко всерьез рассматривает вопрос о приватизации и вступает во вторую фазу экономических реформ. Нигерия начинает пересматривать структуру своей задолженности. Даже Индия, один из последних оплотов старого стиля планирования развития экономики, которая долгое время критиковала деятельность МВФ и Всемирного банка, разработала впечатляющую программу реформ, в результате чего ей были предоставлены кредиты на сумму 2,7 миллиарда долларов. В будущем сумма кредитов будет увеличена.

Некоторые правительства планируют проведение более широкомасштабных реформ, чем те, что были предложены. Управляющий МВФ Мишель Камdessus говорит, что его предшественникам приходилось тратить много времени, пытаясь подтолкнуть правитель-

ства к проведению реформ, в то время как он в основном выслушивает уверения в стремлении к переменам.

Банк и МВФ стремились броситься помогать странам Восточной Европы и Содружеству независимых государств, бывшему Советскому Союзу, опровергнув утверждения о том, что эти организации являются неповоротливыми бюрократическими образованиями. Менее чем за три года они кредитовали страны Восточной Европы на сумму более 11 миллиардов долларов. Польше, проводящей самые смелые реформы, были предоставлены 6 миллиардов долларов, несмотря на то что она выполнила не все предложенные условия. Через три месяца после вступления в МВФ в сентябре прошлого года Чехо-Словакия получила 1,8 миллиарда долларов в качестве помощи.

МВФ послал своих специалистов в пять восточноевропейских стран, чтобы помочь в решении

сложных экономических проблем, начиная с организации валютных расчетов и кончая приватизацией государственных отраслей промышленности.

Но ни МВФ, ни банк не ждут быстрых результатов в Восточной Европе. По словам одного официального лица: «Большая часть их энтузиазм — это рвение новообращенных. Помощь будет затруднена тем, что в этих странах нет интеллектуальной традиции отличать хороший совет от плохого. А так как это неисследованная область, в некоторых случаях ошибки допустимы и мы».

Стремительный поворот Восточной Европы от коммунизма к капитализму создаст самое большое поле деятельности для МВФ и Всемирного банка с момента их возникновения. Сферой их влияния останутся также СНГ, Африка и все страны, экономика которых находится в бедственном положении.

Брэд Дурам
ВАШИНГТОН, США

Советует Джеффри Сакс

Джеффри Сакс — редкое явление в академических кругах: он применяет на практике то, что проповедует. Сакс ведет курс по международной торговле в Гарвардском университете и является советником по экономическим вопросам при правительствах нескольких стран в Латинской Америке и Восточной Европе. Один из авторов программы экономических реформ, осуществляющейся в Польше с 1990 года. В настоящее время возглавляет группу экономических советников при президенте России Борисе Ельцине. Сакс помогает налаживать отношения между МВФ и Всемирным банком и правительствами тех стран, где он работает.

— Основываясь на опыте вашей работы в качестве консультанта правительств разных стран — от Боливии до Польши,

как бы вы оценили роль МВФ и Всемирного банка в выходе этих государств из экономической катастрофы?

— Я положительно оцениваю их деятельность, хотя она могла быть более плодотворной. Позиция МВФ — если страна живет не по средствам, ее ждет серьезная экономическая нестабильность — абсолютно верна. Для того чтобы покончить с нестабильностью, приходится обычно принимать меры строжайшей экономии, которые могут вызвать политические затруднения. Помощь МВФ заключается не только в том, что он втолковывает правительствам эту истину, но и оказывает финансовую поддержку тем странам, которые начинают проводить необходимые реформы.

В течение ряда лет МВФ играл значительную роль,

ВИЗА УПРАВЛЯЕТ ЖИЗНЬЮ.

Виза применяется при банковских операциях чаще чем любая другая кредитная карточка в мире.

так как большое число государств испытывали серьезные финансовые затруднения. В прошлом десятилетии 50–60 стран переживали кризис внешней задолженности и были вынуждены обратиться к МВФ за финансовой помощью. МВФ никому не навязывается, государство обращается к фонду потому, что остро нуждается в помощи.

— С окончанием «холодной войны» не становится ли МВФ и Всемирный банк своего рода сверхправительством, которое вмешивается во внутренние дела других стран?

— В последнее время некоторые политики в Польше говорят: «Почему мы должны иметь дело с МВФ на поставленных им условиях? Мы хотим сотрудничать на равных». Сказано красиво, но это иллюзия. Не Польша предоставляет займы МВФ. Польша находится в тяжелой ситуации и нуждается в помощи. Отсюда и то, что можно назвать «неравенством». МВФ не навязывал своих услуг Польше.

Наибольшее отвращение я питаю к яростной популистской риторике, когда, стуча кулаком по столу, заявляют: «Мы не будем иметь дел с МВФ!» Это просто глупо. Эти люди не понимают, что существуют и экономические законы и их надо соблюдать.

— МВФ применяет одну и ту же терапию по отношению ко всем странам?

— Основные экономические законы одинаковы во всем мире. Правительства должны применять их к местным условиям.

— Нельзя отрицать, что в МВФ преобладают богатые страны Северного полушария. Поэтому фонд обвиняют в неокOLONIALИЗМЕ.

— В МВФ в основном представлены страны, предоставляющие кредиты. Это организация, дающая деньги в долг. Политику определяют те, у кого есть деньги. Однако я не стал бы называть это неокOLONIALИЗМОМ. Никто не заставляет обращаться в МВФ. Правительство просит МВФ о помощи, потому что фонд может ее дать.

Но мне приходится воевать с МВФ, если объем международной помощи, предоставляемой той или иной стране, недостаточен. Когда страна действует в правильном направлении, она заслуживает большей поддержки. В таких случаях нужно снизить сумму долга и пересмотреть контракт, с тем чтобы кредитеры приняли на себя часть потерь.

МВФ должен настаивать на том, чтобы правительства смотрели в лицо реальности. Он должен отклонять все проявления популизма. Необходимо, чтобы правительства серьезно подходили к вопросам составления бюджета. Но, когда

Благотворительный банк?

В когда-то элегантно бывшем дворце Ланкастер-хаус, что на Грин-парк в Лондоне, был подписан документ, ознаменовавший конец Британской империи. Теперь в этом обветшалом здании началась новая жизнь — год назад с большой помпой и торжественностью здесь родился Европейский банк реконструкции и развития.

Обращаясь к представителям семи стран Восточной Европы, для которых и был создан банк, президент Франции Франсуа Миттеран сказал: «Без сомнения, вам предстоит трудные времена — а вы уже натерпелись от системы, при которой трудные времена были неизбежны».

Таким проблемным надежды должен стать Европейский банк реконструкции и развития, известный как Европейский банк. У банка три основных направления работы: помощь развивающимся демократиям в Восточной Европе, переход к рыночной экономике, защита окружающей среды в регионе.

Первый президент банка француз Жак Аттали считает свою миссию глобальной: «Мы хотим увеличить размеры континента вдвое, объединив Восток и Запад на принципах свободного рынка и демократии». Но эти высокие слова не разве-

это сделано, МВФ должен помнить, что реакция общества на кризис может быть сложной и часто саморазрушительной. Ситуация может стать слишком серьезной, взрывоопасной. Даже если «хорошее» правительство хочет проводить реформы, оно может оказаться бессильным перед лицом социальных взрывов. МВФ следует осознавать, когда предлагаемые им меры просто слишком болезненны. В этом случае МВФ должен обратиться к остальному миру, к богатым странам и сказать: «Эта страна делает все, что возможно, теперь ваша очередь».

ивают опасений более заземленных банкиров. Им все еще не ясно, какими соображениями — политическими или экономическими — будет руководствоваться Европейский банк.

Аттали несколько раз подчеркнул, что банк — не благотворительная организация, но учреждение, деятельность которого подчинена экономическим оправданным принципам и направлена на получение прибыли. Однако Аттали признал, что Европейский банк «будет действовать в Восточной Европе более решительно, чем частные банки. Нам придется существовать за счет собственных средств, но мы можем позволить себе ждать поступления прибыли дольше, чем частные банки».

Сможет ли банк, чей начальный капитал составляет 10 миллиардов экю (европейская расчетная единица), то есть около 13 миллиардов долларов, обеспечить нужды региона, которому необходимы сотни миллиардов долларов? Удивительно, но основная

проблема, стоящая перед банком, — не нехватка капиталов, а отсутствие реальных проектов, в которые он мог бы вкладывать деньги.

Мы получаем тысячи предложений, говорит один из директоров, но большинство из них несерьезны. Чаще всего они весьма лаконичны: «Пожалуйста, пришлите мне денег, для чего они нужны, я объясню позднее».

Даже и более конкретные предложения не отвечают требованиям рыночной действительности. Так, предлагается, например, построить под морем тоннель, соединяющий Сибирь и Аляску, для «укрепления дружбы между народами».

Есть у Европейского банка и другие проблемы. Жака Аттали не любят журналисты, особенно в Лондоне. Он чужак в банкирском сообществе, интеллигент, говорящий на шести языках и постоянно выдвигающий новые идеи.

Западные банкиры хорошо помнят, что в каче-

INSTITUTE
OF
WORLD AFFAIRS

SUMMER 1992
PROFESSIONAL & EXECUTIVE
DEVELOPMENT SEMINARS

*Diplomacy; International Finance
& Trade; Ethnic Unrest;
Russia & Perestroika*

For further information, call or
write: Institute of World Affairs
375 Twin Lakes Road
Salisbury, CT 06068 USA
Tel: 203-824-5135
Fax: 203-824-7884

стве личного советника Миттерана Аттали в свое время рекомендовал национализировать 35 крупнейших банков Франции и две основные холдинговые компании. Известны и слова Миттерана, сказанные им Аттали: «На самом деле это вы управляете Францией. Я доверяю только вам». Хотя эти слова могут быть только шуткой, влияние Аттали — это фактор, с которым банкиры должны считаться. Сегодня Аттали — сторонник приватизации: меняются времена, меняются люди.

Банк существует еще слишком мало, чтобы можно было объективно оценить его деятельность. Но это обстоятельство не останавливает критиков. Критика эта напоминает критику деятельности МВФ и Всемирного банка. Но обычно это просто популистские лозунги. Опасность для Восточной Европы усугубляется тем, что популистская риторика может оказаться на руку некомпетентным и робким политикам, которые не в состоянии идти на необходимые, хотя и болезненные, меры для улучшения экономической ситуации.

Аттали хорошо понимает ситуацию в Восточной Европе: «При коммунистическом режиме социальное равенство ставилось превыше экономической эффективности. Если новая экономическая система будет руководствоваться только рыночными соображениями, это будет другая крайность».

Служащие любят рассуждать о роли Европейского банка как катализатора исторических процессов. Однако перспективы экономических реформ в Польше, Венгрии и Чехо-Словакии еще не ясны. Аттали склонен к оптимизму. «Бог создал море глубоким и опасным для плавания, но именно в нем отражается небо».

Марек Островски
ЛОНДОН,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Что позволено Юпитеру...

Впервые в истории существования МВФ и Всемирного банка управляющий МВФ Мишель Камdessus признал, что эти организации не уделяют достаточного внимания бедным.

Предполагается, что МВФ и Всемирный банк должны помогать именно бедным странам (это 80 процентов населения земли, производящего только 26 процентов мирового валового внутреннего продукта). Этот регион, включающий Латинскую Америку, Африку и значительную часть Азии, фактически является «феодалным владением» этих двух организаций. Крах коммунизма в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы выявил, что их население тоже может быть причислено к классу неимущих. И в каждом регионе деятельность МВФ и банка способствовала, столь и мешала экономическому развитию.

Проблема Латинской Америки проста. При высоком уровне роста населения (свыше 2 процентов в год) и еще более высоком уровне роста рабочей силы (около 3 процентов в год), для того чтобы экономика успешно развивалась и поднимался жизненный уровень, валовой внутреннего продукт должен расти более чем на 3 процента в год, а еще лучше на 4 процента.

Для достижения этих целей необходимы капиталовложения в новые предприятия. К сожалению, приток иностранного капитала резко сократился в 80-е годы, а формирование местного капитала затруднено тем, что последнее время деньги переводились в обратном направлении: из стран Латинской Америки в США в качестве выплаты процентов по займам. Иными словами, иностранные вложения сни-

зились, а вывоз капиталов за границу возрос.

МВФ предложил латиноамериканским странам стандартное решение: резкое сокращение расходов, ударные программы по борьбе с инфляцией, радикальное снижение расходов на социальное обеспечение. Все эти меры снижают жизненный уровень трудящихся и бедных слоев населения. МВФ слишком настаивал на дальнейшей девальвации национальных валют в странах с неустойчивой экономикой, не способной давать быстрые результаты.

Предложенный МВФ правительствам стран Восточной Европы переход к рыночной экономике одним скачком тоже оказался опротивительным шагом. Шоковая терапия в Польше привела к массовой безработице и резкому повышению цен, что поставило в тяжелое положение людей с фиксированными доходами. Первой жертвой этой экономической стратегии стал бывший премьер-министр Польши Тадеуш Мазовецкий, второй — бывший премьер-министр Румынии Петре Роман, правительство которого было вынуждено уйти в отставку из-за шахтерских волнений.

Африка переживает самый тяжелый кризис. Общий валовой национальный продукт снизился с 200 миллиардов долларов в 1980 году до 140 миллиардов долларов в 1990-м. Вследствие этого устрашающих размеров достигли недоедание и детская смертность, были резко сокращены расходы на образование и здравоохранение. Расходы на выплаты долга возросли с 4 процентов валового внутреннего продукта в 1982 году до 8 процентов в 1990-м. Но эти цифры не отражают истинного со-

стояния задолженности стран континента.

Если бы африканским странам пришлось выплатить все, что они обязаны были выплатить в 1990 году, эти выплаты поглотили бы 15 процентов валового внутреннего продукта и почти 60 процентов доходов от экспорта. С 1986 по 1990 год МВФ выкачал из беднейших стран Южной Сахары более 3 миллиардов долларов.

В докладе, посвященном ситуации в сельском хозяйстве Индии, сделанном Всемирным банком, правительству предлагается прекратить субсидирование фермеров. Утверждалось, что благодаря субсидиям богачи в городах покупают дешевые продукты. Ну а городские бедняки? Они что, предпочитают, чтобы продукты были дороже?

Прекращение государственного субсидирования производства сельскохозяйственной продукции стало основной рекомендацией, предложенной правительствам стран Восточной Европы. Как легко было предугадать, это привело к резкому увеличению цен на продукты. Между тем в странах Западной Европы на государственные субсидии сельскому хозяйству затрачивается ежегодно до 100 миллиардов долларов. Как говорили древние римляне, что позволено Юпитеру, не позволено быку.

На прошлогодней встрече в Бангкоке в качестве условия получения финансовой помощи упор делался на демократизацию. Однако демократизация на национальном уровне недостаточно, так как для мира в целом характерно вопиющее экономическое неравенство. Будем надеяться, что за заявлением управляющего МВФ о готовности помогать бедным последует критическая переоценка деятельности двух крупнейших международных финансовых организаций.

Сильвиу Брукан
БУХАРЕСТ,
РУМАНИЯ

Штурм Европы

Юрий Каграманов

Ожидания массовой эмиграции из бывшего СССР не оправдались. Пока...

Предположения о масштабах выезда в ближайшее время от десяти до двадцати миллионов человек оказались нереальны. По оценке экспертов бывшего министерства экономики Союза, более вероятно, что ежегодная эмиграция составит 1–1,5 миллиона человек. Но из них значительная часть вынуждена будет вернуться не солоно хлебавши, не найдя за рубежом ни постоянной, ни хотя бы временной или сезонной работы. Так обстоят дела сейчас.

Ну а если попытаться заглянуть вперед? В этом случае необходимо рассматривать не только ситуацию в экономике, но и демографическую перспективу в тех регионах, куда устремится основной поток эмигрантов, — в Западной Европе и Северной Америке.

И немецкий язык станет мертвым...

В большинстве западноевропейских стран уровень рождаемости давно и прочно опустился ниже того предела, который необходим для простого воспроизводства населения. Не лучше обстоит дело с этносами европейского происхождения в США и Канаде. В некоторых же странах, особенно в Германии, сокращение населения может принять катастрофический характер. Одновременно растет доля пожилого, то есть нетрудоспособного населения. А так как экономика развивается по своим законам и требует пополнения рабочих рук, то увеличение иммигрантов неизбежно. Кто же будут эти иммигранты?

В Германии и Франции, где сейчас наибольшее количество иностранных рабочих, преобладают выходцы из неевропейских, в основном мусульманских стран. Если для Германии феномен привлечения иностранных рабочих в нынешних масштабах относительно нов, то во Франции иммигранты с 20-х годов составляют значительный процент населения. Сначала это были в основном европейцы: итальянцы, русские, поляки. Как правило, они довольно легко ассимилировались если не в первом поколении, то

в следующем; их дети, выросшие во Франции, практически уже не выделялись в массе коренного населения. Нынешние иммигранты-неевропейцы если ассимилируются, то трудно. Местное население не слишком охотно принимает их в свою среду; с другой стороны, и сами иммигранты не стремятся к сближению, предпочитая сохранять свои этнические и религиозные особенности. В итоге растут инородческие и иноверческие анклавы, ставшие привычной частью западноевропейского ландшафта.

Пока они еще невелики. А что будет дальше? По некоторым оценкам, к 2020 году в Германии число немцев сократится — если радикально не изменится динамика рождаемости — почти вдвое, а доля выходцев из мусульманских стран может составить 30 процентов всего населения. Если

1991 год. Албанские беженцы на итальянской границе

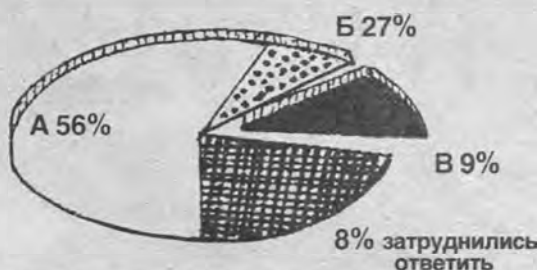
По данным Службы изучения общественного мнения VP (Vox populi)
Руководитель — профессор Борис Грушин

За державу обидно, но ехать надо

Как следует решать проблему отъезда советских граждан за рубеж: (А) нужно предоставить всем полную свободу действий, (Б) ограничить отъезд для некоторых категорий людей, например квалифицированных работников, или (В) никому не предоставлять такой возможности (в процентах к общему числу опрошенных)?

Приведенные результаты — серьезное свидетельство изменений в сознании людей, происшедших за годы перестройки. К тому же они показывают масштабы нерешенных задач, связанных с движением страны к цивилизованному, гражданскому обществу. Позиция Б явно отражает не только обывательское «держать и не пущать», но и вполне понятную тревогу граждан, что из-за утечки мозгов и рук скудеет держава.

Чаше других за полное запрещение отъезда за границу вы-

ступают колхозники (15 процентов от их числа) и пенсионеры (17), а за полную свободу передвижения — люди с высшим образованием (72) и в возрасте до 24 лет (77), особенно учащиеся (84), а также работники учреждений науки и культуры (69) и кооператоры (77).

Насколько велика реальная угроза исхода, о которой так много говорится в последнее время у нас и за рубежом? Другой вопрос проведенного исследования: «Как вы относитесь к возможности отъезда за границу как способу устроить свою жизнь?», обращенный исключительно к молодым людям до 30 лет, дал следующие результаты: 9 процентов заявили о том, что они хотели бы этого и будут этого добиваться, 36 — что это было бы хорошо, но они видят множество проблем и потому не будут этим заниматься, и 52 процента — что они полностью исключают для себя эту возможность (при 3 процентах затруднившихся ответить).

**Всероссийский опрос общественного мнения.
Осень 1991 г. Опрошено 2000 человек.**

этот прогноз верен, то в XXII веке немецкий язык станет мертвым, а мечетей на родине Фридриха Барбароссы окажется больше, чем христианских храмов. Схожая картина сложится и во Франции. От континентальных соседей Англия будет отличаться только тем, что инду-

истских храмов окажется больше, чем мечетей.

Эти прогнозы были основаны на ситуации, сложившейся в 1985—1988 годах. Намечающаяся эмиграция из СНГ способна все перечеркнуть. Русские, украинцы и белорусы вполне могут стать более желанными иммигрантами в Западной Европе. Они ближе (по сравнению с выходцами из мусульманских стран) к западным европейцам в расовом и историко-культурном отношении, легче ассимилируются.

В США положение несколько иное: там существуют крупные и постоянно растущие этнические меньшинства, прочно инкорпорированные в систему, и поэтому нет препятствий для дальнейшего увеличения их удельного веса.

Правда, сейчас на Западе складывается определенное предубеждение против наших соотечественников, увы, имеющее основание: нынешние русские уже не те, что были выброшены за рубеж революцией 17-го года. Да что там русские, если в

Германии, например, даже на советских немцев, выдающих себя произношением, смотрят косо! Так обстоят дела сегодня — пока Европа еще не ощущает по-настоящему нехватки рабочих рук. Но пройдет, быть может, каких-то десять лет, и европейцы столкнутся с дилеммой: либо свертывать производство, либо стать покладистее в отношении иностранных рабочих. Более вероятно, что они выберут второе. И почти наверняка предпочтут выходцам из мусульманских стран русским.

Пожалеем своих гугенотов

Эмиграция из бывшего СССР из скромного ручейка может превратиться в «девятый вал» при следующих условиях.

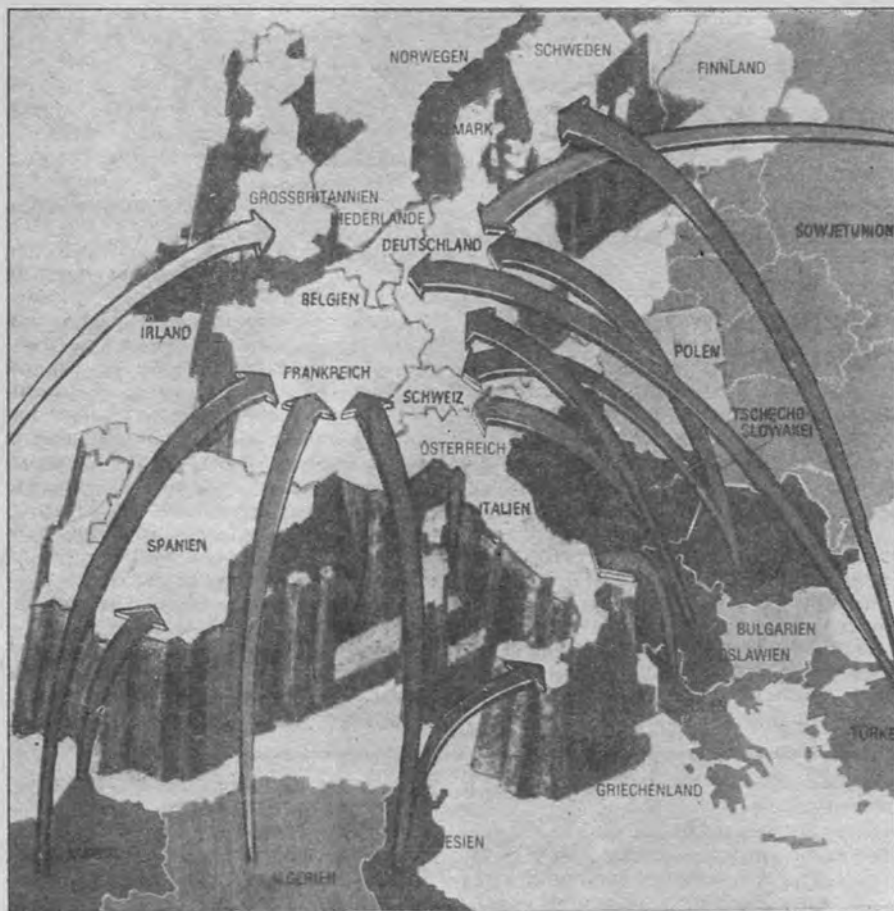
Первое: если в Западной Европе не произойдет решительных изменений в динамике рождаемости. Впрочем, даже если этот перелом, абсолютно необходимый для выживания западноевропейских наций, произойдет, все равно нехватка рабочей силы будет ощущаться еще в течение нескольких десятилетий.

Второе условие: продолжение роста производства и сохранение на высоком уровне спроса на рабочие руки. По крайней мере на ближайшие годы нет оснований усомниться ни в том ни в другом.

Третье условие: материальная необеспеченность или неспособность реализовать свои возможности (или то и другое вместе) будут выталкивать за пределы нашей страны все новых и новых работников. Все зависит от того, как скоро удастся по-

Фото из журнала Штерн (Германия)

◆ Так гамбургский еженедельник «Штерн» изобразил поток эмигрантов в развитые страны Европы. В Великобритании только легально проживает 2,6 миллиона иностранцев (индийцы, выходцы из стран Карибского бассейна, пакистанцы), в Нидерландах — 880 тысяч (турки, суринамцы, марокканцы), в Бельгии — 900 тысяч (итальянцы, марокканцы, турки), во Франции — 3,6 миллиона (португальцы, алжирцы, марокканцы), в Испании — 408 тысяч (марокканцы, алжирцы, тунисцы), в Италии — 780 тысяч (марокканцы, американцы, немцы), в Австрии — 482 тысячи (югославы, турки), в Германии — 5,4 миллиона (турки, югославы, итальянцы), в Швеции — 456 тысяч (финны, югославы, иранцы), в Дании — 160 тысяч (турки, норвежцы, британцы)

Новое великое переселение?

Вероятно, эмиграция «насовсем» сравнительно безболезненно воспринимается тогда, когда страну покидает излишек населения. Но это не наш случай. Ибо демографическая ситуация в России (даже если не считать последние два-три кризисных года) не такова, чтобы «разбрасываться» людьми. Если страну будут покидать миллионы и миллионы, она оголится настолько, что, в свою очередь, сделается объектом массовой иммиграции из азиатских стран. Не станем ли мы тогда свидетелями нового великого переселения народов с востока на запад, только на сей раз «тихого»?

Особенно тяжелые последствия может иметь «утечка мозгов». Будущее России, ее международный вес в огромной степени зависят от способностей наших людей к инновациям в научно-технической сфере.

Но не запереть же опять границу на замок! Хочется надеяться, что прежние представления о «патриотизме», когда отечество рисовалось тюрьмой, из которой если удастся выбраться, то лишь ценою отлучения от своего народа, навсегда ушло в прошлое. Но как компенсировать отток населения? Стимулированием рождаемости? Плотность населения даже в европейской части России по нынешним меркам весьма невелика; толчея, которую мы наблюдаем на том или ином «пятячке», — результат запустения, охватившего огромные районы России, особенно на севере и в центре европейской части.

Люди снимаются с места или, наоборот, остаются на прежнем месте, руководствуясь не только материальными соображениями; на их выбор могут оказать решающее влияние чувство собственных «корней», удерживающее на родном берегу, захваченность «рекою истории», желание попасть в самую ее стремнину и так далее, всего не перечислишь. Сегодня наша страна представляется ее сыновьям и дочерям неласковой матерью, обиженным Богом краем, куда не доходят лучи солнца, столь щедрого к другим. Но кто может сказать, что будет завтра?

ставить на ноги собственную экономику. Но даже если у нас произойдет свое «экономическое чудо», все равно разрыв в уровне доходов населения между странами СНГ и Западной Европой какое-то время будет сохраняться, а значит, найдется немало людей, которые предпочтут более высокие заработки.

При этих условиях вполне возможно, что за два-три десятилетия в Германии, Франции, а то и в Англии образуются многомиллионные русские колонии. В других европейских странах они будут поменьше.

Временная эмиграция, вероятно, принесет стране пользу. Она станет своеобразным клапаном, способным выпустить недовольство населения: безработные и неустроенные могут попытаться счастья в чужих краях. И те, кто найдет себе работу и через какое-то время вернется на родину, привезут с собой помимо денег не только ноу-хау, но и просто житейский опыт, который может оказаться не менее полезным.

Другое дело — выезд за границу на постоянное жительство. Здесь мы столкнемся с очень непростой проблемой. Например, французы до сих пор сожалеют о том, что в XVII веке из страны были высланы около 100 тысяч гугенотов, в основном искусных ремесленников. Но есть и другой пример: Ирландия. Ее население сейчас — около 4 миллио-

нов человек. От 40 до 50 миллионов ирландцев и их потомков проживают за пределами страны, и вроде бы в Ирландии по этому поводу особенно не тужат.

Что снится в очереди у германского посольства в Москве? Фото К. Исаков

Олимпиада: игры под честное слово

Большой спорт — это большая экономика. И наши победы в Альбервиле — из разряда чудес

В Альбервиле мы должны были как никогда близко принять к сердцу олимпийский девиз барона де Кубертена «Главное — не победа, а участие», до этого считавшийся уделом слабо развитых в спортивном отношении стран. Ведь сам факт участия команды СНГ в зимней Олимпиаде долгое время был под сомнением.

Во-первых, не было средств, а во-вторых — команды.

Одни новоиспеченные государства рвались выступить на Играх под своим флагом, еще не получив официального признания в Международном олимпийском комитете. В члены олимпийской семьи из бывших республик бывшего Союза полноправными членами вошли пока лишь олимпийские комитеты стран Балтии, причем процедура эта была безболезненной ввиду формального восстановления национальных комитетов Литвы, Латвии и Эстонии в своих правах.

Другие не хотели посылать своих представителей вообще. И президенту МОК, бывшему послу Испании в СССР, Хуану Антонио Самаранчу пришлось проявить все свое дипломатическое искусство, чтобы в Играх участвовала объединенная команда СНГ. С суверенных спортивных руководителей взяли слово, что до конца 1992 года во всех крупных турнирах они тоже будут выступать единой сборной. Мы, как водится, слово такое дали, но, даже не доехав до Альбервиля, попытались взять его обратно. Так, Украина заявила, что вовсе не прочь выставить на летних Олимпийских играх в Барселоне собственную команду...

За считанные дни до Альбервиля ситуация была почти безвыходная и совершенно безденежная. До тех пор, пока на выручку не пришел «Адидас», оплативший сразу обе поездки — зимнюю и летнюю. Обошлось это фирме в 850 тысяч долларов, что может быть признано весьма успешной рекламной операцией, ибо нынче немецкая фирма стремительно теряет на мировом спортивном рынке свои некогда передовые позиции.

И чиновников наших в принципе можно было бы поздравить с такой сделкой, если не знать, что искомая сумма составляет годовой доход одного-двух преуспевающих спортсменов мирового класса, таких, например, как Сергей Бубка или Андрей Черкасов. И если два спортсмена в состоянии столько заработать, то отчего же не смогло изыскать эти доллары целое спортивное ведомство? Ведь даже одежде олимпийцам оно оказалось не в состоянии купить — пришлось нашим спортсменам надеть экспериментальные костюмы

Сборная СНГ: без флага, гимна и болельщиков
Фото из газеты «Файнэншл таймс» (Великобритания)

югославской фирмы «Гоме», которые не вызвали восторга ни у самих спортсменов, ни у зрителей.

Каждому из наших потенциальных олимпийских чемпионов было обещано по 3 тысячи долларов (второй призер получал две, третий — тысячу «зеленых»). Для сравнения скажу, что, например, французы места своих спортсменов на пьедестале оценивали соответственно в 46300, 22220 и 15000 долларов, а немцы — 9400, 6300 и 4700.

Но даже и за «зеленые» спортсменам бывшего Союза трудно было тягаться силами с соперниками. Ведь основные базы подготовки наших «зимников» расположены на Кавказе и в Прибалтике. Кто ж сунется в Бакуриани или Цахкадзор, в прифронтовую полосу, готовиться к спортивным сражениям? А за границу — в Сигулду — теперь пускают только за валюту.

Долго обсуждали, какой же флаг поднимать в честь побед посланцев СНГ и какой гимн при этом будет

звучать. Решили спрятаться за олимпийской символикой.

Странной командой смотрелись наши олимпийцы — без флага, без гимна и без болельщиков. Толпы итальянцев, швейцарцев, австрийцев, шведов, норвежцев, испанцев осаждали снежные склоны, соря на них франками, лирами, марками, кронами, — организаторы Игр так пока и не подсчитали, сколько миллионов они выручили от одной только продажи билетов, — не говоря уже о французах, превратившихся на две олимпийские недели в самую спортивную нацию земного шара. И только русской речи, кроме тренерских «давай, давай», почти не было слышно. Чему удивляться — билет до Парижа и обратно тянет сегодня почти на пятьдесят тысяч рублей. Раньше хоть какие-то туристические группы на соревнования такого ранга у нас худо-бедно формировали. Сейчас за наших бедных болельщиков сердобольные чужие богатые.

С сытой ли Германией нам сегодня тягаться? К тому же — объединенной. Когда к корифеям циклических видов спорта из ГДР добавились короли технических из ФРГ, то конкурировать с такой командой стало невероятно сложно. А возьмите норвежцев, у которых в стране сейчас, в преддверии Олимпиады-94 в Лиллехаммере, общенациональный спортивный бум. Или — французов, к которым, как к хозяевам, традиционно благоволили судьи во всех видах спорта, где от них хоть что-то зависело. На подготовку отдельного спортсмена каждой из этих

стран было затрачено средств больше, чем на всю нашу команду в целом. Но мы их, норвежцев с французами, все ж-таки опередили — пусть и не с тем разрывом, какой привыкли иметь на прошлых Олимпиадах.

Балтийцы были непомерно счастливы уже тем, что выступали на этих Играх под собственными флагами. Гимнов, правда, им услышать не пришлось — шестое место эстонского двоеборца Леванди оказалось самым близким к пьедесталу на три прибалтийские страны.

Олимпийские достижения лыжниц Любови Егоровой и Елены Вяльбе, биатлонистов Анфисы Резцовой и Евгения Редькина, фигуристов Натальи Мишуктенок, Марины Климовой, Артура Дмитриева, Сергея Пономаренко, Виктора Петренко нужно при нашей ситуации признать чудом. Сейчас большой спорт — это большая экономика, большая индустрия, и мы с нашей ничтожной побеждаем уже не столько по логике, сколько вопреки ей.

Сергей Микулик

Новониколаевск — центр
Российского
государства
начала века.
Деловой центр России
сегодня —

INTERNATIONAL ELECTROTECHNICAL

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКАЯ ТОВАРНО-ФОНДОВАЯ БИРЖА в НОВОСИБИРСКЕ.

Первая в стране биржа
энергетического профиля
располагает неисчерпаемым
научным и производственным
потенциалом СИБИРИ,
находится на перекрестке
экономических и торговых путей
РОССИИ

Наш адрес: 630004, Новосибирск, Красный проспект, 67-а.

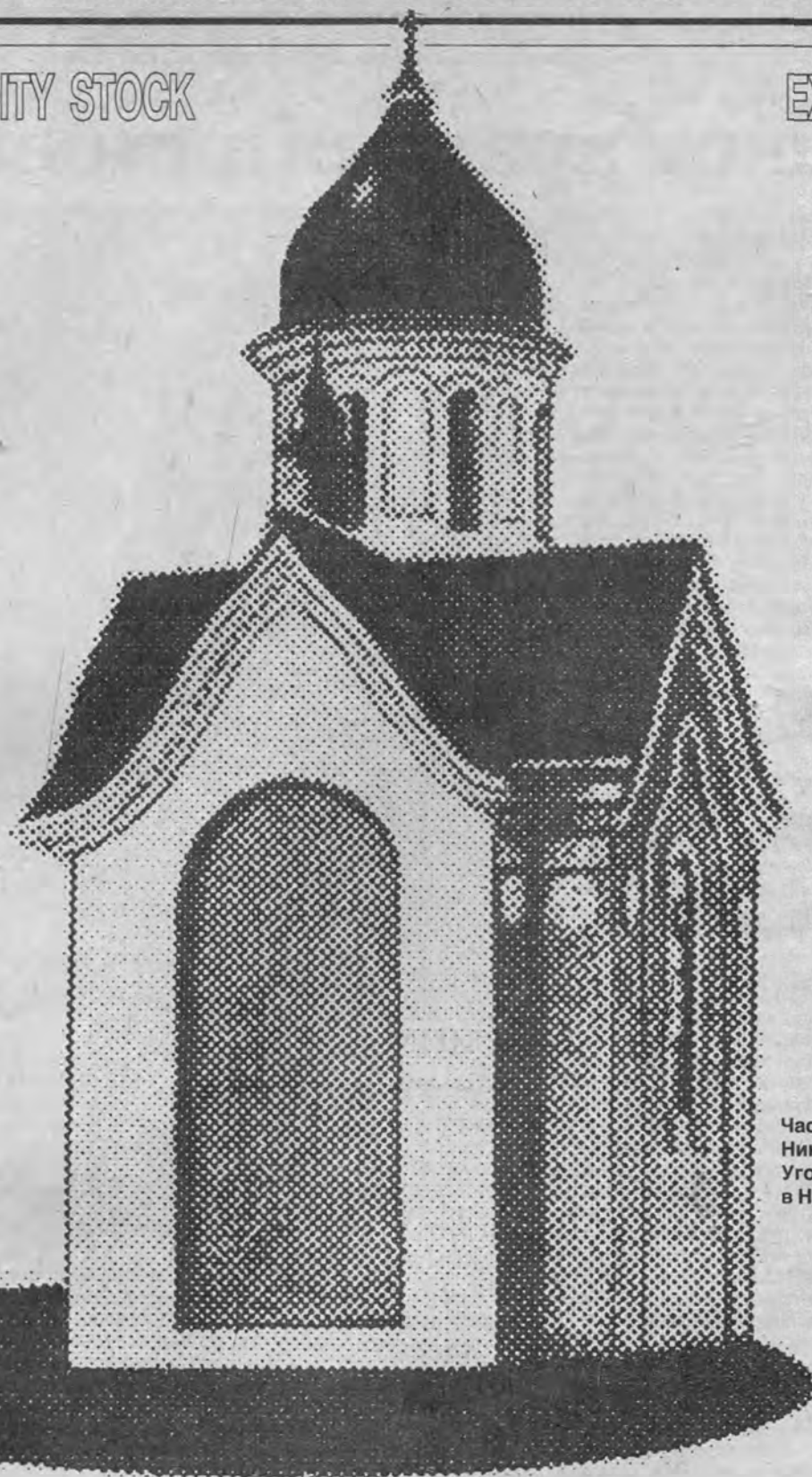
Телефоны: (383-2) 22-25-45, 22-78-14.

Факс: (383-2) 21-50-54.

НАША ЭНЕРГИЯ—

COMMODITY STOCK

EXCHANGE

Часовня
Николая
Угодника
в Новониколаевске

ВАШИ ДОХОДЫ!

AVIS

Слишком красная для белых,

Инна Руденко,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Цветаева и Прага. Всего три года жизни (недавно в одном серьезном журнале прочла, что из России Цветаева сразу попала в Париж, до того мимолетным может показаться подобный срок) — и несмолкаемый поток любовных признаний к этому городу, этой стране. «Прага! Прага! Никогда не рвалась из нее и всегда в нее рвусь». А ведь путешествовала по Германии, Италии, была в Бельгии, Англии. Семь лет прожила в Париже, наконец. Но — «о Праге думаю с нежностью, мой любимый город после Москвы». Она и приехала сюда после Москвы, и, значит, здесь началась чужбина, изгнание, иссушающая тоска. Характерны первые стихи, записанные в чешскую тетрадь. «Севилла: выпита, Севилла: сушь. Все жилы высохли...» Да, конечно, встретила здесь после четырехлетней разлуки Сергея Эфрона, мужа, пережила чувства, вылившиеся в вершинные ее «Поэму Горы» и «Поэму Конца», родила Мура, сына, — но «мечтаю о встрече на Муриной родине, к-ая мне роднее своей»?!

Семнадцать лет — с правом переписки

Уже стояла я подолгу, как и она, на Карловом мосту, разглядывала ее любимого рыцаря, на которого Цветаева считала себя похожей, поднималась на вершину Петршина холма, ее Горы, ездил в предместья Праги, в эту маленькую и сегодня деревушку с отнюдь не поэтическим названием Мокропсы, и во Вшеноры — городок в ущелье, где она жила, по собственному признанию, «в копоты, грязи, сырости, мерзости». Откуда ж это: «Какая я тогда была счастливая! А самый счастливый период моей жизни это — Мокропсы и Вшеноры, и еще — та моя родная гора». Да были б хоть горы похожи на Коктебелские иззубренные вершины, так идущие к ее мятежной натуре! А то ведь невысоки, мягки, округлы. Она, Цветаева, — озноб, лихорадка, пожар, ураган, обвал, а тут и в природе ничего чрезмерного. И это ведь именно тут, в Чехии, вырвался ее знаменитый исступленный стих-крик: «Что ж мне делать... С этой безмерностью в мире мер?»

И вот сижу в Славянской библиотеке, читаю книгу Цветаевой. Не стихи, не проза — письма. К одному адресату. И около двухсот страниц, 135 посланий. Первое датировано 15 ноября 1922 года с обращением «милостивая государыня», последнее — 12 июня 1939 года — «дорогая Анна Антоновна». Мы знаем, как часто

Марина Цветаева:
«Прага! Прага!
Никогда
не рвалась из нее
и всегда
в нее рвусь»

**«Здесь я не
нужна. Там я
невозможна».**

**Здесь —
это Прага.
Там —
это Россия**

рвались дружеские связи Цветаевой — не многие выдерживали ее максимализм. А тут наиболее длительная из всех ее дружб. Рекорд ее эпистолярной биографии — семнадцать лет переписки!

Адресат — Анна Тескова. Имя это часто встречается в трудах специалистов, письма Цветаевой к ней обильно цитируются, и все же, судя по всему, не все даже специалисты знают хорошо, кто она, Анна Тескова. Что же тогда сказать о широком читателе? Ведь письма чешскому другу — документы потрясающей силы, драгоценнейшие свидетельства жизни и творчества одного из величайших поэтов современности — у нас только-только изданы, и мизерным тиражом.

Пособие от Масарика

А здесь, в Чехо-Словакии, изданы еще в 1969 году. Это заслуга двух человек, чьи предисловия книге предпосланы: Зденека Матгаузера, профессора Карлова университета, известного слависта, и Вадима

И слишком белая для красных

А муж ее Сергей Эфрон, которого всегда обвиняли в том, что он был агентом НКВД, рвался в Москву

Морковина, литератора, историка литературы. Морковин был знаком с Цветаевой, потом тщательно собирал материалы о ней, и это именно ему Анна Тескова передала свой семейный архив, где бережно хранились письма поэтессы.

Морковина уже нет, но профессор Матгаузер любезно предоставил мне две его рукописи, в которых содержатся биографические данные об Анне Тесковой. О семье чешских предпринимателей среднего достатка, но с широкими культурными традициями — в доме любил бывать Ян Неруда, и не только он. О связях с Россией — девочкой с родителями Анна жила в Москве. О любви к русской литературе — Тескова переводила на чешский Тол-

стого, Достоевского, Соловьева, Паустовского. О собственном ее творчестве — писала стихи под псевдонимом Аким Сет, очерки, воспоминания. О ее деятельности на посту председателя «Русско-чешской едноты» — кружки, лекции, концерты, выставки, литературные вечера. На один из таких вечеров Тескова пригласила Цветаеву, только что приехавшую в Прагу, — так они познакомились. Но лучше, чем из любой биографии, мне кажется, Анна Тескова встает из писем к ней Марины Цветаевой.

Ей — «несмолкаемые просьбы», как в одном из писем выразилась сама поэтесса. «...Ради Бога, чтобы только не прекратилось в 1930 г. чешское

существование! Тогда мы совсем пропали». Правительство Масарика давало русским эмигрантам, вытолкнутым сюда революцией, пособие. На него да на жалкую студенческую стипендию Эфрона семья Цветаевой и жила здесь. Это я знала. Но, оказывается, и во Францию еще годы шло ей это пособие! Стараниями чешского друга. «...Не найдется ли у кого-нибудь в вашем окружении простого стирающего платя? Я всю зиму жила в одном, шерстяном, уже расползшемся по швам... Купить и шить сейчас безнадежно...» — читаю я в другом письме. Зная гордый нрав Цветаевой, подивимся не только нужде, в которой жила, — человеку, к которому могла обратиться с подобной просьбой. «Спасибо за башмачки для Мура» — и рядом другая благодарность: «Перевод моего Рильке на чешский, — его второй родной язык — для меня огромная радость (N.B. Меня (прозу) еще никто никогда ни на какой язык не переводил. Вы — первая)».

И все же главное цветаевское — и наше — спасибо Анне Тесковой за иное.

Вот Цветаева рассказывает Тесковой такой эпизод. После доклада Керенского о гибели царской семьи Цветаева подходит к нему «с одним чисто фактическим вопросом», и он ей: «— Пишите, пишите нам!! (Изумленно гляжу. Он, не замечая изумления, категорически): — Только не стихи. И не прозу. Я: — Так — что же?? — Общественное. Я: — Тогда вы пишите — поэмы!»

Левая по форме, правая по содержанию

Поражает не мгновенная резкость ответа — такой она чаще всего и представляла перед людьми, защищая глубинное и очень раннее «я». Поражает то обнажение себя, которым до краев, — нет, через край, — наполнены письма Цветаевой к Тесковой. И в первую очередь — страданием от непонимания. И в Праге, и в Париже, и близкие, и далекие, и правые, и левые требовали от нее «общественного», понимаемого ситуационно, мелко, плоско. «Сколько в мире несправедливостей и преступлений совершалось во имя этого сейчас: часа сего!» «Вот я полгода писала Перекоп (поэму гражданской войны), никто не берет, правым — лева по форме, левым — права по содержанию». Это идеологическое деление отделяло Цветаеву — неделимую — от людей. «А от русских, — пишет она в другом письме, — я отделена — своими стихами, которые никто не понимает, своим своемыслием, которое одними принимается за большевизм, другими — за монархизм или анархизм».

Это написано, согласитесь, с убеждением, что адресат-то понимает такое своемыслие. И то был редкий случай. «Меня в Париже, за редкими, личными исключениями, не видят, пишут всякие гадости, всячески обходят и т.д.». «Пресса (газеты) сделала свое. Участие в «Вестах», муж евразиец, и, вот в итоге, у меня комсомольские стихи, и я на содержании у большевиков». Эта болезнь поэта, не поэта прикреплять к какому-нибудь крылу — прикреплять его крыло — судя и по нынешним наблюдениям, неизлечима... Хотя настоящих людей крылья уносят в такую высь, где белые и красные — неразличимы.

Впрочем, у Цветаевой был орлиный взор. Она различала — просто не желала прикрепляться. Общеизвестно, как она любила Россию. Там, во Вшенорах, стоя на маленькой станции, — убегала вдаль влажная от утреннего тумана узкоко-

лейка — так ясно представилось, как однажды ранним утром, проводив Сергея в Прагу, Марина стояла тут, смотрела на рельсы и — «Покамест день не встал С его страстями сраженными Из сырости и шпал Россию восстанавливаю».

Но русских узкоколейщиков она не любила всегда. В каком-то из писем Анна Тескова, судя по цветаевскому ответу, рассказала ей о своих русских соседях, замкнувшихся в своей русскости, не любящих, не желающих понять «заграницу». Цветаева мгновенно отозвалась: «Ваши соседи-патриоты не только за границы, но и своей patria не знают, разве что казачий хор по граммофону и несколько мелких рассказов Чехова». Ибо Россия «любит все, ничего не боится любить. Это-то и есть Россия: безмерность и бесстрашие любви».

«Политически близорука»?

Но не стоило бы все же, как это делают некоторые пишущие о Цветаевой, из ее любви к России выводить если не любовь, то огромную терпимость к России советской. Я держу в руках книгу, никогда не намеревающуюся такой стать и потому являющуюся особо драгоценным свидетельством, — и в этой книге от страницы к странице нарастает тревога из-за сначала возможного, потом готовящегося и, наконец, свершающегося отъезда — на последнем письме пометка: «в еще не отошедшем поезде».

Это тревога за мужа: «С.Я. совсем ушел в Советскую Россию, ничего другого не видит...» Тут я оборву цитату, как это сделано в одной из книг о Цветаевой (вышедшей два года назад!) — получается то, что и хотел ее автор, — чуть ли не любованием таким человеком. А теперь цитату из письма Тесковой продолжим: «...а в ней (Советской России. — И.Р.) видит только то, что хочет». Получается нечто иное, не правда ли? Это тревога за сына, который разрывается «между моим гуманизмом и почти что фанатизмом — отца и которого там, в Союзе, у нее отнимут: «пионерство, бригадирство, детское судопроизводство...» И, конечно, тревога за свои стихи, за свою свободу: «Я, не умеющая не — ответить, я, не могущая подписать приветственный адрес великому Сталину, ибо не я назвала его великим...» Что будет делать там такое «я»? И, наконец, именно в письме к Тесковой рождается безнадежный вывод-формула: «Здесь я не нужна. Там я невозможна».

Все Цветаева видела — вопреки

тем, кто и поныне пишет, что она была «политически близорука». Разбиралась, разбиралась она и в политике, вопреки утверждению, что была «политически аморфна». Ничей голос не прозвучал так гневно и громко, как цветаевский в защиту Чехии, когда ее предали в Мюнхене, когда ее оккупировал враг. И так знаменательно, что тридцать лет спустя, когда началась новая оккупация, цветаевские строки из цикла «Стихи к Чехии» обрели второе дыхание в плакате, в газете, в умах людей: «Отольется — чешский дождь, Пражская обида».

Но — «скучны мне ... политики», читаю в одном из писем Тесковой. Когда они нам-то наскучат? И в другом: «...Что мне до них?» «Белым был — красным стал, Кровь обогрела. Красным был — белым стал, Смерть побелила».

Слишком красная для белых, слишком белая для красных (определение Ефима Эткинда) — такой встает Цветаева из писем к Тесковой. А ей, Тесковой, была в пору, в самый раз.

Другая жизнь не получилась

«Есть вещи дороже следующего дня страны, даже России. И дня и страны. Это ценности первого порядка. Но есть порядок — над первым», — писала Цветаева в одном из писем в Прагу и знала, что ее поймут. Символом «над первых» ценностей у Цветаевой выступали не только ее Гора, небо, лазурь. Однажды Тескова прислала ей открытку, на которой были деревья. Цветаева, жившая тогда у моря, обрадовалась этому посланию-знаку. «Дерева... люблю больше всего на свете». «У моря я в гостях... В лесу я дома...» Что делать у моря в море? «Плывать? Не люблю горизонтального положения. Я люблю вертикаль».

Не по горизонтали, нет, судя по письмам Цветаевой, жила и Тескова. Ей было пятьдесят, Цветаевой тридцать, когда они познакомились.

Одна была из безмерной России, другая жила в мире мер. Гений — и скромный дар. Но было нечто, что стирало все и всяческие различия — понимание «над первых» ценностей. «Вы из того мира, где только душа весит». Таков, думается, жизненный подстрочник того факта, что именно ей, Тесковой, — «чешскому другу» — посвящен цветаевский стихотворный цикл «Дерева». «У меня с вами покой и подъем (покой без подъема — скука. Подъем без покоя — тоска)». Такая тоска — спустя всего два года после прервавшейся из-за отъезда в СССР переписки! — и накинута ей петлю на шею в

Елабуге. Оттуда, из Елабуги, лучше понимается, как пророчески, провидчески, предупреждающе звучит ее письмо-крик Тесковой: «Еще раз повторяю вам: живи я с вами (хотя бы в одном городе, хотя бы в одной стране), у меня была бы другая жизнь, вся другая».

К 50-летию гибели Цветаевой в Праге в Карловом университете на переводческом факультете была открыта выставка — «Чехия осталась у меня в памяти как один синий день». Это тоже строчки из письма к Тесковой. Известный чешский цветаевед Галина Ваничкова подобрала фотографии цветаевских мест в Праге — и все синие. Автор серьезных научных работ, она относится к поэте не по-академически трогательно: «Узнав Цветаеву, не только писать — жить нельзя по-старому». Это она, Ваничкова, добилась, чтобы сняли мемориальную доску с дома, где жила Цветаева — после только что состоявшегося торжественного открытия, которого и так ждали много лет! (У прежних властей Цветаева, разумеется, была не в чести.) А средства? «Возьмите мое золотое кольцо». И все из-за одного слова — вместо русская поэтесса на доске стояла советская. А как Ваничкова читала стихи и как слушали их студенты, которые к каждой синей фотографии (первокурсники!) подобрали и перевели с русского на чешский строки из писем к Тесковой. Силами энтузиастов — профессора З.Маттаузера, на двадцать лет отлученного от русистики не в последнюю очередь из-за Цветаевой, Г.Ваничковой, Н.Фомина, атташе российского посольства по культуре, создан юбилейный комитет, который готовит сейчас международный симпозиум к 100-летию Цветаевой. И это на фоне замерших в последнее время русско-чешских культурных связей!

«...В Чехию — рано или поздно — но вернусь непременно», — писала Цветаева Тесковой. Она возвращается — стараниями людей, которые, как и Тескова, понимают, что такое «над первые» ценности, хотя большинство и тут и у нас барахтается — живем все больше по горизонтали — в море политических страстей, сиюминутных выгод, мстительных забот.

Вот он кончик нити, распутывающей клубок, — люди. Человек. «Вы для меня настоящее лицо вашего города», — писала Цветаева. И потому, отмечая 100-летний юбилей Марины Цветаевой, не забудем упомянуть и 120-летний Анны Тесковой. Чешского друга.

«Так как вы меня — никто не любил...»

ПРАГА

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Февраль 1948 года оказался в судьбе Эдуарда Бенеша фатальным. Это был не только закат карьеры выдающегося политика и государственного деятеля, но и наступление сумерек демократии в Чехо-Словакии. Доминировавшие в парламенте и правительстве коммунисты, воспользовавшись экономическими трудностями и социальным напряжением, добились смены правительства. Внешне переворот выглядел вполне конституционным, и Бенеш уступил давлению; он не умел сопротивляться силе. Эдуард Бенеш был создан для устойчи-

вой и спокойной политической обстановки. Время, в которое он жил, таким отнюдь не было.

Эдуард Бенеш, выходец из крестьянской семьи, весьма одаренный и трудолюбивый, получил очень хорошее образование. После Карлова университета он учился в Париже и в Дижоне. В 1908 году он защитил диссертацию и стал доктором права, преподавал в коммерческой академии и университете в Праге. В политике его учителем и идейным руководителем был Томаш Масарик (Бенеш долгие годы был дружен с ним, и с его сыном). В 1918–1935 году Бенеш был министром иностранных дел, а затем был избран президентом. Пережив мюнхенское поражение, он с началом войны отбыл за грани-

цу, где возглавил правительство в изгнании. Бенеш придавал большое значение отношениям с «большим соседом на Востоке». Он с глубоким уважением относился к русской культуре. Не принимая коммунизм, Бенеш считался с ним как с серьезной — международной и внутренней — политической силой. Именно поэтому он и пошел на компромисс, согласившись после войны на союз с коммунистами. В 1946 году его вновь избрали президентом Чехо-Словакии, но судьба демократии была уже предрешена. После февральского переворота 1948 года Бенеш еще почти полгода оставался президентом, вплоть до своего отказа подписать «готвальдовскую конституцию» летом 1948 года. Загадочное самоубий-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
XX
ВЕКА

ство его друга, бывшего министра иностранных дел Яна Масарика окончательно сломало Бенеша, и осенью того же года не стало и его.

Труды Бенеша в России почти не известны. Попытаемся восполнить этот пробел статьей из заграничного русского журнала «Русская воля» (1923 г. № 13).

Демократия и дипломатия

Эдуард Бенеш (1884–1948)

Политик, как ученый, должен уметь хорошо пользоваться аналитическими способностями разума. Политик, как художник, должен обладать синтетическими способностями чувства и интуиции. В случае если политик склоняется слишком в сторону ученого, исследователя, обращает внимание лишь на реальные факты и выводит из них объективные последствия, то он не является политиком-творцом; тогда он лишь аналитик и интеллектуалист, который не умеет комбинировать, творить инициативно для будущего, видеть последствия событий, иметь широкие концепции, тогда он лишь ограниченный, сухой, нежизненный политик без интуиции и взлета. Таковой обычно бывает политика ученых по призванию, и от этого происходит то, что когда специалисты и профессора пускаются в политику, то они и делают так называемую профессорскую политику.

В случае же если политик является слишком художником, то он по необходимости чрезмерно отдается интуиции, чувствам и синтезирующему и чрезвычайно индивидуально своему духу; тогда он гонится за фантазиями, невозможными комбинациями, за голосом чувства, ведет политику страстей, любви и ненависти, у него отсутствует философская и научная дисциплина и он бывает безнадежно поверхностным. От этого происходит, что, например, большие писатели так часто терпят крушение в политике; что художники по призванию считаются обычным в политике безумцами, и люди превращают политику в романтику вследствие полного отсутствия практической психологии, превращают ее в серию комбинаций и чувств, по необходимости чрезвычайно личную, переполненную великодушными планами, которым всегда суждено потерпеть крушение.

Крупным политиком был и вечно будет лишь тот, кто умеет создать в душе гармонию и равновесие этих двух душевных способностей — аналитической основы разума и синтетической основы чувства и интуиции и кто в политике всегда готов контролировать чувство умом и ум чувством. В сущности, в этом заключается проблема политики: политика была вечно борьбой за верное понимание существующей, сегодняшней действительности — возможной завтрашней действительности. Исключительный перевес разума приводит к сухому, неживому схематизирующему интеллектуализму; исключительный перевес чувства ведет к нереальному, фантастическому, не способному к жизни и осужденному на неуспех мечтательству и крайне опасным экспериментам.

Между этими крайностями, типичными фигурами политика-ученого и политика-художника, находятся, конечно, целый ряд переходных типов политиков, комбинирующих по-разному элементы ума и чувства. В зависимости от этих соотношений они являются то лучшими, то худшими политиками.

Развитие современного политического общества идет скорыми шагами ко всеобщей демократизации. Демократизация оказывает как раз глубокое влияние на иностранную политику, которая до сих пор ей наиболее сопротивлялась. Это имеет огромное значение не только для понимания всех политических задач, но и для политика как личности. Необходимо отметить, что тип интуитивного, чувствительного и романтического политика имел и имеет до сих пор наклонности к переоценке личности и как таковой бывает чрезвычайно авторитарен, имеет наклонности к аристократическому феодальному мирозерцанию и подобному же пониманию политики вообще.

Тип политика, опирающегося на разум, наоборот, отвечает демократии. Приводят его к этой точке

зрения научный метод, объективность, беспристрастие во всей деятельности. Идея демократии также часто приводит к холодному разуму, к пониманию политики только как сухой науки, к математическому оперированию с массами и к оценке людей количественно, а не качественно. Демократия является системой всеобщего избирательного права и утверждает абсолютно одинаковую ценность каждой отдельной личности. Сознательный все это политик должен внимательно следить за тем, чтобы не взяла перевеса ни одна ни другая крайность, так как обе могут принести на практике опасные результаты.

Мировая война, в которой участвовали народные массы, вызвала у них сознание, что необходимо интересоваться политическими вопросами и принимать участие в их решении. Выигрывает ли войну та или иная сторона, но все от войны страдают. Именно потому последняя война вызвала в целом свете столь сильный рост демократического сознания и буквально «делающее эпоху» изменение в развитии человечества в сторону всеобщей демократизации общественной жизни.

В большинстве европейских государств до самого последнего времени иностранная политика была в руках нескольких людей, даже в конституционно-демократических государствах она велась абсолютистски.

Теперь всюду раздаются голоса в пользу ее демократизации; это означает, что требуют открытых переговоров по поводу всех международных вопросов, открытой дискуссии в печати и в парламенте, устранения бюрократического разрешения различных вопросов при помощи тайных нот и тайных договоров; это означает также, что в некоторых случаях решительное слово в важных международных вопросах должна иметь не исполнительная власть, т.е. министры и правительство, а законодательная, т.е. парламентские комиссии, знакомые с иностранной политикой, и сам парламент.

И если мы даже не признаем всех этих требований справедливыми, то все же некоторых из них теперь невозможно избежать. Факт налицо, что чем далее, тем больше общественное мнение становится судьей над ходом иностранной политики и направляет ее путь.

Прежде всего необходимо быть знакомым с иностранными вопросами и знать их весьма основательно, так как и иностранная политика должна быть наукой. Задачи иностранной политики менее известны, чем вопросы внутренней политики; это — всеобщее явление; на это можно услышать жалобы во всех парламентах. Лишь последняя война вызвала совершенно исключительный интерес к ним и даже изучение вопросов иностранной политики. Нет ничего худшего, если печать и общественное мнение начинают судить о вопросах внешней политики, о которых не имеют представления и которых не понимают. Последствия подобной критики бывают всегда печальны, ибо здесь идет дело о целом государстве и раз сделанные шаги гораздо труднее изменить, чем во внутренней политике: чувство комбинаций в иностранной политике может быть пущено в ход с наибольшим успехом, так как обычно здесь проблемы предстают перед нами не в конкретном виде, без деталей и сложности их. Работается с ними легче, сочетания более соблазнительны и легки, но и ошибки более возможны и опасны. Поэтому категорическим императивом каждого политика, работающего в области иностранных проблем, являющимся спокойствие, осторожность, научная сдержанность, это особенно ценно в наше время, в демократии.

Итак, первым выводом, являющимся следствием демократизации иностранной политики, есть необходимость глубокого знания ее задач.

Но иностранная политика есть ведь и искусство, и

цель ее заключается в регулировании взаимных отношений государств. Производится это при помощи дипломатов. Отношения между государствами отражаются как раз в их взаимоотношениях и деятельности... Дипломат, представляющий государство и его достоинство, должен быть предметом самого почтительного обращения, чрезвычайной вежливости; он сам обязан действовать таким же точно образом.

В демократии этого обычно не бывает, так как в парламенте и в печати редко можно встретить подобное бережное отношение к другим государствам. Если демократия желает иметь успех в дипломатии, то кроме всестороннего изучения вопроса она должна приучить себя к такту, сдержанности, скромности и осторожности при критике и разрешении проблем внешней политики. Эти качества обычно отсутствуют у политиков и журналистов, гонящихся за успехом и сенсацией. Во всех этих случаях необходимо совмещать тенденции индивидуалистической дипломатии с тенденциями прямолинейной демократической критики.

Итак, вот наше второе заключение: демократия должна воспитать себя к новым формам отношений, к такту, приличию и осторожности при переговорах по поводу иностранных вопросов, ибо она не имеет права забывать, что ни в какой иной области политика не превращается так в искусство, как в дипломатию.

Но демократизацию иностранной политики невозможно доводить до последних пределов по двум причинам.

Главная задача демократии вообще заключается в том, чтобы воспитать и довести граждан до демократии; демократия, в сущности, заключается в умении владеть собой, создавать свою собственную дисциплину, находить правильное соотношение между интересами личными и государственным и уметь справедливо ограничить значение государственного авторитета. У демократии является склонность к анархии и развалу в том случае, если ее граждане недостаточно зрелы и образованы для демократического мировосприятия. В целом ряде вопросов внутренней политики интересы целого государства играют значительно меньшую роль, чем в проблемах иностранной политики, в которой всегда выступает общий интерес государства. Значит, демократия должна подходить к вопросам иностранной политики осторожнее и сдержаннее, чем к политике внутренней. Чем больше демократия зрела, готова к жизни, тем более открытой может и должна быть дипломатия. Чем больше познаний у граждан в области иностранной политики, чем опытнее общество и чем шире его знания по этим вопросам, тем перед более широким форумом может быть открыта деятельность иностранной политики. Поэтому демократия чем дальше, тем менее будет нуждаться в тайных договорах. Благодаря последовательному развитию тайный договор станет просто внутренним противоречием целого режима. При внутренней демократии в конце концов просто не найдется министра, который бы подписал тайный договор.

Для того чтобы было возможно проводить последовательную демократическую иностранную политику, было бы необходимо, чтобы всеобщий процесс мировой демократизации влиял не только внутри государства на внутреннюю политику, но чтобы он вводил демократизацию междугосударственную, демократизацию взаимных отношений государств. К сожалению, до сих пор мы этого не видим. Демократизм более осуществим внутри государства, потому что обычно здесь можно у отдельного гражданина вызвать сознание пользы государства, чувство патриотизма, которому могут быть подчинены отношения к другим гражданам, классам, партиям.

У государств при их взаимных отношениях этого нет. Международный, всечеловеческий патриотизм до сих пор еще не существует. Государства как таковые не достигли еще той ступени, на которой они могли бы в решительный политический момент в конечном счете не руководствоваться своими самыми узкими интересами...

Ввиду того, что даже при наилучших взаимных отношениях одно государство всегда стремится извлечь всевозможные экономические и политические выгоды из другого, совершенно невозможно, чтобы целый ряд вопросов разбирался открыто. Невозможно предание гласности отдельных актов, нельзя запретить обсуждение доводов «за» и «против» в закрытых министерских заседаниях и требовать, чтобы все разбиралось на открытых собраниях. Государство, которое бы так поступило, проиграло бы все.

В современных конституционных государствах открытая дипломатия достаточно обеспечена принципом ответственности министров и свободой печати. А потому и наиболее демократические государства признают, что правительство должно иметь возможность в интересах самого государства не сообщать некоторые вещи публично и само избирать время и способ, какими эти вещи должны быть переданы на рассмотрение и для контроля обществу...

Как только демократический режим сделал иностранные вопросы предметом открытого обсуждения в печати и в парламенте и превратил таким образом вопросы войны и мира, конфликтов, соглашений и союзов в вопросы народных масс, стало необходимо искать пути к этим массам, к печати и парламентам соседних государств при помощи подробной информации.

Демократизация иностранной политики в основе изменяет требования, которые предъявляются к дипломатическим органам. Ответственный министр, будучи постоянно подчинен общественной критике парламента и печати, переносит этот контроль, конечно, не непосредственно, и на дипломатическую службу... Этот контроль предъявляет к демократическому дипломату и большие требования. Каждый дипломат должен действительно знать все вопросы иностранной политики, иметь широкую эрудицию и всеобъемлющее синтетическое образование. Демократический дипломат все более и более оставляет в стороне формальность, внешние и салонные формы и обращает больше внимания на реальную сущность вопроса, чем на его форму. Из-за одного этого у него более тяжелая ответственность.

Потому же дипломатия демократического режима, как внешне, так и внутренне, должна считать своими основными принципами и всюду применять: *честность, реализм и суровое чувство права*.

Не было бы более ошибочного мнения, чем желание видеть в демократическом дипломате то, что обычно подразумевается под дипломатией, т.е. различные полутайные переговоры, взаимное обманывание, многозначительные речи.

Подобные представления чем дальше, тем больше будут исчезать, так как они могли быть и еще имеются только там, где иностранная политика была в руках ограниченной касты людей, которые, не будучи подчинены общественному мнению и будучи уверены, что их действия останутся в тайне, могли себе позволить такого рода методы и действия.

В демократии, где чем дальше, тем больше все вопросы иностранной политики от начала до самого решения подлежат критике, подобные методы и действия совершенно невозможны, так как подобная дипломатия не выдержала бы самого короткого вре-

мени в глазах общественного мнения. Единственное целесообразное орудие демократической дипломатии — это защита правды, чувство права и честность.

Демократический дипломат далее никогда не должен вести политику престижа. До тех пор пока международные споры решал ограниченный круг людей, или каста, политика престижа была обычным явлением; в сущности — это дипломатия абсолютизма. Кроме того, в те времена политика была гораздо проще, чем при демократическом режиме. Политика престижа имеет лишь две возможности: или полную победу, или капитуляцию (если и не по существу, то по крайней мере формально, в большинстве случаев именно формально). Именно это-то и является наиболее опасным в международных отношениях: при политике престижа в конце концов всегда неизбежен проигрыш.

При ней или достигается исключительно формальная победа, и тогда проигрывается существо вопроса, причем к этому еще присоединяется смертельная ненависть противника; или же, при выигрыше по существу, неизбежна формальная уступка, причем, конечно, наряду с положительными приобретениями терпят ущерб достоинство и положение страны, а противник все-таки становится вечным врагом.

Из этого можно легко сделать заключение, что всякая политика престижа ведет к неприязни, но никогда к мирному разрешению конфликта. *Дипломатия престижа является опасностью для мира.*

Ко всему этому необходимо добавить, что при абсолютистском режиме дипломатия престижа не вела всегда к столь роковым последствиям и была более терпима. Вопрос престижа бывал там обычно связан с вопросом самолюбия или удовлетворения заинтересованных дипломатов или политиков, что вполне соответствовало режиму, где важные вопросы зависели исключительно от воли отдельных лиц.

В демократии дело обстоит гораздо сложнее. Ввиду того, что государства и общественное мнение в них гораздо чувствительнее, чем личности, так как нарушение интересов или оскорбление народа или государства чувствуется сильнее, получается, что всякая постановка спора на почве престижа государства закрывает навсегда как государству, так и участвующим в переговорах дипломатам путь к отступлению.

Подобные выступления не только чрезвычайно раздражают общественное мнение, не только чувство неприязни, возникающее из-за политики престижа, много сильнее, но при чувствительности и легкой воспламеняемости общественного мнения политика престижа у дипломатов демократического режима чрезвычайно опасна, потому что, будучи под контролем общества, они не могут отступить от своего первоначального взгляда.

Итак, вот второй вывод: демократический режим во всех своих последствиях не может выносить дипломатии, ведущей политику престижа. В конце концов демократическая дипломатия в своих собственных интересах должна сопротивляться какой бы то ни было политике престижа.

Наш вывод из всего сказанного выше можно формулировать следующим образом: современный дипломат демократического режима должен быть знатоком в своей области и должен быть честен, с сильно развитым чувством права; он должен быть человеком скромным и сдержанным, не стремящимся к политике престижа, не верящим в скорые и очевидные успехи, ибо демократия не сочувствует и противоречит этому всей своей сущностью.

В демократическом обществе внешняя политика и дипломатия всегда подлежат критике и анализу, которые-то и позволяют вносить в них исправления

«В одном из военных лагерей США проходят подготовку ливийцы, которые в нужный момент вступят в дело, чтобы свергнуть нынешний режим в Триполи. Я и Буш вместе сокрушим Каддафи», — заявляет наследник ливийского трона **Идрис Аль-Сенусси**.

Принц Идрис — прямой потомок последнего короля Ливии, лишённого трона в 1969 году. Он проживает в Риме, где возглавляет процветающее посредническое бюро.

По мнению Идриса, Каддафи на сегодняшний день представляет собой «некий анахронизм, наподобие Фиделя Кастро в Латинской Америке». Когда Каддафи в августе прошлого года поддерживал российских загворщиков, которые потерпели поражение, «это его окончательно скомпрометировало», считает Идрис Аль-Сенусси.

Принц убежден, что восстание в Ливии начнется с армии, и хочет быть полезен своему народу в трудное время. «И совсем необязательно в качестве короля», — подчеркивает он. Но тут же напоминает, что начиная с 1863 года, когда его предок выдвинул идею объединения Ливии, сенуссистская монархия выступала гарантом стабильности и единства племен. Именно такую политику проводил и его прадед, король Идрис, который возглавил борьбу против итальянских оккупантов и, пре-

жде чем воссесть на троне, провел референдум среди представителей племен...

Кроме того, принц рассчитывает на международное признание. По его словам, у него много друзей в США, приглашали его выступить и в британском парламенте. Его друг король Испании Хуан Карлос II также обещал полную поддержку. Правительства арабских стран Персидского залива тоже целиком и полностью на стороне представителя ливийской монархии.

Больше всего 32-летнего **Винсента Линдона** раздражает, когда его имя появляется на

страницах скандальной прессы рядом с именем принцессы Монако Каролины Гримальди. Да, он действительно друг принцессы, но предпочитает, чтобы о нем говорили в первую очередь как о киноактере.

Сын парижского буржуа, выходец из семьи, давшей немало известных журналистов и адвокатов, Винсент был со школьных лет охвачен страстью к театру. Он бросил учебу и поступил работать к известному комику Колюшу в качестве шофера, техника и вообще мастера «на все руки». Впоследствии был помощником режиссера Алена Рене в фильме «Мой американский дядюшка». Как правило, Линдон обращал на себя внимание необыкновенной застенчивостью. «Я вызывал жалость и таким образом добивался того, в чем отказывали другим», — вспоминает он.

Постепенно продвигаясь вверх, он наконец получил роль в фильме Клода Пиното «Студент», за которую был удостоен в 1989 году премии Жана Габена. Мастерство Линдона по достоинству оценил Клод Лелюш, пригла-

сивший его быть партнером Беатрис Далле в картине «Прекрасная история».

Критики называют его новым Аленом Делоном. Однако Винсент с большим почтением вспоминает Ива Монтана, с которым он вместе снялся в фильме «Нечаев вернулся» и который незадолго до смерти сказал: Линдон должен стать его преемником во французском кинематографе.

Лидер американской профессиональной баскетбольной команды «Денвер Наггетс» 25-летний **Дикембз Мутombo** говорит на 9 языках и хочет стать дипломатом.

Семь лет назад он изучал медицину в университете Киншасы, столицы Заира. Мечтал стать врачом. Осуществлению вполне реальной мечты помешали его брат Ило... и рост самого Дикембз — 2 метра 20 сантиметров. Когда Дикембз исполнилось восемнадцать, Ило посоветовал ему всерьез заняться баскетболом.

В баскетбольной команде Джорджтаунского университета Дикембз научился хорошей профессиональной игре. В нынешнем сезоне он успешно дебютировал в чемпионате Национальной баскетбольной ассоциации и на сегодня, пожалуй, основной претендент на звание «лучшего новичка лиги», зарабатывая в год около 3 миллионов долларов.

Первый год учебы в Джорджтауне Дикембз полностью посвятил изучению английского. Кроме того, он владеет еще тремя европейскими и пятью африканскими языками.

Жизнь звезды баскетбола не ограничивается спортивной площадкой. Он работал в конгрессе штата Калифорния, во Всемирном банке реконструкции и развития. Сейчас Мутombo пытается учредить специальную стипендию для африканских студентов, приезжающих на учебу в США.

Несмотря на пятилетний контракт с «Наггетс», Дикембз уже строит планы на жизнь «после баскет-

Разведчик пишет «контрмемуары»

57-летний полковник КГБ **Михаил Любимов**, бывший резидент советской разведки в Дании, первым из сотрудников комитета выступил с резкой критикой своего ведомства. Это было три года назад. Затем Любимов поддержал опального коллегу — генерала Олега Калугина в его громких разоблачениях.

Во время парламентских слушаний о незаконном переводе руководителями КПСС денег зарубежным компартиям Любимов выступил свидетелем. Он заявил, что по указанию ЦК лично передал 300 тысяч долларов лидерам датской компартии.

Датские газеты на днях обратились к Любимову с просьбой дать авторитетное заключение: был или не был агентом влияния КГБ известный датский журналист.

Свободное от разоблачений время Любимов отдает изящной словесности. По его пьесам из жизни спецслужб — «Убийство на экспорт» и «Легенда о легенде» — были поставлены спектакли; в 1990 году в «Огоньке» был опубликован роман «И ад следовал за ним». В ближайшее время увидят свет главы из автобиографической книги Любимова «Контрмемуары шпиона».

М.Саввантова

бола». «ООН? А почему бы и нет? Я бы там поработал», — говорит он.

Президент Финляндии **Мауно Койвисто** подписал медицинское завещание, в котором отказывается от «искусственного поддержания жизненных функций» в случае, если болезнь или возраст не оставят ему надежды на выздоровле-

ние. Президент, чье здоровье сейчас удовлетворительно, заранее отвергает существование в качестве придатка к машинам типа «сердце-легкие», которые все чаще используются для весьма спорного продления биологической жизни утративших сознание пациентов.

Развернувшаяся на Западе дискуссия об этических последствиях чрезмерного вмешательства технического прогресса в вопросы жизни и смерти достигла, таким образом, высшего политического эшелона.

Найдется немало примеров, когда врачи не решались сами отпустить в мир иной политиков такого класса: испанский диктатор Франко, советские генсеки Брежнев, Андропов, Черненко. Предыдущий финляндский президент Кекконен длительное время был очень плох, но министры делали вид, что он просто болеет, и приезжали к нему за «советами». Избранный на срок до 1994 года 68-летний Койвисто, видимо, не желает, чтобы вновь министры, почта полчасика газету в приемной находящегося в коме лидера страны, потом заявляли журналистам на улице о содержании «полезной и глубокой беседы».

Президентский врач считает завещание смелым и важным шагом, который послужит примером для тех, кто не хотел бы вынуждать медиков и близких родственников брать на душу грех, выключая приборы жизнеобеспечения. Согласно новой практике пациенты смогут письменно сообщить управлению здравоохранения о

сделанном ими выборе, не дожидаясь, пока болезнь или старость лишат их способности распоряжаться собственной судьбой.

А.Полюхов,
соб. корр. «НВ»
СТОКГОЛЬМ

Отчаявшись добиться хоть какой-то поддержки от властей бывшего Союза и нынешнего Содружества, российские немцы создали Фонд реабилитации и помощи жертвам сталинизма и трудармейцам. Его возглавил сибирский писатель **Александр Дитц**.

Большую часть своего рабочего времени Дитц проводит теперь не за письменным столом, а в приемных высокопоставленных чиновников, от которых зависит признание заслуг бывших узников так называемых рабочих колонн. Около 800 тысяч российских немцев в возрасте от 14 до 60 лет в первый год войны были отправлены в Сибирь и Казахстан в трудармии, иначе говоря, в ГУЛАГ. Около полумиллиона из них из лагерей не вернулись. Тем, кто вы-

жил, рассказывать о своей трагической судьбе было запрещено. До недавнего времени они не имели права претендовать ни на какие льготы и награды. Чуть меньше года назад по указу бывшего президента СССР Михаила Горбачева им начали вручать медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945». Но не всем. А лишь тем, кто представит документы, подтверждающие свой «добросовестный труд» за ключей проволочкой...

Когда-нибудь бесправному и униженному положению российских немцев в нашей стране должен

прийти конец, считает Александр Дитц. Его фонд старается оказать посильную помощь тем, кто пытается восстановить полвека спустя свое доброе имя, разыскать прах сгинувших в сталинских лагерях родных. «Я не могу, не имею морального права не делать этого: я потерял в трудармии отца, в лагере «Чепец» погиб мой старший брат Готлиб, не вернулись дядя и два двоюродных брата, едва выжила мать на непосильной работе в красноярской тайге... За что?» — говорит писатель.

Александр Дитц родился перед войной на Волге — в автономной немецкой республике. В 1941 году вместе с родителями был выселен в Алтайский край, где в 13 лет сел за трактор. Позднее Александр закончил партийную школу (большая удача для немца) и финансово-экономический институт. Попал на комсомольскую, а затем партийную работу в Барнаул. С начала 80-х годов начал публиковать первые рассказы о Сибири и жизни российских немцев.

Сегодня Дитц мечтает построить под Барнаулом — лечебный комплекс для тех сибиряков, кто прошел через репрессии и сталинские лагеря. Но, как и во всяком благородном деле, его фонду не хватает средств. Хотя Дитц надеется, что спонсоры найдутся, и рассчитывает на пожертвования, которые можно с обязательной припиской «Фонд трудармейцев» перечислить по адресу:

656068, г. Барнаул,
ул. Крупской, 91 а, Алтайский
региональный Россельхоз-
банк; рублевый расчетный
счет № 700228, МФО 101017;
валютный расчетный счет
№ 070712 МФО 101017, на
корреспондентском счете
№ 0730459/001, МФО 299178
в Россельхозбанке г. Мо-
сквы.

К.Исаков

«Политическое убежище» для депутата

«Пока на Украине Кравчук, мое политическое «убежище» — в России», — заявляет 38-летняя **Алла Ярошинская**, в недавнем прошлом народный депутат СССР, а теперь начальник управления средств массовой информации при российском министерстве печати. Ярошинская занимается вопросами прогнозирования и развития российских газет и журналов, «выживаемости» печати в условиях рыночной экономики.

Конец политической карьеры? «Разве то, чем я сейчас занимаюсь, не политика? — говорит Ярошинская. — Ко мне часто приходят журналисты из региональных и областных газет с просьбой о защите их прав. Я стараюсь помогать всем...»

После окончания журфака Киевского госуниверситета Ярошинская 13 лет проработала корреспондентом газеты «Радянська Житомирщина». Ее имя стало известно всей стране после разоблачительных материалов о чернойбыльской трагедии. Она завоевала депутатский мандат в тяжелой борьбе со всем областным партаппаратом. В ноябре прошлого года в России вышла документальная повесть Аллы Ярошинской под названием «Чернобыль с нами».

Сейчас Алла Ярошинская изучает четыре десятка секретных документов политбюро по Чернобылю, о которых собирается написать.

Бен Брамс:

Нужен лишь хороший портной

Англия и Тайвань, Соединенные Штаты и Сингапур, Литва и Гонконг, Россия и Казахстан — вот лишь некоторые адреса, где ведут дела фирмы крупного британского предпринимателя **Бена Брамса**. Родившийся в англо-немецкой семье в Литве, он провел детство в этой, тогда советской, республике. Из тех времен — и сочный русский язык. В беседе со специальным корреспондентом «НВ» **Владимиром Житомирским** в своей лондонской штаб-квартире он рассказывает о тех проблемах, которые приходится преодолевать западным предпринимателям, отважившимся «войти в контакт» с экономикой стран, из которых прежде состоял СССР.

— Вы ведете дела с бывшим Советским Союзом. Зачем вы это делаете?

— Содружество, или, если хотите, экономическое пространство, имеет огромное будущее. Думаю, лет через 10 этот регион станет одним из самых мощных в мире — если люди правильно подойдут к решению стоящих там проблем.

На территории бывшего Советского Союза живут люди, которые имеют необыкновенно высокий уровень знаний. Однако недостаточно произвести хороший продукт, надо обязательно установить связь с рынком, вести маркетинговое, иметь возможность сбыта (транспорт, склады, продажа). В России ведь как: сделают туфли, все на левую ногу, а потом стараются их продать. Правильный подход — это сначала продать, а потом сделать.

— Продать сначала? Так сказать, мысленно?

— Сначала надо «отработать» рынок. Недавно, к примеру, я получил предложение: некто из СНГ хочет продать какой-то генератор мощностью 5 киловатт за 7,5 тысячи долларов. Это обремененное дело — слишком большая сумма, за генератор, способный вырабатывать всего несколько киловатт энергии. Глупость. Но люди эти, по их представлениям, руководствовались рыночными ценами, хотя действовали вне контекста, не изучив глубоко конъюнктуру. Почему высокий уровень был у вашей оборонной промышленности, державшей второе, а то и первое место в мире? Гигантские деньги вкладывались в маркетинг, в научные исследования. Определяли, что требуется, а уже потом старались это изготовить.

— Вы говорите об оружии, которое производилось на экспорт? Или о том, что просто поставлялось армией?

— Вообще об оружии, производимом военно-промышленным ком-

плексом для обеспечения мощи вооруженных сил СССР. Безусловно, если вы оказались в состоянии побить в этой сфере американцев, становились № 1, то и у других появлялся интерес к этой продукции.

— Какой же это, однако, рынок? Государство закупает все вооружения, причем по цене, которую назначает сам производитель...

— Это лишь означает, что для достижения поставленной цели в области маркетинга не считались ни с какими расходами.

— Почему же западный бизнес не торопится иметь с нами дело?

— Ни у кого не возникает вопроса: можно ли делать инвестиции в Америке? Отберут ли у тебя там твою собственность или доходы? Если же появляется перспектива вложения капитала в России, задаешься вопросом: «А какие у меня будут гарантии?..» Знаешь, что можешь столкнуться с государственным бандитизмом. Когда мы будем анализировать время перестройки, то придется признать: всякий раз, когда человек чуть поднимал голову, ему ее срубали. Чудовищные законы позволяли отбирать у человека заработанное... в соответствии с законом, действовавшим в тот момент. Страна беззакония. Страна, где уровень коррупции исключительно высок. Все делается, чтобы законодательство было распыленным, максимально усложненным, позволяющим интерпретировать его так и эдак. Это лишь стимулирует коррупцию. Сейчас, правда, господин Ельцин подписал новые законы...

Неужели нельзя перевести на русский язык какой-нибудь закон, скажем английский коммерческое право? На сегодняшний день в России не существует коммерческого закона. Возьмем Англию. Вам достаточно зайти в таможню, чтобы в течение трех минут прочитать все, что вас может интересовать о налогах. Но можно ли вести дела со страной, где раз за разом полностью меняют «правила игры»? Вот сейчас резко

подняли налог на вывозимый алюминий. Но ведь это отпугнет предпринимателей. На мой взгляд, страна не сможет самостоятельно подняться, если не будет продавать сырье. Ведь, если приравнять цены на дерево, уголь, нефть, цветные металлы к мировым, проблема конвертирования была бы решена. Рубль выровняется сам по себе, не нужно придумывать что-то искусственное. И дайте людям свободу. В каком, спрашиваете, смысле? Пусть они придерживаются жесткого закона, порядок абсолютно необходим. Но дайте людям работать. Пока же постоянно получается так: если человек немного разбогател, у него все надо обязательно отнять. Вот у меня одно совместное предприятие должно было принести 40 миллионов рублей. Но...

— У вас отбирают эти миллионы?

— Конечно. Ведь все законы у нас имеют обратную силу. Какой-то президентский налог введен задним числом. А ведь внести рациональность не так сложно. Взять ту же приватизацию. Казалось бы, чего проще — пошли за границу несколько человек, пусть они посмотрят, подискутируют две-три недели, вернутся и — принимай тогда стратегические решения. Правильно?

— Может быть, это нормальные трудности роста?

— Капитализм в бывшем СССР на порядок агрессивнее того, что было в Чикаго в 20-х годах... Уничтожается все, что имелось у вас хорошего, — тот же военно-промышленный комплекс, к примеру. Я бы, например, сохранил эти замечательные заводы, при этом платил бы работающим там большие деньги. Дал бы людям в аренду землю (я бы ее не продавал — так ведь несколько богатеев всю ее и скупят), а сдал в аренду и — получал с арендаторов налог процентов 25 или иное количество, в зависимости от качества земли. Спустя пять лет, видя, что земля обрабатывается, что человек ее любит, можно эту землю продать человеку за 50 процентов ее стоимости на этот момент. За эти пять лет люди поймут, что такое культура производства. Хочет арендатор себе оставить этот участок — пожалуйста, нет — имеет право перепродать кому-то другому. Так я понимаю приватизацию земли.

А взять легкую промышленность. Сегодня они что делают — берут завод, за который было заплачено 40 миллионов долларов, и стараются приватизировать за 40 миллионов рублей. Оставьте в покое эту государственную собственность, дайте рабочим трудиться. Обанкротится

предприятие — пусть его продадут с торгов... А пока что вы, скажем, шьете столько-то костюмов, и я вам плачу 50 тысяч рублей, а другой, работающий на той же государственной фабрике, делает гораздо меньше и получает тысячу. Вы трудитесь более умело и интенсивно — он нерадив. Вы богатеете, но не за счет махинаций, а за счет своего труда. Через пять лет мы выпускаем акции, к этому времени люди уже привыкли к мысли об акционировании предприятий. И вы сможете купить больше этих акций. Это и есть приватизация! А не лозунг: «Завтра же все выкупить!» Приватизировать хрущевские пятиэтажки — это мне понятно. Но заводы, общественные здания, вдобавок благодаря тому, что кто-то с кем-то знаком, имеет связи с Моссоветом или еще где-то, — это полное жульничество.

Но легкую промышленность дайте развивать. Пусть кто-то привезет новое оборудование — новый станок и платит установленный налог. За счет доходов от налогов можно будет субсидировать ВПК, железные дороги... Чтобы подпитать все это, есть необыкновенно богатая ресурсная база вторсырья.

— **Какие-то примеры из вашей практики?**

— Вот я хотел в свое время поднять топляк со дна реки возле Красноярска. Вел переговоры целый год и ничего не добился. А ведь там столько этого затонувшего леса! 500 километров длиной река, 30 метров шириной, и на глубину 5 метров дно ее сплошь покрыто бревнами. Как это называется? «Собака на сене» — так, кажется? А ведь леса у вас гниет больше, чем вывозится на экспорт.

— **И все же о ВПК. Если его поддерживать, то он будет либо продолжать наводнять внутренний рынок, причем покупать его продукция будет вынуждено государство, либо выбрасывать вооружения на внешний рынок.**

— Вы меня не так поняли. Я не имел в виду, что будет продолжен выпуск военной продукции. Надо провести конверсию, но сделать это толково. Вот посмотрите, как это в Англии делается: назначаются комиссии, которые всесторонне изучают вопрос, и в первую очередь рынок, проводят маркетинг. А у вас это напоминает времена Хрущева, который потребовал на следующий день повсюду посадить кукурузу... Нет стабильности сегодня в России, а если в государстве нет стабильности, нет и роста промышленности. Все сегодня стараются спекулировать: купить и тут же продать. Нет программы, которая бы меня однозначно убедила: в России можно сегодня вкладывать капитал. Очень редко ты получаешь отдачу от того, что вложил. Надо дать людям воз-

Рисунок Аркадия Гурского

можность разбогатеть с помощью своего труда.

— **Но как это сделать на старых, нерентабельных предприятиях?**

— Нужно взять кредит в западном банке.

— **Под какие гарантии?**

— Под те, что завод будет искать возможность выпускать продукцию, которую можно экспортировать. Вот у вас есть предприятие, выпускавшее ракеты. Вы хотите провести на нем конверсию. Что сделают умные люди? Пригласят одного или нескольких западных специалистов, введут их в руководство и поставят перед ними задачу: что надо делать, чтобы завод выпускал конкурентоспособную экспортную продукцию. И пусть те предложат свои программы — краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную. Чтобы одна дополняла другую как букет цветов. Скажем, специалистам этим надо заплатить 50 тысяч. Таких денег нет. Но 50 миллионов выбросить — это zapросito. Так что приглашение экспертов — путь самый эффективный и дешевый.

В бывшем СССР всегда было очень мало специалистов, способных подготовить технико-экономическое обоснование. И это одна из причин, почему вам так сложно получить кредиты, — вы не можете объяснить, куда именно пойдут эти миллиарды. У вас, казалось бы, есть все — и необыкновенно умный народ, перед которым я преклоняюсь, и богатейшие ресурсы. Но нужны мелкие вещи. Знаете, как с костюмом: он может быть из хорошего материала, но где-то шире, где-то уже. Нужен хороший портной. Штрихи и детали решают всё.

— **Вы, насколько мне известно, считаете, что у совместных предприятий в их нынешнем виде нет будущего. Почему?**

— С «советской» стороны работают люди, занятые на казенном предприятии, они не получают прибыли и от этого у них соответственная психология. Человек работает еще в пяти местах, не слишком выкладывается на вашем СП... Надо дать людям возможность свободно зарабатывать валюту.

— **Я слышал, что вы арендовали или приобрели большой участок земли в Сибири...**

— У нас там было совместное предприятие...

— **...против которых вы выступаете.**

— Да... Все зависит от хозяина. Мы поддерживали людей — а это самый большой капитал, — и они сумели выкупить участок лесопереработки. А у нас там было СП, выпускавшее по японской технологии шпон — тонкое покрытие для мебели. Мы как бы дали им толчок, помогли в этом деле. И СП наше продолжает работу.

— **Что представляет наибольшее трудности в ваших деловых отношениях с бывшими советскими республиками?**

— Я всегда верю людям. И ужасно, когда человек не выполнил обещанного из-за того, что кто-то другой его подвел. Это меня убивает — когда люди не держат слово. От этого явления можно будет вылезти, когда сформируется свободный рынок и человек будет отвечать сам за себя. Пока же в системе, существующей в России, вы имеете возможность богатеть за счет каких-то государственных структур. Ты можешь взять кредит у какого-нибудь дяди Васи, с которым знакома твоя жена. Если этот дядя Вася дал тебе кредит в 50 миллионов рублей, ты можешь конвертировать их в доллары. И даже если ты не обеспечишь прибыль, в худшем случае пожурят дядю Васю: кому ты, мол, кредит даешь? Ничего тебе не делают...

— **Скажите, Бен, а вам приходилось, как говорится, «давать на лапу»?**

— Я страшно не люблю этого. Я никогда так не подхожу к делу. Вот если ты сделаешь что-то, ты получишь вознаграждение. Человек, который хочет получить вперед, либо жулик, либо не в состоянии ничего сделать. Вот художник — он не говорит: дайте мне денег, я нарисую вам картину; он сначала создает ее, затем может продать.

— **Вы говорите о человеке-производителе, я — о человеке, от которого что-то зависит: подпись, лицензия...**

— Я всегда стараюсь избегать всего, что, на мой взгляд, незачинно. Взятка остается взяткой и должна караться по закону. Это и моральные нормы, и расчет — я ведь могу все потерять, попасть в тюрьму.

ЛОНДОН—МОСКВА

В поисках веры и семьи

Белые женщины выбирают ислам

Калифорния занимает второе после Нью-Йорка место по числу белых американцев и американок, которые учатся жить по правилам мусульманской общины. Хотя эта вера у многих американцев ассоциируется с угнетением и несвободой.

...Группа белых мусульманок собирается в скромном бунгало в пригороде Сан-Франциско. Здесь они изучают арабский язык и постулаты ислама.

Учительницу Амину, мать четверых детей, воспитали в мусульманской вере отец-пакистанец и белая, обращенная в мусульманство мать. Она прекрасно говорит по-арабски и имеет степень магистра. «Все, кого вы здесь видите, окончили колледжи, — говорит Амина. — Мы не соответствуем сложившемуся стереотипу необразованной, угнетенной мусульманской женщины».

Эти женщины пригласили в класс американского репортера в дни, когда у всех были еще свежи воспоминания о войне против Ирака. Они хотели рассказать о религии, которая в начале XXI века станет третьей по распространенности в Соединенных Штатах, оставив позади иудаизм.

«Я была воспитана в лютеранской вере, подростком стала посещать баптистскую церковь», — говорит Роксана. 36-летняя блондинка, в прошлом королева университетских вечеров в Висконсине, она руководит ныне центром по уходу за детьми в Беркли. После того как Роксана вышла замуж за мусульманина-марокканца, она почувствовала, что ее привлекают строгие требования ислама: молитва пять раз в день, чувство социальной ответственности, запрет на алкоголь и наркотики. «Мне необходима такая строгость», — говорит Роксана. — Ислам помогает мне сдерживать себя».

Воспитанная родителями-марксистами в атеистическом духе «в анархистском доме», 38-летняя учительница Назира страстно желала порядка и религиозной веры. Она узнала об исламе от одного мусульманина афро-американского происхождения, когда ей было 18 лет. Вскоре она приняла новую веру и вышла за этого мусульманина замуж. Через 16 лет они развелись. Назира осталась

одна с четырьмя детьми, закончила университет в Беркли и стала преподавать в мусульманской школе в Окленде. «Когда вам скажут, что женщины-мусульманки не свободны, посмотрите на меня», — говорит Назира. Обаятельная, умеющая убеждать, уверенная в себе, Назира упивается собственной противоречивостью. «Мне нравится наблюдать за тем, как люди реагируют на меня — на то, как я одета. Когда я начинаю говорить, их удивляет еще больше, что я — не сумасшедшая, а умная женщина».

Назира уверена, что плотная ткань нравственного учения защищает жен-

иной веры. В Коране говорится, что мужчина должен содержать свою жену и хорошо с ней обращаться, но женщины обязаны «повиноваться» своим мужьям.

Хадиджа Чадли — еврейская девушка, которую раньше звали Шелли, приняла ислам под влиянием музыканта мужа из Марокко и суфизма, древней исламской мистической традиции, делавшей упор на молитве, созерцании и самопознании. Суфизм — это вторая помимо брака с мусульманином причина, по которой белые американки приходят к исламу.

Чадли нашла в новой вере возможность строить свою жизнь вокруг семьи. Раньше она годами в одиночестве путешествовала по Европе и Азии, знакомясь с различными религиями. Теперь ее жизнью руководит ислам. «Мне необходима крепкая опора. Раньше я вела аморфную жизнь. Мне нужна была семья. Пророк много писал о том, как обрести семью, и это нашло в моей душе отклик».

Несмотря на западные стереотипы, большинство обращенных женщин утверждают, что в исламе обрели свободу, говорит Ивонн Хаддад, редактор книги «Мусульмане Америки» и преподаватель истории в Массачусетском университете.

Приняв религию, которая никогда не выдвигала женщин в лидеры, белые новообращенные мусульманки проявляют немалую активность в американской общине, организуют женские группы, школы и местные исламские центры. Их деятельность в этой сфере необходима для развития американской демократической разновидности ислама, где верующие выбирали бы руководителей мечетей и исламских центров, отмечает Хаддад.

Несмотря на тенденцию исламского фундаментализма ограничить деятельность женщин работой в группах и школах, американские мусульманские организации еще очень слабы, чтобы обойтись без участия женщин, утверждает Марсиа Херманс, преподаватель курса религии в Сан-Диего. «Здесь женщины всегда будут активнее, чем на Ближнем Востоке, потому что их деятельность нужна для становления американского ислама».

Джоан Уолли
САН-ФРАНЦИСКО
«Пасифик ньюс сервис»

Исповедующие ислам женщины считают, что мусульманская одежда заставляет мужчин обращать внимание не на их прелести, а на интеллект

Фото Владимира Житомирского

щину лучше, чем западный феминизм, который, по ее мнению, лишь освободил мужчин-американцев от обязательств содержать женщину, но не дал женщинам взамен возможности содержать самих себя. «Покров» — одежда, скрывающая тело женщины и одновременно освобождающая ее, считает Назира. «Мне претила мода на свободный секс, появившаяся в 60-е годы. Без паранджи я чувствовала себя постоянно выставленной на всеобщее обозрение как сексуальный объект. Когда на мне паранджа, мужчин интересует мой интеллектуальный уровень».

Другие мусульманки говорят об историческом, по исламу, праве для женщин владеть собственностью и наследовать ее, работать вне дома. С другой стороны, по законам ислама женщине труднее получить развод, и они могут наследовать только половину того, что наследуют их братья. Мужчины могут жениться на немусульманках; женщинам запрещено выходить замуж за приверженцев

БИРЖИ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ

Объединяются три ведущие биржи Екатеринбурга —

**Свердловская товарная биржа,
Уральская биржа,
Уральский биржевой центр.**

Ежемесячно на
торгах трех бирж вы-
ставляется товаров на
сумму до 30 миллиардов руб-
лей, заключается сделок на
сумму до полумиллиарда рублей.

**Объединение — первый шаг на пути создания
крупнейшей биржи горного профиля.**

Будущая Екатеринбургская биржа — это 1250 акционеров, 170 млн. рублей уставного фонда, более тысячи брокерских контор, опыт ежедневных торгов, торговля сырьем, рудами, горнопромышленным и горнодобывающим оборудованием, энергоносителями, металлами, цветным и полудрагоценным камнем, а также недвижимостью, ценными бумагами, продуктами питания, товарами народного потребления.

Контактные телефоны
в Екатеринбурге:

(3432) 569-902, 569-981.
Телефакс 569-986.

INTERNATIONAL
ELECTROTECHNICAL
COMMODITY
STOCK
EXCHANGE

18-31

**Международная
электротехническая
товарно-фондовая
биржа в
Новосибирске
становится центром
притяжения
производителей
электротехники.**

Ее учредители —
более 200
предприятий
от Балтики
до Камчатки.

Уставный
капитал —
100 миллионов
рублей.

Биржа принимает в
число учредителей тех,
кто производит
электротехническую
продукцию.

Учредительская акция —
50 тыс. рублей или 15
тыс. долларов США —
дает право на два
брокерских места.

Для посредников биржа
предлагает свободную
продажу брокерских
мест. Стоимость
каждого — 500 тыс.
рублей или 50 тыс.
долларов США.

**Наш адрес: 630104, Новосибирск, Красный проспект, д. 67-а.
Телефоны: (3832) 22-25-45, 22-78-14; факс: 21-50-54**